

ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ

ПИСЬМА И ЗАПИСКИ
ОММЕР ДЕ ГЕЛЛЬ

Павел Петрович Вяземский

Письма и записки

Оммер де Гелль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7918837

Аннотация

«Я не узнаю моей книги ни в издании 1860 года, ни в издании моего покойного и незабвенного мужа (1843–1845). Это заметки, не имеющие ни малейшей связи, сшитые как попало или связанные вместе, но наобум. Правда, я согласилась с мнением моих лучших, самых веских и влиятельных друзей – исключить кое-какие подробности самого конфиденциального характера. Я преклонилась перед волею графа Сальванди. По возвращении моем из России, в конце 1841 года, несмотря на смерть герцога Орлеанского, мои отношения к королевской фамилии сделались еще интимнее, я была в еще большей милости (1842–1845); у ног моих были герцог Немурский, принц Жуанвильский и д'Омаль...»

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	9
№ 1. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ	18
№ 2. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ	22
№ 3. ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ	24
№ 4. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ	27
№ 5. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ	39
№ 6. ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ	41
№ 7. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ	47
№ 8. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ	55
№ 9. ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ	57
№ 10	59
№ 11	62
№ 12	63
№ 13	64
№ 14. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ	65
№ 15	68
№ 16. ГРАФИНЕ ЛЕГОН В БРЮССЕЛЬ	69
№ 17	71
№ 18	73
№ 19	74
№ 20. ПОЛИНЕ «МЮЕЛЬ»	75
№ 21. ГРАФИНЕ ЛЕГОН»	79
№ 22. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ В ЭПИНАЛЬ	83

№ 23. ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ В ЭПИНАЛЬ	86
№ 24. ГРАФИНЕ ЛЕГОН	91
№ 25. ГРАФИНЕ ЛЕГОН	95
№ 26	97
№ 27	101
№ 28. ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ	102
№ 29	106
№ 30	113
№ 31. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ	114
№ 32. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ	116
№ 33. АДМИРАЛУ МАКО	118
№ 34. АДМИРАЛУ МАКО	119
№ 35. АДМИРАЛУ МАКО	120
№ 36. АДМИРАЛУ МАКО	121
№ 37. АДМИРАЛУ МАКО	122
№ 38	123
№ 39	124
№ 40. ГРАФУ САЛЬВАНДИ	125
№ 41. ГРАФУ САЛЬВАНДИ	126
№ 42	127
№ 43	129
№ 44	130
№ 45	131
№ 46	132
№ 47	133
№ 48	134

№ 49	135
№ 50	136
№ 51	138
№ 52	139
№ 53	140
№ 54. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ	141
№ 55. АДМИРАЛУ МАКО	142
№ 56. (ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ)	143
№ 57. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ В ЭПИНАЛЬ	145
№ 58	146
№ 59. АДМИРАЛУ МАКО В БРЕСТ	147
№ 60. Ф. В. БУЛГАРИНУ	148
№ 61. Ф. В. БУЛГАРИНУ	150
№ 62	154
№ 63. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ	155
№ 64. КНЯЗЮ ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ ТЮФЯКИНУ	157
№ 65. РОТШИЛЬДУ	159
№ 66. РОТШИЛЬДУ	162
№ 67. КНЯЗЮ ТЮФЯКИНУ В ПАРИЖ	164
№ 68. КНЯЗЮ ТЮФЯКИНУ И ЕВГЕНИЮ ГИНО	166
№ 69. АДМИРАЛУ МАКО	173
№ 70	174
№ 72. Г-ЖЕ ГЕРИО В ЛИОН	192
№ 72. Г-ЖЕ ГЕРИО В ЛИОН	195

№ 73. ГРАФУ САЛЬВАНДИ В ПАРИЖ	199
№ 74	201
№ 75	202
№ 76	203
№ 77	204
№ 78	205
№ 79	206
№ 80	207
№ 81. Г-ЖЕ ГЕРИО В ЛИОН	208
№ 82. ГРАФУ САЛЬВАНДИ В ПАРИЖ	209
№ 83. Г-ЖЕ ДЕЛОЖ, УРОЖДЕННОЙ МЮЕЛЬ, В БАДЕН-БАДЕН	213
№ 84. Г-ЖЕ ДЕЛОЖ, УРОЖДЕННОЙ МЮЕЛЬ, В БАДЕН-БАДЕН	215
№ 85. ГОСПОЖЕ ДЕЛОЖ В БАДЕН-БАДЕН	218
№ 86	219
№ 87	220
№ 88	221
№ 89. Г-ЖЕ ДЕЛОЖ	222
№ 90. «Г-ЖЕ ДЕЛОЖ»	223
№ 91. «Г-ЖЕ ДЕЛОЖ»	224
№ 92. Г-НУ МИШЕЛЮ ШЕВАЛЬЕ	226
№ 93. Г-ЖЕ ДЕЛОЖ В ПАРИЖ	228
№ 94. Г-ЖЕ ДЕЛОЖ В ПАРИЖ	232
№ 95. ГРАФУ ГАСПАРЕНУ	233
№ 96. Г-ЖЕ «ДЕЛОЖ»	235

№ 97	236
№ 98. Г-ЖЕ ДЕЛОЖ В ПАРИЖ	237
№ 99. Г-ЖЕ ДЕЛОЖ	243
№ 100. ГРАФУ САЛЬВАНДИ	248
№ 101. Г-ЖЕ ДЕЛОЖ	250
№ 102. Г-ЖЕ ДЕЛОЖ	253
№ 103. (Г-ЖЕ ДЕЛОЖ)	257
№ 104. <Г-ЖЕ ДЕЛОЖ>	261
№ 105. <Г-ЖЕ ДЕЛОЖ>	263
№ 106. (Г-ЖЕ ДЕЛОЖ)	267
№ 107. Д<ЕЛОЖ>, УРОЖДЕННОЙ МЮЕЛЬ	273
№ 108. <Г-ЖЕ ДЕЛОЖ>	276
№ 109. <Г-ЖЕ ДЕЛОЖ>	280
№ 110. <Г-ЖЕ ДЕЛОЖ>	289
№ 111. <Г-ЖЕ ДЕЛОЖ>	291
№ 112	292
№ 113. <Г-ЖЕ ДЕЛОЖ>	293
№ 114. Г-ЖЕ Д<ЕЛОЖ>, УРОЖДЕННОЙ МЮЕЛЬ	294
№ 115. ПОЛИНЕ ДЕЛОЖ	295
№ 116. ДЕЛЕССЕРУ	298
№ 117	301
№ 118	302
№ 119	347
№ 120	352
№ 121	354

№ 122	356
№ 123. ГРАФИНЕ Л«ЕГОН»	363
№ 124	371
№ 125	379
№ 126	381
№ 127. ПОЛИНЕ ДЕЛОЖ	383
№ 128. Г-ЖЕ СВЕЧИНОЙ	384
№ 129	411
№ 130	420
№ 131	427
№ 132. КНЯЗЮ ТЮФЯКИНУ В КОМПЬЕН	428
№ 133. КНЯЗЮ ТЮФЯКИНУ В КОМПЬЕН	429
№ 134. ГРАФИНЕ Л«ЕГОН»	433
№ 135. ЛУИ БЛАНУ	434
№ 136. Г. ДЕЛЕССЕРУ	435
№ 137	436
№ 138. ЕВГЕНИЮ ГИНО	437
№ 139. ГРАФУ ВОРОНЦОВУ В ТИФЛИС	441
№ 140. ГРАФИНЕ Л«ЕГОН»	443

Павел Вяземский

Письма и записки

Оммер де Гелль

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Я не узнаю моей книги ни в издании 1860 года, ни в издании моего покойного и незабвенного мужа (1843–1845). Это заметки, не имеющие ни малейшей связи, сшитые как попало или связанные вместе, но наобум. Правда, я согласилась с мнением моих лучших, самых веских и влиятельных друзей – исключить кое-какие подробности самого конфиденциального характера. Я преклонилась перед волею графа Сальванди. По возвращении моем из России, в конце 1841 года, несмотря на смерть герцога Орлеанского, мои отношения к королевской фамилии сделались еще интимнее, я была в еще большей милости (1842–1845); у ног моих были герцог Немурский, принц Жуанвильский и д'Омаль.

Нескончаемые комиссии и сама Академия усердно, но неумно трудились над этим юношеским моим трудом, желая его очистить от всех излишеств и паче всего от всех воображаемых скабрзностей, недостаточно, по их мнению, академических. Мой муж тогда еще был жив. Излишняя откоро-

венность могла действительно повредить его карьере. Много лет спустя, сколько помнится, в 1851 году, одна из моих самых старых приятельниц, вдова Шаретон, занимающаяся воспитанием девиц и руководящая очень значительным заведением в Елисейских полях, между Мюет и Ранелаг, принявшая меня в свой институт в 1828 году, когда мне было девять лет от роду или еще того менее, взяла мою рукопись для прочтения и возвратила ее, не скрывая своего негодования.

«Вы не можете рассчитывать на мое участие в распространении вашей книги среди воспитывающихся юношей и, упаси боже, девиц. Что это вы задумали в самом деле? – сказала она мне самым строгим, начальническим тоном. – Она найдет место на столе развратника, да и то запрятанная под сукно. Вас бы самое надобно запрятать и держать покрепче под моей ферулой. Вы бы тогда остепенились и вышли бы с золотою медалью. На вас не стоит сердиться, вы никогда не посмеете издать вашей рукописи». Я постоянно была первою ученицею по наукам и подвигалась в них со свойственною мне страстью. Директриса меня очень любила и баловала с детства. В 1833 году я уже получила на конкурсе в Лилле аттестат на право преподавания музыки и декламации, а в 1834 году удостоена от университета диплома наставницы. Я тогда была уже замужем.

Журналисты из самых влиятельных мне говорили нечто подобное и довольно щекотливое для моего самолюбия. Я

преклонила голову пред ареопагом и сказала им в 1860 году: издавайте, как знаете. У меня тогда не то было в голове. Префект полиции, Делессер, перечитывал, как он мне сам не раз говорил, с увлечением несколько писем, писанных мною приятельницам моим: графине Легон, графине Марии Калержи, маркизе Контад, Полине Делож, г-же Гейне, урожденной Фульд, г-же Лафарж, принцессам Бирон, девицам Эллис и многим другим. Как эти ужасные письма попали в черный кабинет? Неужто сами получательницы их передавали в префектуру?

Там имелся целый ряд моих писем к Делессеру за шесть лет (1842–1846) и записок моих к нему без числа, раньше и позже. Это меня, конечно, не удивило и даже польстило; он с большим уважением отзывался относительно самых скабрёзных писем и удивлялся моей кипучей деятельностью. Такого же мнения был граф Воронцов. Они меня очень высоко ставили и ценили. Я вела переписку с Гизо и Абердином о предметах более важных; впрочем, они ничем не гнушались. Весь мой материал я сдавала на почту по разным адресам; что попадали в черный кабинет политические письма, это меня несколько не удивляло. Но что ужасно – это нахождение в руках префекта моих писем самых чистосердечных, приятельских, задушевных, крайне компрометирующих. Еще ужаснее видеть в кабинете всемогущего человека целую кипу полицейских дознаний, полицейских сплетен, доносов. Здесь вся моя жизнь как наяву. Я содрогалась и не

раз вскакивала с моего кресла, совсем одурелая. Впросонках я вздрагивала, и холодный пот покрывал мое тело. Я его умоляла, на колени перед ним становилась, то плакала, то смеялась и смешила его как ребенка, умоляя, чтобы он мне отдал этот злодейский картон, хотя бы письма к г-же Делож. они для правительства бесполезны. Несмотря на десятилетнюю самую тесную дружбу, он до конца оставался неумолим.

В 1848 году я снова умоляла его отдать мне компрометирующие меня письма. Он отказал, а сам через час бежал. Мне удалось пробраться в те же комнаты, куда сумел пробраться Марк Коссидьер, окруженный массой рабочих. Я следила очень зорко за префектурой и вошла вместе с толпой. Я сразу узнала в этом исполине моего сент-этьенского и лионского курмахера., Мы встретились старыми и добрыми знакомыми: я не напрасно кокетничала с ним в 1832–1833 годах, во время вакансий. Он вспомнил это и передал картон, не рассматривая вовсе бумаг. Захватив картон, я нашла его в большом порядке: письма и полицейские дознания хронологически рассортированными, мои записки и письма к Делессеру в двух запечатанных пакетах, обвязанных розовыми лентами; один пакет с письмами к нежно любимой подруге моего детства Полине Мюель. Я не понимала, как они достались префекту. Дело объяснилось весьма просто: помета была сделана карандашом рукой Делессера; бумаги захвачены были в 1841 г., их всех было около шестидесяти.

Я, отправляясь в Одессу в 1860 году, захватила с прочи-

ми бумагами мои дневные записки и письма. Кроме личного интереса, они вообще любопытны. Эту исповедь моей жизни я взяла с собой, полагая, что сбыт будет верный и прибыльный. Все говорили о свободе печати. Дня через два цензор заявил мне, что моя книга «невозможна», хотя я и предлагала исключить некоторые имена. Вот тебе и свобода печати! Что ни говори, а я рассказываю только то, что видела воочию, и никогда не говорю о том, что мне доверяли с условием держать дело в тайне. Я рассказываю только то, что совершалось в виду многих: coram populo et notario. Все государственные тайны, все подробности доверительного свойства – я храню свято; если я кажусь иногда чересчур болтливой, то я выдаю самое себя на осуждение злорадной толпе. Люди поверхностные упрекнут меня, что я в письмах моих выставляю порок торжествующим. Я иначе писать не могла. Я рассказываю, что я ощущала, что я видела, и именно в том свете, как мне казалось, что виденное мною совершалось. Я головою ручаюсь, что между читателями найдутся люди безупречные, которые скажут: да, эта исповедь есть дело высокой нравственности. Первоначально вся книга заключалась в одной или двух главах «о русской генеральше и управляющем с наичистейшим парижским прононсом». Этими двумя статьями я пожертвовала ради одесской цензуры, хотя граф Сальванди мне разрешал напечатать мои письма целиком. Его письмо у меня хранится как святыня. Он умер 15 декабря 1856 года. Мои письма к нему возвращены по его смерти,

равно как и письма к князю Тюфякину и ко многим другим. Тщательно пересмотренная и значительно дополненная по случаю возвращенных мне бумаг с 1833 по 1848 год и моими воспоминаниями с 1848 по 1860 г., книга обратилась в записки моей жизни.

Аделаидино. 28 ноября 1860 года

Я помещаю здесь в начале моего сборника статью из «Дамского журнала», написанную незадолго до моей свадьбы. Мне тогда было едва четырнадцать лет, а весьма может быть, и более: мать моя имела страсть скрывать мои годы. Статья эта напечатана 15 декабря 1833 года, но она доставлена ранее, в начале нашего приезда в Париж, в октябре.

Все эти письма писаны к Полине Мюель. Все они помечены рукой Делессера в хронологическом порядке от № 1 до 63 и имеют, кроме того, одну общую помету: «ад. № 478, дело Делож.», обозначающую, конечно, дело, которого в моих бумагах не оказалось. Я очень просила Делессера мне это дело отыскать и возвратить. Но все мои старания остались тщетными. Дело, без сомнения, к которому эти письма относятся, касается бракоразводного процесса супругов Делож. В парижской квартире г-жи Делож был произведен обыск в конце 1840 года – и, между прочими любовными письмами, коих оказалось много, были и мои письма. Обыск совершился по указанию мужа в досаде на исчезновение шкатулки

ки, которую г-жа Делож бросила из каюты мужа в Средиземное море. Ей удалось захватить свои письма во время плавания из Ливорно в Марсель. Делож их вез к отцу как доказательство преступной жизни жены и надеялся тем избавиться от уплаты пятисот тысяч франков ее же собственного приданого. Меня в Париже не было; я тогда устанавливала в России (1838–1842) связи – в Галацах, Черновицах, Одессе, Таганроге и других еще более удобных местах, но не пользующихся той же известностью, для споспешествования нашим торговым сношениям; мне удалось установить некоторые связи, которые не прекращались в течение многих лет и оказали в глазах самого правительства несомненную пользу во время Крымской кампании. Эти местности не обозначаются с должной точностью и определенностью, чтобы не навести русскую полицию на след. Контрабанда производилась на яхте графа Воронцова, на яхте Тэтбу де Мариньи, на военных пароходах, возвращающихся из Константинополя в Николаев и... Заботы мои напрасны. Две давности уже миновали. Я была, однако, жертвой величайшей несправедливости: въезд в Россию мне высочайшим указом был воспрещен, мне, помещице, дворянке, жене бергинспектора и гютенфервальтера, в чине полковницы. Я обращалась в русское посольство в Константинополе, в Париже, в Вене, в сенат, в комиссию прошений, я писала на Кавказ к графу Воронцову, – и все напрасно; только с воцарения Александра II я получила русский паспорт, который восстанавливал мои права.

Не желая быть жертвой повторения столь явного нарушения законов, я продала оба мои имения в 1858–1859 году – и хорошо сделала.

Обыск производился большим моим приятелем Делессером в конце 1840 г. Он, однако, тщательно скрывал, что имеет в своем распоряжении компрометирующие меня бумаги. Это подло. Совершенно иначе поступил Жиске с моими письмами к графине Легон. Она имела подлость доставить их префекту во время ссоры моей с ней в 1836 году. Я их тотчас уничтожила, бросив в пылающий камин. К счастью, я их нашла в том же картоне в копиях, чего я вовсе не ожидала от Жиске. По крайней мере, он не злоупотреблял моей откровенностью. Король был очень милостив ко мне и весьма содействовал напечатанию на казенный счет моего путешествия под именем моего страстно оплакиваемого мужа, сошедшего в могилу ранее тех великих почестей, которые несомненно ожидали бы его, на что я имею весьма веские доказательства. Если бы ему удалось продлить свое существование, то он увидел бы то лучезарное солнце, под сенью которого ныне благоденствует Франция. Я прежде всего должна почтить память знаменитого греческого филолога Кораи, умершего на 86 году от рода. По нем совершена панихида 9 апреля 1833 года в греческой церкви. Мир праху твоему, мой незабвенный учитель, возбудивший во мне с ранних лет страсть к дальним путешествиям, Я должна упомянуть память графа Сальванди, столь сильно покровитель-

ствовавшего моим первым начинаниям. Я оплакивала ныне неожиданную смерть наилучшего из друзей моих. Я гостила в Гравероне 15 декабря 1856 года и остаюсь здесь до его похорон, чтобы почтить его дорогую память. Мне остается изъяснить мою живейшую благодарность г. Фульду, много способствовавшему созреванию плодотворной моей деятельности.

№ 1. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ

Лион. Четверг, 3 октября 1833 года

Мой несравненный друг Полина, солнце моей жизни. Я тебе все пишу в Эпиналь, г-ну Мюель. Я приложила статью из «Дамского журнала», зная, как ты интересуешься модами.

«Г-жа Герियो в том же роде велела вышить золотом роскошными букетами передник из фиолетового кашемира. Внизу он окаймлен бахромой из золотых шнуров, перемешанных с шелковыми. Узнавая мать по ее элегантному утреннему неглиже, мы вам укажем немного позади, вдали от матери, ее дочь, существо совсем еще девственное, непорочное, скромное, но весьма красивое, красивое своею первую молодостью, во всей свежести ее юных лет, в белом муслиновом платье, с плечами полуобнаженными, как у матери, кушаком, завязанным сбоку, – единственно дозволяемое ей пока кокетство. Молодой девушке, сидящей в гостиной ее матери, не более четырнадцати, много пятнадцати лет. Вы знаете, в Париже их ранее того не видно и вскоре их ожидает замужество и совершенно иная сфера».

Сохрани этот номер, он послужит со временем доказательством той изящной элегантности, которой я с детства моего привыкла пользоваться. Это будет со временем исторический документ, довольно важный.

Июльские дни озарили горизонт новым светом. Модные

магазины ожили новой жизнью. У нас открытый кредит в любом из них. Делиль занял роскошный отель Шуазель между улицами Шуазель и Граммон; он платит двадцать пять тысяч франков в год и нанял дом на тридцать лет, и я как бы царю в нем. На углу улицы Граммон и Итальянского бульвара под вывеской «Серебряного колокола» Жерве-Шарден продает дивные духи в своеобразных флаконах. Дё Маго по улице Рюсси, Повр Дьябль – по улице Монтестье, Пальмир, Убиган открыли великолепные магазины. Все пахло весной, мы оживаем новой жизнью. Я далеко не революционерка. Я держусь правил Сен-Жерменского предместья и участвую во всех его легитимных манифестациях. Это король очень хорошо понимает и воздерживается от оказания мне своего расположения. Революция 1830 года сделана именно для меня. На проходе меня встречает везде одобрительный гул: «Это хорошенькая Гериио, саперлипопет, как она мила, какой обворожительный туалет». Эти выражения неподкупленной толпы, срывающиеся невольно с уст людей, не ожидающих от меня никакого сочувствия, наполняли мою грудь невыразимым торжеством. Меня везде на руках носят. Наш авторитет в первостатейных магазинах признается законом. Мой передник того же фасона, те же букеты вышиты разноцветными шелками по черному атласу: два букета по углам и два для карманов. Не правда ли, как мило? И оно нам ничего не стоит, кроме золота и шелка: их вышивали лучшие воспитанницы в приюте, учрежденном в Лионе стараниями мо-

ей матери и находящемся в бесконтрольном ее заведовании. Она не любила им спуска давать, и я также; им работа не обходилась даром, за это я тебе ручаюсь; а не то милости просим и вон. Они ужасно боялись своих отцов и матерей. Мы отдали отделявать г-же Ленорман по улице Де ла Пэ, 26, сделавшей нам очень выгодное предложение. Ты знаешь, как черный цвет идет к моему смугло-желтому лицу. Я решительно начинаю давать тон. Платья выездные и нарядные все большею частью черные или отделяются черными кружевами. Ты скажешь, что оно не к лицу для молодой девушки. Ты очень ошибаешься, потому что оно будет в большой моде с самого начала сезона. Я все вижу в черном цвете. Посмотришь зимой.

Я часто езжу верхом с Анатодем Демидовым, с графом Морни. Много бывает разной молодежи, и все львы самого первого сорта. Чем их больше, тем безопаснее, говорит моя мать. Мой quasi-отчим сорит деньгами и любит, чтобы ими сорили и мать моя, и я. Это основа кредита, говорит он. Я часто встречаюсь с герцогом Орлеанским и Немурским в Елисейских полях и в Булонском лесу. Мою гувернантку я еще в пансионе прогнала. Я ее два раза коленомхватила в самое больное, нежное место и носком моего сапога очки с носу сшибла. Она зашаталась и в обморок упала. Я поскакала с Анатодем в лес. Я упражнялась три дня и ожидала только этого случая. Мать приезжала за мной. Ей г-жа Прево насплетничала и не на шутку напугала. Пусть голодает, ее ни-

кто не возьмет, кроме нас. Я только на одну неделю здесь. Меня взяли на исправление. Просто умора! Некогда гулять. Я работаю за деньги, знаю, что у моей матери ничего нет или почти ничего, и наверное, что есть, то в пожизненных рентах и едва ли когда-нибудь будут деньги. Ты богата, не поймешь. Моя мать рада была бы меня запереть. Но Керминьян этого никогда не допустит. Он очень дружески относится ко всем моим шалостям и потакает им. Я у него живу и вполне хозяйка в его доме. Мне часто приходит на ум, что я могла бы быть его женою. Меня берет досада, когда он меня бросает одну с молодыми людьми и, оставляя нас вдвоем, говорит на прощанье неуместные шутки. Он из меня хочет сделать львицу и говорит, что я далеко пойду.

№ 2. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ

Сен-Этьен. Воскресенье, 13 октября 1833 года

Душка моя Полина, ненаглядная ты моя красавица, поздравь меня, я невеста, я почти уже замужем, моя судьба решена бесповоротно. Молодой человек, оканчивающий курс в Горном училище, около года занимается практически под руководством г. К(ерминьяна), ему едва двадцать три года. К(ерминьян) его любит как сына и уважает за твердость характера и несомненные способности. Я люблю его с год, когда вижусь с ним, что бывает, правда, очень редко. Он избегает меня, но я ему видимо нравлюсь.

Поговорили о парижской великосветской молодежи, с которой действительно весело верхом ездить, да и только. Я их очень хорошо знаю. Стариков не поймешь, они нас за деньги покупают. Он (Керминьян) совершенно согласился с моим взглядом. Когда я ему намекнула о моей любви к г. Геллю, он ухватился с восторгом за эту мысль, и мы поехали вдвоем в Сент-Этьен. «Он твоей карьере мешать не будет и муж, каких мало. Я его близко знаю. Мы с ним в проделках бывали, и я всегда был им доволен. У тебя явилась гениальная идея. Берегись матери, чтобы она твоему счастью не помешала». Что от тебя скрывать? Я так рада была поездке, что бросилась ему в объятия и страстно целовала его, наши руки невольно встретились и нашли те пути, которыми, ду-

мая утомить нашу жажду ощущений, мы только разжигаем чувственность. Каков моралист – не хуже Вовенарга! К.(ерминьян) присутствовал на экзаменах. Я выходила несколько раз и ожидала их в страстном волнении. В прошлом году, в июне, со мной встречался молодой человек атлетической формы. Ты знаешь, я от них без ума. Верно, мои глаза были так выразительны, что он прочитал в них сразу, как он мне нравится. Он прямо подошел к моему окну и заговорил. Вообрази себе, какой нахал! Я ему здесь очень обрадовалась, так скучно сидеть одной. Его зовут Коссидиером. Окончив блистательно экзамены, Гелль вышел первым. Мой жених носит аристократическую фамилию: Оммер де Гелль. Я его обвила обеими руками и увлекла в моих объятиях. Я вечно буду помнить три дня восторженного счастья, которое мне удалось вкушать. На третий день г. Керминьян объяснился с нами и сказал, что мы достойны друг друга, мы будем дружно работать вместе, а когда нужно, то и врозь. «Я знаю ее, как себя. Она вам будет верной сотрудницей и, когда нужно будет, придет, бросив все, к вам на помощь. Вам, впрочем, помощь не нужна, и прошу вас обоих не беспокоиться на первых порах о вашей будущности, пока я тружусь и богат. Располагайте моим кредитом».

№ 3. ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ

Лион. Среда, 16 октября 1833 года

«Керминьян» уехал вперед рано утром», – донесла моя девушка, входя в спальню. Я обомлела, но скоро оправилась; она мне подала записку от опекуна: «Куй железо, пока горячо, еду к матери, чтоб ее подготовить». Я опять улеглась в постель. Нам подали кофе. Я с трудом встала часа в два пополудни; к вечеру мы отправились, как муж и жена, в дормезе г. Керминьяна, который настолько был любезен, что нам заказал обед на славу. Мы облизывали пальцы. Мне ужасно хотелось есть. В самом деле обед был очень хороший. Гостиница под вывеской «Золотое солнце». Нам служил сам хозяин Ледюк, младший брат того, что в Монморанси; помнишь прошлогоднюю поездку на ослах? Приехав в Лион, я объявила матери о случившемся. Моя мать, скрепя сердце, приняла меня довольно хорошо; она слишком занята была г. Морэном, у нее гостившим. Мы пошли впятером с г. Керминьяном и мужем моим прогуляться. Морэн взял свой складной стул, свои кисти и написал первый набросок моего портрета с натуры. Вышло чудо чудес. На другой день Керминьян уехал с моим мужем на работы. Они вернулись ужасно поздно. Я весь день провела как сумасшедшая, все мне сделалось противно. Я ругала, топала ногами и два раза приколотила мою бедную старую няню; ей не в диковинку – она неволь-

ница. Но мне ее было жаль; я ей подарила пять франков. Я оставила дверь незапертой. На днях мы будем граждански обвенчаны. Но все же это страшный грех... Я завтра покаюсь на исповеди.

Эти господа приедут в Париж 11 ноября в два часа пополудни, свадьба 12-го; все будет окончено к двум часам пополудни. Всем распоряжается г. К(ерминьян), я его от души полюбила. Перед моим с ним объяснением я ему говорила, что я была бы рада за него замуж выйти. «Что за вздор», – сказал г. К(ерминьян), и его слово закон не для одной меня. Я тебе еще не говорила о г. Морэн. Это живописец, ухаживающий за моей матерью. Мать моя старается его водворить в своем доме, т. е. в доме Керминьяна, и уверяет, что он по уши влюблен в меня и просит моей руки, зная, что я ему откажу. Она рада найти случай и предлог. Какое свинство! Это просто ни на что не похоже.

Коссидиер опять здесь.

– Он очень опасный человек, – говорит Керминьян, – он волнует...

– Он волнует молодых девушек, – прервала я опекуна, – он так возвышается над толпой. Его только одного и видишь.

– Нет, – сказал Керминьян, – он мутит рабочих.

– Напрасно, – сказала я, – он в женщинах нашел бы счастье наверное, а с возмущившейся толпой привлечет сержантов. Плохой барыш. Его подстрелят или в тюрьму засадят. Я постараюсь его вывести на лучшую дорогу.

– Он человек очень практический, но завзятый революционер. Я его насквозь знаю, – сказал опекун и ушел.

3 ноября. Я вполне предалась набожности. Мой духовный отец не отходит от меня. Я страшная грешница. Моя мать ненавидит Гелля и очень довольна моим увлечением и устраивает свидания. Он очень подружился с Керминьяном, но мужа систематически избегает. Положение довольно деликатное. Мой духовник держит себя очень осторожно. Я иногда как сумасшедшая им увлекаюсь. Моя мать все повторяет: ты теперь в хороших руках. Из тебя прок будет. Ари Шеффер набросал на холст мой портрет с отцом Менекени.

№ 4. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ

Париж. Среда, 6 ноября 1833 года

Душка, душка! Я не могу сказать, как я тебя люблю. Мы вернулись 20 октября в Париж: мать, Морэн и я. Париж тебе кланяется и ждет не дождется, как своего солнца. Я удивляюсь, как г. К(ерминьян) доверчив. Связь прямо бросается в глаза, это просто непонятно, как он может это терпеть. Морэн оканчивает портрет масляными красками к 12 ноября. Он дал слово жениху. Картина будет выставлена на выставке еще нынешней осенью. Я не пойду на эту выставку. Разве в черном вуале... Напиши скорее, что ты об этом думаешь. Морэн пригласил уже герцога Орлеанского посетить его мастерскую, по желанию моей матери. Герцог очень любовался картиной и особенно обратил внимание на выражение лица. Вообрази себе, он сделал несколько довольно ничтожных замечаний. Очень сожалел, что не видел моих рисунков, их вообще и не было. Мне живопись как-то не далась. Он посмотрел на меня пристально и затем поспешно вышел. Картина осталась, однако, за нами. Мать так дорожила этой картиной и ожидала от нее стольких благ для моей будущности, что она поручила Жанену издать картину на ее счет. Литография сделалась известной под названием «Подвязка». Она печаталась у Лемерсье. Ее рисовал на камне сам Морэн с видимой любовью. «Его величеству нужен Ари Шеффер, – говаривал

Морэн с некоторой, худо скрываемой досадой, – с его святыми женами или германскими проходимцами». Она обратилась к Ари Шефферу с просьбою взять меня в натурщицы. Портрет или, правильнее, эскиз очень хорош, но картина попадет на выставку гораздо позже (1836 г.) под названием Миньоны, считающей звезды. Он три раза с меня пишет свою Миньону: сначала Миньону с мандолиной в руках, Миньону, считающую, звезды, Миньону с престарелым отцом. Это все эскизы, наброски, часто изменяемые. С тех пор, как я сижу у него натурщицей, я в Тюильри как дома. Этого мне и нужно было. Эскизы очень удачны в своем роде, но картины едва ли попадут на выставку ранее 1835 и 1836 года. Эскизы можно видеть в Тюильри, в мастерской художника. Поедем вместе, а то, пожалуй, не впустят. Картины Шеффера и Морэна обе очень хороши; в одной ты видишь девушку, которая считает звезды и удивляется, что дождь так долго не идет, а другая прямо говорит: иди с козыря, это большой инвиту. Посуди сама, которой картине следует отдать предпочтение. Однако же эта Миньона, считающая звезды, свое действие произвела. Герцог Орлеанский все чаще и чаще стал ходить в мастерскую Шеффера. Я там днями сижу, даже когда самого Шеффера не бывает во дворце. Со мной ходит отец Менекени. Он очень понравился Шефферу, который с нас пишет Данте с Беатриче, пока только этюды.

Я сведена с ума сумасбродством и вертопрашничеством моей матери, постоянными заигрываниями с матушкиным

содержателем, который действует теперь посмелее. Я ему не противилась; но он все что-то не подвигается, такой несносный. Оскорбительно, что ни говори, отсутствие жениха, и, несмотря на все, я им очень дорожу. Он теперь производит работы, которые никогда не кончатся (железная дорога из Лиона в Марсель), Я пригласила герцога в свою мастерскую с того же хода, что Морэн, одним этажом ниже, по улице Сент-Оноре, № 13. Ты, верно, покачиваешь головкой. Ты совершенно права, но увидишь мою мастерскую, скажешь другое. Я встретила герцога у Шеффера в Тюильри. Он подал мне молча руку, и мы долго, долго смотрели друг на друга. Я хотела взять руку назад и согнула средний палец, нечаянно, ей-богу, совсем нечаянно. Впрочем, что ни говори, ты никогда не поверишь. Только что он показался в моей мастерской, мое сердце так забилося, будто хотело выпрыгнуть из взволнованной груди, дверь была не заперта. Моя привратница, – помнишь мою бывшую гувернантку Прево? – она опять у меня, держу ее Христа ради на послугах, – она на цыпочках, украдкой, пробралась и заперла задвижкой. Очертя голову, без долгого размышления, в страстном порыве, я бросилась на шею герцога и объявила ему напрямик, что я на днях выхожу замуж, что я от него без ума и решила пожертвовать собой, а затем всю остальную жизнь готова вести в одиночестве, насыщаясь одними дорогими воспоминаниями. Я тебе должна рассказать наперед разговор мой с матушкой, решивший мою судьбу. Я начинаю, кажется, не с того, как бы

надо; надобно гору с плеч прежде свалить, а впереди явятся басни и прибаутки, и как будто станет легче на сердце.

– Надо сознаться, ты очень хороша. Ты очень напоминаешь императрицу Жозефину. Ты перещеголяла меня в моих молодых годах, а я была первостатейной и знаменитой красавицей. Все происходит от воспитания: я воспитывалась в совершенном бездействии, окруженная толпой черномазых рабынь, не без трепета ожидавших моих приказаний.

– Какое же я воспитание получила? Меня выпроводили, не дав кончить моего образования.

– Это, мой друг, все вздор, я сама взяла тебя, твое воспитание уже кончено, у тебя уже выработалась железная воля. Ты очень хорошая эллинистка, я уже не говорю о латыни. Сам Кораи в восторге от тебя, как и твой преподаватель Казимир Бонжур, которого ты в шутку всегда называла Калимера. Ты уже имеешь аттестат, как преподавательница музыки и декламации. Тебе нужен от университета диплом наставницы, позаймись этим. Как ты по носу задела г-жу Прево – ведь это только за деньги, напоказ, можно делать! – и, окруженная твоими вертопрахами, поскакала в Булонский лес. Ну, что говорить, молодец! Я поняла, что тебе в институте совсем не место, тебя надо поскорее замуж отдать. Что Демидов?

– Был и всякий день ходит и говорит, что если ему о свадьбе заикнусь, он уедет тотчас в Россию командовать своим полком. Его уже император Николай давно к себе просит. Я

думаю, ты негритянок порядком колотила. Я моими плантациями хочу серьезно заняться. Я уже о них говорила с моим женихом. Он говорит, что эта статья весьма доходная. Только нужен надежный человек. А Коссидьер? – сказала я ему. Коссидьер – не Коссидьер, а человека я тебе найду. Впрочем, он человек распорядительный. Надо об этом хорошенько подумать.

– Я неграми с детства приучилась распоряжаться, но у меня от этого не вырабатывались мускулы. Я росла красавицей и становилась более и более изнеженной, а моя плоть все не имела вожделенной твердости. Какая разница с тобой, твои мускулы и в икрах стальные. Это очень хорошо выражено у Морэна. Да, если бы нас с детских лет обучали фехтованию, гимнастике! А на вас, боже мой, сколько денег тратят! И за твою лошадь плати, и за берейтора плати, за одну верховую езду что ни день, то сорок франков выходит. А за твою маму, что провожала тебя в коляске? Сколько тысяч пошло на одну верховую езду в два года! И мои мускулы сформировались бы, да не так воспитана была; не то было в моде. Я исполнена была неги, стройна и грациозна. Это требовалось прежде всего и исключительно, мы на рапирах не дрались. Мужчины нас бы на смех подняли, а на руках бы не носили.

– Мне бы очень хотелось на остров Мартинику съездить, у нас там есть черномазые невольники, которые требуют прямой и строгой выдержки и присмотра. Право, мама, поедем туда на пароходе, в месяц доедем. Я ужасно люблю путеше-

ствовать.

Я все заговаривала о моих плантациях, а моя мать точно нарочно изменяла разговор, неся всякого рода чушь.

– Право, брось своего жениха, его только мог выдумать Керминьян. Мы поедем весной, и там я тебе найду выгодную партию. И ты успеешь заняться своими плантациями, а пока, поверь мне, твои чудные ноги, кокетливо обутые, привлекут старых холостяков с туго набитыми карманами. Ты с Ари Шеффером далеко не уедешь, поверь мне, а ты все норвишь к нему. Он бы хоть напоказ выставлял твои ноги в полном свете и с маленьким оттенком кокетства, я бы ничего не сказала. Вместо твоих чудных ножек какие-то утюги выходят. Не будь ребенком, тебе уж пора забыть твои пансионерские манеры. Морэн тебя изобразил совершенной скромницей; ты выглядишь пугливой серной в чаще лесной и в совершенной тени угадываешь твое личико. Он тем и показал свое искусство, что на свет выставил только черные атласные башмачки и с изумительной верностью и неподражаемым искусством сумел передать твои растопыренные субтильные ножки, твой *grand ecart*. Он очень искусно вышел из затруднения. Он тебя, бедную, совсем замучил, держа десять дней в этом положении. Твой жених этого не стоит. Мы бы так стоять не умели, и живописцы бы и написать не сумели. Это достояние трех июльских дней. Все остальное в тени, надобно долго смотреть и даже всматриваться, чтобы увидеть твое спокойное лицо, с спокойным взглядом. В этом и заклю-

чается прелесть. Не развлекая взора, надобно, чтобы внимание было сосредоточено на твоих, ногах; их надо видеть. Это практично: ты, глядя на них, задумываешься, и твое внимание ничем не отвлечено. Герцог не хотел купить картины – и не надобно. Мы сами ее купили, А как он всмотрится попристальнее, то предложит двадцать тысяч франков, и г. Керминьян наверное не отдаст, а захочет больше. Мне картина так нравится, что хочется заказать ему повторение. (Моя мать решительно не знала цены деньгам.) Ты слишком редко посещаешь его мастерскую, он такой добрый малый, так предан твоим интересам. Тебе надоедают посетители; возьми квартиру под ним, в нижнем этаже. Она немного темна, он оттого и перешел наверх, а квартира славная, в ней много простора и удобств, в ней три выхода, один на улицу.

Сказав это, моя мать так и вспыхнула. Какая наивность, я этого от нее вовсе не ожидала. Неужто она воображает, что я ничего не замечаю?

– Я не говорю, что я не хочу мастерской, но прежде всего я хочу быть честной женщиной, прежде всего я хочу выйти замуж. Лучше моего жениха нет, он самый что ни на есть подходящий. Г. К(ерминьян) очень обстоятельно с ним говорил, и мы выяснили обоюдное наше положение. Мы оба хорошие работники, наша будущность впереди. Мы свое возьмем. Не мешай моей свадьбе, а там мы увидим.

– Когда ты устроишь твое ателье, пригласи г. Анатоля побывать у тебя, он, верно, из-за меня перестал к тебе ходить. Я

очень любопытна знать, что он думает о картине. Он любит легкий жанр. Ведь ты показывала картину твоему жениху? Да ты и растопыривала твои ноги перед ними обоими. Морэн ко мне прибежал в восторженном возбуждении, и твой жених все толкует о твоих чудных ногах; он первый заметил Морэну, что картина выйдет прелестная. «Вам будет трудно передать, а я рад бы иметь хоть эскиз. Правда, мне этого не нужно, когда я буду обладать очаровательницей». Он так и сказал, не стесняясь моим присутствием. Негодяй! А именно и не надобно было ему показывать твоих чудных ног, да и самой картины вовсе не следовало ему показывать. Все они ужасные ревнивцы; нынче он гордится тобой, а через десять лет припомнит, поверь мне.

Советы, часто, почти ежедневно повторяемые матерью, навели меня на первую мысль нанять квартиру, ту самую квартиру, в которой прохлаждалась матушка. При повторении этой сцены я вышла из себя и велела прийти обойщикам; они мне все устроили в один день. Я уже с утра ранехонько расположилась в роскошной просторной комнате, обставленной зеркалами; и на потолке четыре большие зеркала и пятое, еще больше, посередине. Вдоль стен также четыре зеркала меня отражают с разных сторон. Вся комната обита лиловым атласом (это мой любимый цвет), в складках, все занавески, все портьеры кашемировые того же нюанса, и мебель разбросана по комнате в самом живописном разнообразии, с причудливыми формами, но крайне удобная; так и

хочется лежать и мечтать, летая в облаках, а из них выходит в лучезарном сиянии его высочество и простирает свои нежные объятия. Я сразу поразила мать, она точно угорелая стояла предо мною. Мой решительный характер ее недаром озадачивал.

– Прежде всего прошу не мешаться в мои дела. Я далеко не ребенок, как ты себе воображаешь. Комедия уже сыграна, и я осталась очень довольна моей поденной платой. (Так и сказала.) Герцог должен быть ко мне через час. Он, кажется, сам привезет тебе ложу, из первых, на оперный бал, они отбираются для двора. Бал дается в честь королевы бельгийской. Он желает с тобой познакомиться. Ты наденешь шляпу и, как скоро он войдет, сказав ему несколько слов, сделай вид, что ты выходишь, – это так принято. Он, вероятно, тебя не задержит, ты и ступай. Скажи, уходя, чтобы никто не входил, пока будет герцог, и никого не впускать. Я всем обязана герцогу, это серьезный Мише. Мы поедем вместе в мастерскую Морэна завтра, по возвращении от королевы Амелии. Я забыла тебе сказать, что она нас ожидает к полудню. Какой мы произведем мироболантный и шикокандарный эффект! Какова будет картина! Я заходила сказать ему, чтобы побольше народу было, и все люди самые шикарные.

– Что за тон и какие речи? Ты точно нарочно, чтобы меня взбесить. Это из рук вон, просто ни на что не похоже, такие уличные речи, что их и не поймешь. Что такое Мише, я, право, не понимаю.

– Это для вас г. Керминьян», а для меня это герцог. Надолго ли? – право, не знаю, мама. Насилу таких людей не удержишь. В префектуру позовут.

– Да не говори таких слов, мы теперь ко двору ездим.

– Будьте спокойны, нас учили, как обходиться во дворцах, да и почище этого. Я умею приседать, и ногой нас учили забирать хвост, только для этого нужен шлейф. Я тебя выучу, только шлейф надень. Я очень хорошо помню, как меня сам г. Абрахам учил, как приседать, как ногой отодвигать шлейф. Есть ли у тебя платье со шлейфом? Поди скорее закажи. Завтра мы к королеве поедем. Помнишь, мне тогда было девять лет, когда меня повезли к герцогине Беррийской. Помнишь, в Диеппе мы подружились с герцогиней, ты тогда была с Демидовым. Я очень хорошо помню старика; тебе, должно быть, было очень скучно с ним. Герцогиня не могла налюбоваться моим шлейфом; она со смеху помирала, и я ухаживала за ее чудными ножками, я разувала их и обувала и целовала, а она все помирает со смеху. Чудное то время было.

– Да перестань же все глупости говорить. Ты несносная девчонка. Бог знает, что люди подумают. Ты такую волю привыкла давать своему языку, что у тебя сорвутся с языка бог знает какие непристойности в присутствии самой королевы. Она, говорят, этого очень не любит.

– Я была приятельницей с герцогиней Беррийской, герцог Бордоский был влюблен в меня, несмотря на то, что мне бы-

ло десять лет. Я первую роль играла на праздниках в Багателль; меня отличали перед всеми пансионерками Почетного легиона. Меня герцогиня несколько раз брала с собой в субботу на бал в Ранелаг. За мной волочились и молодые и старые. Герцогиня очень любила, когда мне куры строили, а я и подавно. Я у герцога Леви на коленях сидела и ему глазки делала. Ларошфуко первый начал серьезно куры делать, и его глупая система оказалась не совсем глупой.

– Замолчи же, наконец, ей-богу, терпенья нет.

– Я и в Мюет очень забавлялась, мы часто ходили с m-ле Прево к Эрару. Ты этого не помнишь, ты тогда была в Мартинике, а мы очень хорошо устроились в Пасси. Ты очень тогда удачно выбрала место для моего воспитания – Пасси, Ранелаг, Мюет, и взяла в наставницы m-ле Прево.

Тут я расхохоталась громким смехом, обняла мою мать и сказала ей: «Поди приготовь шлейф».

Совсем другое вышло бы дело, если бы я воспитывалась по ту сторону реки. В отдаленной части Парижа, где возвышается купол Инвалидов, помещается институт Сакре-Кёр; директрисой института была девица Д'Авена. Это не чета вдове Шаретон и К°. Я сильно досадовала на мать, что не воспитывалась в Сакре-Кёр: это придало бы мне блеску и чего-то особенного, что осталось бы на всю жизнь.

Прощаясь в Лионе с Коссидьером, я ему сделала вскользь намек, что у нас в Париже есть мансарды над нашей квартирой. Приехав в Париж, мы нашли его у дворец нашего эки-

пажа. Он стал выносить нашу поклажу, как ни в чем не бывало. Я едва могла удержаться от смеха, глядя на него. Он провел три дня в Париже. Я не понимаю, куда он все бегал в течение трех дней. Он приходил поздно. Мы делали разные восторженные планы будущего. Я видела Париж распростертым у моих ног, в мраке ночи, мне подвластный; и купол Инвалидов, и Нотр-Дам, и бульвары – все предо мною пресмыкается, все у моих ног, все мое, все мне подвластно. Коссидьер несвязными речами уверял, что революция неизбежна, он говорил, что камня на камне не останется, и видел Париж в зареве пожара. Мы много и горячо спорили. Я была рада, когда он убрался. Он, в самом деле, бедовый человек, но очень завлекателен. Он меня просто пугал. Я предупредила Жиске. Он только пожал плечами.

– Пока они болтают, они безопасны, а когда они станут бунтовать, наше войско очень надежно; их живо перестреляют, и они опять примутся за работу. Это так просто, что не труднее сказать: здорово живешь. Впрочем, если вы желаете, мы его приберем.

№ 5. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ

Париж. Суббота, 9 ноября 1833 года

Душа ты моя, радость ты моя, ненаглядная моя Полина. Бал в опере все откладывается. Я думаю, наверное, будет 12-го. Во всяком случае, ни одного бала не пропущу, хотя особенно нынче ехать совсем не хочется. Я моему жениху со дня его приезда до отъезда, без исключения, принадлежу всем телом и душой, разве только бал при дворе. Бал будет завтра, 10-го. Я надеваю мое голубое, небесного цвета, креповое платье на атласной, того же нюанса, юбке. Платье уже принесено 5 ноября, оно очень просто и чудо как хорошо сидит на мне. Четыре бархатные банта идут от кушака, и по обеим сторонам спускаются, все расширяясь, по два соединенных лавровых листа, образующие бархатные накладки; их по шести, от бантов, что на середине. Платье мне делала м-ме Селиан Мортэн. Она просто в восторге. Герцог подарил мне диадему, которую я надеваю на бал. Это большая бирюза чудного цвета, оправленная очень крупными бриллиантами. Мать моя говорила, что девушки не носят бриллиантов. Я невеста, и какая же я девушка? Я думаю, сама королева знает. Г. Керминьян отсоветовал надевать, говоря, что опасно: в толпе с головы сорвут. Какой вздор! Что же делает полиция? Мы почти каждый день ездим в Жимназ. В большой моде «Старые грехи». Буффе, отставной балетный танцор,

попавший в старосты церковные, увлекается старыми воспоминаниями, так и просится тряхнуть стариной. Старик принялся плясать с заезжей танцоркой, Женни Верпре; его застаёт старая маркиза, бывшая некогда, мимоходом, его любовницей. Женни Верпре просто прелесть. Она несравненно лучше Дежазе и гораздо моложе. Очень забавен «Парикмахер и парикер». Жюстина, посмотрев в окно, напевает:

Как легка и изящна карета.
Как красив конь гнедой и сюртук!

На что ей отвечает ее любовник:

Все – мое до жокея, Жюстина,
Это требует строго наш круг.
Есть ли что увлекательней в свете,
Как, по гладкой панели скользя,
Беззаботно промчаться в карете
И забрызгать плебею глаза?!

Я очень любовалась Леонтиной Фай. Давали: «Квакер и танцовщица» и «Дипломат». Она в обеих пьесах играла.

№ 6. ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ

Воскресенье, 10 ноября 1833 года

Как я хорошо сделала, что надела мою диадему. Туалет мой был восхитителен и отличался свежестью и простотой среди очень тяжелых, хотя изредка и довольно элегантных; все походило на театральные костюмы, взятые внаем, как будто напрокат; я не говорю о тех, которые действительно были взяты напрокат.

Много дам было в простых платьях и в прюнелевых башмаках – это уже чересчур по-мещански и едва ли позволительно – и в шляпках, красовавшихся на бульварах задолго до славных июльских дней. Я знаю очень хорошо, что это все вздор. Но сознайся, что простору больше. Все ожило: посмотри на магазины, на бульвары! Говорят, что прессу распустили. Я вовсе не боюсь газетных толков и пересудов. Чем больше говорят о нас в газетах, тем для нас больше славы. Это очевидно. От старомодных костюмов веяло чем-то затхлым, одним словом, пахло и реставрацией и ресторанами близ застав. Я герцогу это шутя сказала, не подозревая никакой колкости. Он очень смеялся и сказал: «Ваше слово разойдется по всем гостиным, но не повторяйте этой шутки при матери: она совершенно в других принципах – маменька из простоватых», – и повел наверх в королевскую ложу. «Не говорите также Немурскому – он совсем легитимист». При

проходе нам попадалось несколько черных тюлевых юбок, богато вышитых разноцветными шелками, но на белых перкалевых подкладках выглядят серыми. Это уже мне говорил Морэн. Каков знаток! Он то же говорил и о красных юбках. В самом деле, платье из черных кружев, стоящее невероятных денег, на красной атласной юбке, неприятным образом кидалось всем в глаза. Оно было надето на графине Самойловой, женщине развратной и невзрачной. Она, говорят, с собой привезла портрет во весь рост, писанный французским живописцем Брюло, совершенно неизвестным. Его по-русски зовут Брюлловым. Если будет время, надо посмотреть. Ему Анатоль заказал огромную картину – последний день Помпеи. Говорят, что он ее выставил вместе с портретом графини Самойловой; говорят также, что он уже за нее большую часть денег получил, но что русский царь берет ее в Эрмитаж. Это большая несправедливость. Королева бельгийская отличалась простотой своего наряда. Белое, вышитое золотом платье, на голове чудные бриллианты и ожерелье из бриллиантов, которое можно надевать в виде диадемы. Но мой туалет лучше всех, право, я не хвастаю. Это так и чувствуется. Королева Амелия мне это сама сказала, и очень мило, и с нежностью матери со мной долго разговаривала. Потом, подозвав королеву бельгийцев, меня ей представила. Она очень кажется грустной, верно, муж уж успел надоест; он, кажется, очень скучный. Королева Амелия отвела меня в сторону, взяв под руку, совершенно по-дружески, и очень

благодарила за диадему, особенно за то, что я обновила ее, не дожидаясь свадьбы. Слезы у ней навертывались на глаза.

– Вы можете поплатиться счастьем всей только что начинающейся жизни, – и вы решились на все! Я знаю, знаю, все знаю...

Какова дура в самом деле! Он все рассказал матери, мой бедный Цыпленок, чтобы поддержать с ней доверчивые отношения. Где тебе срывать розы! Это дается редким избранныкам, если не подвернется ловкий конюх. Говорят, будто это с ними часто водится; вероятно, конюшня помогает. Зачем это я все тебе говорю? Напиши, что ты об этом думаешь. Я, впрочем, описываю этот бал в передовых статьях и довольно подробно в «Дамском журнале» от 15 и 20 ноября. Ты удивляешься моей деятельности? Жить надо. Вот уже около шести месяцев, что я промышляю статьями и рекламами в газетах о модных торговках. Я уже заработала около десяти тысяч франков и более, но все платьями и разными побрякушками. Жюль Жанен, Гино – мои приятели. Но это все не даром дается. Г. К«ерминьян» мне заказал приданое, на которое он определил тридцать тысяч франков. Сделал, ради моих забот, как можно лучше. Я издержала десять тысяч своих, но в долг. Он остался очень доволен мною и заплатил долг. Опять повторяю, даром ничего не дается. Я три раза ходила с герцогом под руку. Я тебе говорю, что эффект превосходил мои ожидания. Между массой людей, которые толпились предо мною, я заметила одного старичка, который

мне попался под ноги. Я спросила герцога: кто он такой? Он мне ответил:

– Князь Тюфякин. Любовник m-lle Марс.

– Да я его знаю, это мой друг, мы вместе ходили по Флоренции.

Герцог подвел меня к нему. Он очень обрадовался, когда узнал меня, и не верил глазам: так я выросла и похорошела. Герцог передал меня старому князю, который повел меня в ложу матери, рассыпаясь мелким бесом. «Я послезавтра выхожу замуж за нежно любимого человека», – сказала я ему. Он, вообрази, от ревности совсем побагровел и почти задохся от удушливого кашля; я с ним остановилась у одной ложи, чтобы дать ему отдохнуть. Он просил пригласить мать на вечер, но что-то очень морщился и взялся провести в ложу, но остановился, задыхаясь.

– Послезавтра, до свидания, я непременно буду у вас с моей матушкой, хоть на час времени.

Он давал вечер, на котором мне хотелось побывать. В это время подходил Демидов и взялся провести в ложу. Тюфякин жадно следил глазами за нами. Я часто осматривалась. Ты скажешь, как это все глупо; знаю, мой друг, но что же делать? Я быстро прошла в ложу, взяла мой маленький перламутровый бинокль и устремила мои взоры к ложе, где я его оставила. Он смотрел на меня с видом возбужденного сатира, лицо его засияло очень непривлекательной, старческой улыбкой. Мне было весело глядеть на него. Право, забавно

кокетничать и с стариками, а пахнет сотнями тысяч. Когда я насладились его увлечением, я отошла в угол ложи и начала вести разговор с Анатолем, посматривая во все стороны и направляя мой бинокль на моего старика.

Он мне рассказал историю Самойловой и ее мужа. Муж вернулся с Кавказа и немедленно увидел, что жена его во все не церемонится: карета ее четверкой, с огромными гербами и парадными козлами, стояла целыми ночами у подъезда французского посла графа Лафероньера. Граф разошелся с женой. Чтобы объяснить разрыв, его старый метр-д'отель собрал ее письмо к Шарлю Лафероньеру, разорванное на клочки и валявшееся под столом, в котором она отменяла назначенное ему свиданье. Самойлов в день приезда привел в спальню жены, по кавказскому обычаю, трех своих коношенных мальчиков и заставил графиню им служить. Что за изверг и какой грязный человек! Это письмо, тщательно склеенное, было представлено графу Бенкендорфу; Демидов сам его видел впоследствии у Самойлова. Самойлова нисколько не упала духом.

Я скоро увидела герцога, который стал меня спрашивать, чему я так смеялась с Демидовым, и мы снова спустились в зал. Он подвел меня опять к Тюфякину, с ним рядом стоял Монро или Монрон, право, не помню, только знаю, что он друг Талейрана. Мы разговорились втроем, но подошла известная лоретка Рондо, живущая с этим стариком. Я дернула живо герцога за руку, и мы пошли дальше. Дальше мы

наткнулись на герцога Немурского, шедшего с Самойловой, глядевшей цыганкой и цветом лица и манерами. Герцог нас познакомил, и мы очень дружески сошлись. Она стала меня расспрашивать, что мне говорил Демидов, и угадывала, что Демидов мне говорил о ней. Я ей со стиснутыми зубами процедила скороговоркой. Она рассмеялась и, пожав мне руку с загнутым средним пальцем, сказала: «Приезжайте в Милан. Это чудный город, вас там очень полюбят». Это решительно масонский знак. Я думала, что это у нас в пансионе только водится. Видно, и в большом свете это принято. Будем знать... Она мне сделала условный знак, говоря, что меня в Милане полюбят, и я ей ответила. Надо ли мне ехать или ожидать более формального приглашения?

– Она послезавтра выходит замуж, – сказал герцог.

– Очень сожалею вас, – сказала графиня и, подав мне руку, значительно повторила пожатие, и, вообрази себе, я нехотя повторила знак. Она на прощание сказала, сильно смеясь:

– Приезжайте отдохнуть в Милан. Вы не знаете, что это за город.

Что же, ведь, кажется, нужно поехать. Это дело чести. Мне встретился опять мой старик, и я пошла с ним. Мы наговорились вдвоем. «Развяжитесь с m-lle Марс. А потом мы поговорим». Встретив Демидова, я ушла с ним в ложу. Напиши мне, что ты думаешь о Милане. Или не стоит?

№ 7. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ

Париж. Понедельник, 11 ноября 1833 года

Я утопаю в блаженстве, а все-таки ожидаю с нетерпением, когда отдохну в твоих объятиях, моя ненаглядная Полина. Ты отворачиваешься от меня, право, напрасно. Поверь мне, я страстно люблю тебя. Мой жених приехал рано утром, около двенадцати часов. Я еще лежала в объятиях Морфея и, оправившись наскоро, приняла его в моей новой двуспальной кровати. Г. Керминьян и мой муж вошли вместе; мы дружески обнялись с Керминьяном, и я обвила шею моего мужа моими страстными руками, и мы опять были счастливы. Керминьян не выходил из комнаты, я уже догадывалась о его интимных от... кровь хлынула в виски. Старик мне натер виски одеколоном, и я... попросила его... Он приказал...

У меня две лошади, обе чудо как хороши. Лошадь, которая подана была жениху, взвивалась на дыбы и делала страшные козлиные прыжки. Он слез с лошади и сказал, что пойдет пешком немного прогуляться. Я велела Женкинсону переседлать, но жених не согласился. Он, однако, сидит крепче на лошади, чем можно было ожидать. Я велела груму ехать за мной и поскакала по Елисейским полям и встретила опять с Анатодем. Он точно банный лист пристал ко мне. Поворотив в улицу де Берри, я увидела Тюфякина в своем саду, на террасе. Он мне сделал привет ручкой. Я немедленно оста-

новила лошадь; лошадь взвилась на дыбы, и я очутилась на другой стороне чугунного забора. Тюфякин, когда прохаживается в своем саду, носит всегда феску паликара, по дружбе с Вьенне или с тех пор, как эрцгерцог Фердинанд, приняв его за графа Рибопьера, говорил ему о деятельности его во время восстановления Греции. Мне Демидов не мог точно объяснить его фески. Он, кажется, участвовал с графом Орловым в Архипелаге при Екатерине Великой. Он корчит из себя страшного филэллина, вот что верно. Просто умора. Надо его видеть в красной феске, как она ему к лицу. Он ужаснулся моему прыжку и что-то мне пробормотал. Но я, увидав m-lle Марс торжественно гуляющей вдоль дорожки и идущей прямо на меня, не говоря ни слова, проскакала в ворота. Анатолий меня ожидал у ворот. Вот неотвязчивый нахал.

Через час я вернулась домой совершенно освеженная. Раздеваясь, мне подали записку от Тюфякина. Я пробежала письмо, сильно пахнувшее пачули или вервеной, трудно разобрать. Я духов не терплю, и у меня едва голова опять не разболелась. Он мне писал: «Я разошелся с престарелой кокеткой и теперь мысленно у ног моей юной прелестницы и все, что имею, приношу к обворожительным вашим ножкам. Я всю ночь не спал и болен. Доктор запретил выходить. Я весь день дома. Заезжайте хотя на минутку». При этом включено было условие нотариальным порядком, в коем я приглашалась директрисой театрального училища. Я отда-

ла моей девушке коротенькую записку: буду вечером около девяти часов. Вошла девушка и доложила, что придворный лакей ждет меня с пакетом, который ему лично велено передать. Он мне передал пакет с большою королевскою печатью и представил шнуровую книгу, в которой я должна была расписаться. Королева Амелия, поздравляя меня с наступающей свадьбою, приложила свадебный подарок. Я пересчитала их и расписалась в получении письма. Мой муж идет... как странно. Я его ожидала с необычным трепетом...

– Я получила приглашение князя поступить к нему в директрисы школы драматического пения и декламации. Посмотри условие, так ли оно? – спросила я у мужа. Мы уже две недели как обвенчаны граждански. Он прочел с вниманием и поцеловал меня с восторгом, взасос.

Я встала около восьми часов вечера. Велела себе подать бальное платье жонкиль с черными кружевами, надела черные шелковые чулки, очень изящно вышитые (прелесть что такое!) и черные атласные башмачки с двумя пришитыми бриллиантовыми застежками. Это наши бабушки называли в старину: полюбуйтесь.

Мне герцог сам сказал: «Эти два шатона вы можете носить как серьги или запонки». Я еще серег не надевала. Я боюсь смертельно проколоть мои уши. Мать говорит, что это все вздор, а бриллианты на башмаках носила и подвязки тоже. Попался, дружок, не суйся, когда не просят. Я вовсе и не думала о подвязках. Я их не ношу. Они оставляют очень неэс-

тетичный след поверх колен.

В девять часов я застала Тюфякина не на шутку больного. Он мне объявил, что расстался с m-lle Марс; только тогда я позволила взять мои ноги в свои руки и тешиться ими сколько душе угодно. Не правда ли, я хорошо сделала? Что тут еще с церемониями, да вдобавок – он совершенный старик. Я это рассказала моей матери. Она мне сказала, что «это – ничего. Только не при людях, даже не перед слугами и служанками. Они ужасные сплетники. Их необходимо очень остерегаться. Я г. Керминьяну никаких вольностей не допускаю».

Он меня убеждал взять на себя роли шестидесятилетней девицы Марс для дружеских, интимных кружков.

– Я певицею не буду, а равная с равными – пожалуй. Я вам пропою, как и что умею. Учителя у меня были хорошие и денег не жалели.

Сядясь за рояль с шикарным апломбом, я пропела модный романс. Слова и музыка были одного из моих учителей. Я ему пропела романс, мною сочиненный:

Все на мгновенье! Все на мгновенье!
Все в жизни, сверкая, Так с жизнью согласно
И счастье, и слава, Мы сделаем страстным,
И юность живая – Завидным, прекрасным
Длится мгновенье! Это мгновенье! и т. д.

Вслед за тем я ему пропела куплеты Альфреда де Мюссе «Маркиза», которые я; положила на музыку. Этот романс

был в большой моде. Затем я ему прочла того же Альфреда де Мюссе «О чем мечтают молодые девушки».

– Мать моя, игравшая очень хорошо на любительских спектаклях в Лионе, прочтет разговор с молодой девушкой в «Опасных связях», если вы желаете, а я буду давать реплики, а не то я сама прочту; а она прочтет письмо к покидаемой женщине, продиктованное кокеткою. Она превосходно разыгрывает мелодраматические сцены. За это я не берусь. Я привезу барабан и скажу вам забавные куплеты после ужина.

Без папа, Свой досуг
Без мама, Провести у тебя
Без огня Без папа,
О, как сладко, Без мама,
Мой друг. Без огня.

Успех превзошел мои ожидания. Старик хлопал, восторгался и принес мне тридцать тысяч франков на предъявителя.

– Я вам каждый год буду платить сто тысяч франков, за год вперед. Условия мои и ваши: вы должны являться ежедневно, не исключая праздников и воскресений, к завтраку с часу до трех и к ужину до моего ухода; я уйду спать в двенадцать часов, а по субботам после ужина, который длится полчаса и подается ровно в двенадцать. В случае болезни я сам буду к вам ездить и оставаться у вашей постели в урочное время. Не злоупотребляйте вашими нервами. Я этого не

люблю. Остерегайтесь кокетничать с молодыми людьми. Я вам даю полную свободу, но с условием, чтобы я сам ничего не видел: это действует убийственно на мой астм. Зачем вы возитесь с Анатолом Демидовым? Он мне сродни, но я его никогда не принимаю, впрочем, я никогда не принимаю молодых людей. Что это он вам рассказывал вчера на бале, чему вы так смеялись, сидя в углу ложи? Я все видел.

– Он меня смешил буржуазными туалетами жен и дочерей героев национальной гвардии. – Об анекдоте про Самойлову я умолчала.

– Завтра утром приходите в половине первого, в пеньюаре, совершенно запросто, а вечером на партию в пикет в вечернем туалете: мне никогда не известно заранее, когда у меня собираются приятели. Вы играете в пикет?

– В пикет кюре? Я часто играла, а чтоб записывать, никогда не умела.

– Это все равно, я вас выучу счету. А в вист играете ли втроем?

– И втроем умею, и играю порядочно.

Ты слишком рада всем моим успехам, чтобы не радоваться, читая мои письма. Теперь, когда у меня выгодное и штатное место, я совершенно остепенюсь. Цыпленка можно и долой, впрочем, мы еще подумаем. Старик такой царедворец, он, пожалуй, огорчится слишком резким удалением. Надо серьезно заняться театром. Он с охотой будет раза два ездить в театр. Впрочем, лучше не тревожить старика, а не то беду

накликаем. Я уже сблизилась с Августиной Броган и буду нанимать Левассора. Напиши мне, что ты думаешь о театрах: брать ли с собою Тюфякина раза два в неделю, или реже, или вовсе не брать? Тюфякин хорошо знает матушку, когда она жила во Флоренции с покойным Демидовым.

– Вы тогда жили у Демидова на Итальянском бульваре, на углу улицы Тэтбу. Вы только что родились. Я тогда был здесь и останавливался у Демидова. Когда ваша матушка оправи-лась после родов, мы поехали к Демидову во Флоренцию, а вас оставили у кормилицы. Я вас оттуда сам привез в 1825 году. Вам тогда было пять лет, и до самой его смерти вы у него жили в доме во Флоренции до 1827 г. Я как теперь помню.

Она, по словам его, очень умная собеседница; никто лучше ее не умеет держать салона. С нею всегда и всем приятно. Я этого совсем не знала и, признаться сказать, ее немного стыдилась. На прощанье Тюфякин мне сказал, что его большой каменный дом в Москве купил какой-то профессор По-годин совершенно за бесценок.

– Ну, теперь пригодилось; я уже распорядюсь и внесу деньги на ваше имя, на текущий счет. Деньги только что переведены в Париж. Это вам на булавки.

Как русские щедры. Я, впрочем, не жалуясь, хотя у меня пропасть долгов. Павел Демидов, брат Анатоля, дал два го-да назад пособие французскому театру в сто тысяч франков по случаю революции. А моей матери отказал в ста тысячах

франков на его долю. Она ему очень близка. Анатолий говорит, что он ей свою долю уплатит, если только старший брат даст пример. Мне это все рассказывал мой старик.

№ 8. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ

Париж. Вторник, 12 ноября 1833 года

Я велела себя разбудить в десять часов. Мы обвенчались, и к двум часам пополудни экипаж уже стоял у подъезда. Мой муж, действительно больной, харкал кровью, едва мог сесть к г. К(ерминьяну) в дорожную карету. Я сделала несколько необходимых визитов. Заехала к Самойловой. Не стоит выеденного яйца. Не знает, как выехать, сама говорит. Окончив ею визиты, я заехала около шести к графине Легон, это ее приемный день. Мы встретились с герцогом Орлеанским, графом Морни, Анатолом Демидовым, который неотступно приставал ко мне, напоминая вздорное обещание, сделанное в шутку, когда мы скакали вместе.

– Я, право, по совести, не могу, ведь я ваша сестра. Мне мать проговорила.

На мне была розовая шляпа с двумя страусовыми розовыми перьями, платье черное, тюлевое, спереди пять бантов, которые опускались на лентах розового цвета, и по обеим сторонам двойной рюш, по талии продолжался тот же рюш, также двойной, но в один ряд, по плечам и вокруг шеи тот же двойной рюш, юбка атласная розовая. Рукава по локти в обтяжку, сверху очень широкие, в два буфа. Ты себе представить не можешь, как мне это было к лицу. В семь часов я поехала домой, не дав никому обещания.

На Анатоля Демидова я не на шутку была сердита. Демидов не сын своего отца: он сын князя Василия Трубецкого. А я от кого иду, от князя Трубецкого или от барона Строганова или от домашнего секретаря Демидова – я до сих пор не могу допытаться. Луиза Мейер говорит, что я дочь Мейера, ее двоюродного брата; кому лучше знать, как не ей... Я с ним была бы счастлива. Он словно мой футляр, точно по мерке сделан.

Герцог меня проводил до кареты, и я обещала ему быть завтра в ателье на улице Сент-Оноре в третьем часу или позже.

– Я буду за уроком с двух часов и вас буду ждать с нетерпением.

Я с матерью была в Палэ Рояль, давали «Вертер». Дежазе удивительно хороша. Мне очень было досадно уехать из театра. Но, увы, надо было не опоздать на службу. Лафит был при моем венчании. Он сказал Жиске, чтоб тот не трогал Коссидьера. Я его благодарила улыбкой за его вмешательство.

№ 9. ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ

Париж. Среда, 13 ноября 1833 года

Я премило провела утро с герцогом Орлеанским. Я угадала его приход и мать услала по магазинам и никого не велела принимать. Вечером я опять отправилась с матушкой в Палэ Рояль. Давали «Дочь Доминика» с Дежазе и Левассором. Я приехала к Тюфякину в исходе десятого часа. Тюфякин ждал на лестнице в ужасной ажитации. Он разослал своих лакеев на все перекрестки. Это несносное насилие. Я расплакалась и вспылила не на шутку. Тюфякин так испугался, что никого не велел принимать. Я ему сквозь слезы сказала, что моя мать приедет из театра и герцог Орлеанский, которого я пригласила. Я засадила мать в пикет, села за клавикуорды и наигрывала арии Дежазе, распевая их по памяти. Мы сыграли с герцогом три роббера. Тюфякин был очень тронут, видя меня совершенно успокоившуюся. Герцог спросил у меня, сажая нас в карету, не поздно ли будет, если он приедет ко мне кончить свой вечер.

– Не слишком ли часто будет? впрочем, приезжайте, – сказала я ему, – я всегда счастлива видеть ваше высочество, – и, со свойственною мне скромностью, потупила взоры и вся покраснелась.

Не правда ли, как мило? Я сказала матери, что герцог едет за нами, мать на дыбы. Я объяснилась с герцогом и, поти-

хоньку от матери, через двадцать минут вернулась к нему, и мы поехали на улицу Сент-Оноре, № 13.

Я звонила у подъезда во всю мочь. Наконец пришла m-lle Прево. «Вы вечно спите, теперь убирайтесь к черту, сапристи, прошу не спать, я сонных терпеть не могу», – и, слегка подняв ногу, толкнула ее в зад. Ты удивляешься моему таланту разнообразить и заинтересовывать своими глупыми, самыми балаганными сценами? Ты заметила сцену, которой я начинаю письмо, и сцену, которой я его оканчиваю? Человеческой глупости нет пределов.

№ 10

Париж. Четверг, 14 ноября 1833 года

Я имела невероятный успех, все старики восторженно хлопали, я их остановила одним взглядом, но их энтузиазму не было перерыву. Какие знатоки собрались у Тю-фякина! Они каждую ноту умели оценить. После ужина я потихоньку встала и, переодевшись вивандьеркой, в красной, очень коротенькой юбке (я так выросла, помнишь ту юбку, которую я надевала в прошлом году?), выступила с барабанным боем, застав их еще за ужином, и речитативом им произнесла: «Без папа, без мама, без огня». Изумлению их не было границ. Три иностранные князя просили меня им пропеть «Марсельезу», которую я им пропела с невероятным воодушевлением. Эти три австрийские князя были крайне возбуждены и успокоились, когда я им пропела во второй раз «Идемте, дети отечества». Они целовали мои руки и сулили золотые горы, но когда я сделала вид, что склоняюсь на их предложения, то один за другим принимали вид, точно проглотили горячую воду. Эти три австрийские князя, я их назову тебе, а то, пожалуй, не упомяну. Вот их имена: князь Роган Рошфор, князь Когари и князь Дидрих-штейн. Все трое из Вены. Они все трое весьма еще бодрые старики. Тут был крайне привязчивый старик с отвисшей губой, Александр Тургенев. Ему только пятьдесят лет. Он очень умен и занимает

ся разысканиями в наших архивах. Поздравляю его и желаю ему много счастья, а меня бы оставил в покое. Одни из них почти никогда, а многие уже несколько лет как не посещают театров. На вечере были два князя Роган (один из них Гемене), князь Крой-Гавре; князь Роган Гемене вернулся из Лондона и туда же опять уезжает. Он звал меня на семейный обед через три дня. Непременно поеду, но петь не буду. Им шестерым было около пятисот лет. Мой Тюфякин без ревности смотрел на их ухаживания. Однако когда Роган Гемене взял мою ножку и поднес ее к губам, то он сильно закашлялся. Полез за моей ножкой и князь Крой-Гавре, но сам чуть-чуть не задохся. Из остальных приглашенных я припоминаю графа Жерсей, генерала, имя которого я совершенно забыла, кажется, виконт Лагамелиней, граф Партуно Гомар, который отозвался с большим уважением о трудах мужа. Ему вторил Гумбольдт, говоря о моем муже, как о новом светиле; мне очень польстили их похвалы, и когда, сойдя с лестницы, я давала моему лакею ногу, чтобы он надел дульеты, то сам Гумбольдт, с живостью молодого человека, выхватил дульету у лакея, надел бережливо одну из них, а Гомар взял другую, любуясь ими и ожидая очереди. Гомар спросил меня, сколько я буду брать за мой вечер.

– Четыре тысячи франков за час, с каждого слушателя.

И, вообрази, на другой день посыпались карточки с приглашениями на обеды. Также звали три австрийские князя. Верно, цена подходящая.

Жиске, префект полиции, хотя ему было с небольшим сорок лет, несмотря на молодые годы, был приглашен на вечер. Он до глубины сердца тронул меня тем неподдельным восторгом, с которым слушал меня и видимо любовался мной, и проводил нас до кареты. Через несколько минут карета остановилась, и мой Жиске впрыгнул в нее с отвагой пожарного. Старики правы, не приглашая людей моложе их на свои вечера. Я очень обрадовалась ему и усадила напротив себя, рядом с матерью. Я всегда езжу в четвероместной карете, чтоб платья не съезживались и не мялись, и я охотно отдала ему мою ногу на съеденье, затем обе. Мать моя дремала или казалась спящей. Он у меня оставался до трех часов утра. Я очень люблю Жиске, он мой самый верный друг, и всю полицию его обожаю. Я переговорила с ним о затеваемой школе для князя Тюфякина. Первоначальную мысль он совершенно одобрил; это единственное средство развлечь старика. Он мне посоветовал обратиться к Луизе Мейер в улице Сен-Мартэн, № 22, отдающей клавикорды напрокат, продающей ношенные платья, всякий хлам и т. д.

– Поручите ей вести дело. Это женщина примерной честности, она берет десять процентов, работает за десятерых, бьется из-за каждой копейки и в каждой копейке вам отдаст отчет. Вы останетесь довольны. Вы будете иметь меньше забот, содержание вам обойдется несравненно дешевле и вам не будет никаких хлопот. Как практично!

№ 11

Понедельник, 25 декабря (1833 года)

Я увезла с собой Полину на пятнадцать дней. Мы сегодня танцуем у Тюфякина. Я увожу Полину каждую субботу вечером. Она у меня гостит до утра понедельника. Когда бал у Тюфякина, то я отвожу ее во вторник.

№ 12

4, 5, II, 12, 18, 19, 25, 26 января 1834 года

С каким нетерпением я ожидаю этих дней. Я, однако, хожу дежурить исправно к Тюфякину. 13-го и 27-го мы танцуем. Полина всем нравится. Я была на бале королевы бельгийской. Так много было выпито на этом бале, что король запретил подавагь вина на балах.

№ 13

Февраль 1, 2, 8, 9, 15, 16, 22, 23

Все эти вечера мы проводим у Тюфякина и заходим иногда днем. Полина очень мила и совсем обворожила старика. 10-го бал у Тюфякина.

№ 14. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ

Среда, 12 февраля 1834 года

Как скучно, что ты нездорова. Масленица в разгаре, по милости лорда Сеймура, бульвары кишат народом. Много верхом, в самых разнообразных костюмах. Экипажи лорда Сеймура тянутся один за другим и переполнены замаскированными молодыми людьми, которые несколько раз проехали между двух рядов экипажей, бросая конфетти и муку в народ и даже в мой брег. Я тут очень чинно сидела около бульваров. Покрытые с головы до ног мукой, мы пожелали позабавиться и сами. Я не вытерпела и просила лорда покутить с ним вместе. Он нас принял очень охотно, но с условием, что я допущу моих замаскированных воспитанниц, разумеется, с Луизой Мейер, присоединиться к нам. Мы разместились наудачу, но попарно, каждый кавалер имел свою даму. Мы часто менялись. Мы все одеты были дебардерами, как и ученицы мои; одна Луиза Мейер одета была Пьерро. Мы неистовствовали так, что лучше выдумать трудно. Демидов, одетый весь в розовом атласном жюстокоре, галопировал на белой лошади, кидаясь во все стороны со своей мукой, так что лошадь пала под ним, и мы его приняли в наш экипаж с криком неподдельной радости.

Мы кутили целых три дня, так что я могла едва выспаться к отправке из Куртильи. Я некоторых из них нарядила в

костюм французской гвардии. Мы, миновав заставу, попали в Гран-Сен-Мартэн, загородный трактир, содержимый Денойэ. Давка была ужасная. Моим девчонкам бока порядочно намяли, пока они нас оберегали. Мы толкались по этим бастрингам и ничего замечательного не видели. Я видела как сквозь сон быка, шествующего в Палэ Рояль, окруженного несметной толпой с трубачами впереди. Их, говорят, встречает в Палэ Рояле герцог Орлеанский и завтракает с этой толпой. Я вовсе не желала его видеть. Я спросила сержанта, где же настоящий канкан, и, подобрав юбки, сделала ему мое пресловутое па.

– Я приехала сюда и хочу видеть «бурный тюльпан». Мне сержант отвечал:

– В участке, прекрасная дама.

Вот единственно умная вещь, которую мне удалось слышать в течение всей длинной ночи. Две из наших дам повздорили (герцогиня Д. и графиня Л«егон» из-за какого-то школьника). Это было в «Ванданж де Бургонь» Сцену эту будто бы предсказывает Люше в книге «Сто один», за год назад, в 1833 году. Лорд Сеймур протестовал против этого описания; взялись исполнить его программу (лорд Сеймур протестовал против некоторых неточных подробностей). Этот молодой мальчик оказался бароном де Шассирон, ему едва шестнадцать лет; он нас очень забавлял, выделявая действительно невозможные фигуры им представляемого Христофа Колумба с графиней Л«егон». Не знаю, право, мы ли исполняли

программу Люше или это было в воздухе самых заведений. Герцогиня Д. уехала в слезах, получив здоровенную оплелуху. На другой день Тюфякин мне задал порядочный нагоняй. Дело почти доходило до разрыва. Я ему объясняла, что взяла мою школу, чтобы они ознакомились с *mise en scene*, что я их взяла с собой, чтобы он не подумал ничего дурного – и разревелась, как ребенок. Тут мой добрый старик расстрогался и сказал мне:

– Я вам все, кажется, позволяю, но не таскайтесь, ради бога, по грязным трактирам.

№ 15

Март 1, 2, 8, 9, 15, 16, 22, 23, 29 и 30

... бал. Мы праздновали масленицу – до 9 марта, а начали 9 февраля. Я весь месяц провела с графом Валевским. Он вернулся из Алжира героем. Он поляк и сын Наполеона и вальсирует как бог. Герцог Орлеанский дуется, герцог Немурский жметя, точно аршин проглотил, Морни сбежал, д'Альбон мне наговорил дерзостей: у него на другой день была дуэль с Лютероде. Лютероде очень гордится, что ходит с подвязанной рукой, я его вожу в моей коляске по Елисейским полям. Тюфякин читает мораль, но ничего не берет: мои паутинные нити перепутались. Оно так и следует. 10-го Полина вернулась с отцом. Он мне не на шутку куры строит. Милости просим. Он мне подарил сорок тысяч франков за мои хлопоты и заботы о дочери. Это гораздо остроумней всей остальной масленицы. Кажется, графиню Л«егон» пригласили уехать в Брюссель, чтобы дать успокоиться скандалу. К счастью, я все время не снимала маски, хотя было очень душно.

№ 16. ГРАФИНЕ ЛЕГОН В БРЮССЕЛЬ

Понедельник, 10 марта 1834 года

Я была нынче в театре, давали «Дон-Жуан». Вид зала был очень хорош, и туалеты отличались истинной роскошью; королева имела бархатный пунцовый ток. Она меня вызвала в свою ложу и хвалила мой туалет: платье из крепа жонкиль, юбка, разрезанная спереди и закрепленная букетами из анютиных глазок; их было пять по лифу; в промежутках виднелась атласная юбка жонкиль; рукава в три буфа, лиф с мысом, образованным эмалевыми пуговицами фиолетового цвета, вокруг осыпанных бриллиантами; на голове шнурок из фиалок, и в косу была вдернута бриллиантовая эгрета. Она не могла налюбоваться моим туалетом; она знала, что это герцогу ничего не стоит, а крупных и мелких бриллиантов у меня было на сорок тысяч франков. Она воображала, что я влюблена в него по уши. Я ей сказала, что бриллианты – подарок моей матери. Я из театра повезла с собой Полину, и мы плясали до упаду. Бедный Тюфякин приходил и спрашивал у моих танцоров, скоро ли кончится бал. Меня он и не спрашивал, боясь, что я этим огорчусь. После финального канкана я велела играть котильон. Истощенный вид Тюфякина не помешал ему нас встретить с сладострастной улыб-

кой, когда мы подошли к нему втроем: герцогиня Валенсей, Полина Мюель и я. Выбор пал на Полину Мюель, которая с сияющей улыбкой, взяв его под руку, отправилась с ним в кабинет. Она все это даром проделывает. Она просто душка. Граф Валевский со мной вальсировал до упаду. Когда музыканты заиграли мазурку вслед за котильоном, я думала, что Тюфякину дурно сделается. Он Валевского не жалует и боится, что его Николай из Парижа отзовет. Ну, так что же, я с тобой в Петербург охотно поеду.

№ 17

Апреля 5, 6, 12, 13, 19, 20, 26, 27

7, понедельник

После бала мы поехали верхом с Полиной. Время было чудное. 13-го апреля мы поехали в Консерваторию с герцогиней Брольи смотреть чудную девушку. Мне очень хотелось ее завербовать в школу Тюфякина. Оттуда мы заехали вместе в мастерскую Давида д'Анжер; он лепил статую г-жи Сталь, матери герцогини. Она говорит, что мать ее точно живая. Около двух часов мы ездили слушать немецкого проповедника в Темплъ де Биллет. Проезжая улицу Сен-Дени, мы повернули в улицу Урс и Гренье-Сен-Лазар. Мы увидели воздвигающуюся баррикаду около улицы Мобие и снова наткнулись на баррикады; мы свернули вправо, так и не слышав знаменитого проповедника.

20, воскресенье

Мы опять поехали к Давиду д'Анжер. Склад моего ума и моя манера держать себя ей живо напоминали мать. Я драпировалась в шаль г-жи Сталь и приняла ее позу по указанию герцогини. Вошел знаменитый Араго; я продолжала рассказывать наши приключения на прошедшей неделе.

21, понедельник

Я много вальсировала с Валевским. Я полагала, что одержала верх над моей чувственностью. Но, увы, мои добрые пожелания обратились в дым. – Проповедника, которого мне не удалось услышать в Темплъ де Биллет, зовут, кажется, Мундт.

№ 18

Май 3, 4, 10, 11, 17, 18, 24, 25, 13

5 и 19

После бала мы каждый раз ездили верхом вчетвером, с Валевским и Морни, который приютился к Полине. Он бы рад жениться на ней, но отец не отдаст за него и хорошо делает. Он что ни на есть хлыщ большого света.

№ 19

Июня 1-го

Мы эти два дня провели вместе, я только ходила с Полиной к Тюфякину, Полина уехала с отцом в Эпиналь. Наше прощанье было раздирательным.

№ 20. ПОЛИНЕ «МЮЕЛЬ»

Париж. Понедельник, 2 июня 1834 года

Душка ты моя, как грустно без тебя. Что тебе делать в твоём скучном Эпинале? Приезжай лучше в Компьен. Мы весело заживем, у меня дача прекрасная, близ леса. Мы переезжаем через десять дней. Но не пугайся, у старика своя дача: его вилла за две версты от моей дачи. Мой предмет теперь герцог Немурский. Я люблю его несравненно больше, чем большого Цыпленка, которого отпустила на время в отпуск; пусть ходит в школу графини Лёгон). Ему это нужно; пусть попробует. Герцог Немурский горячо взялся поправить мои дела в Мартинике. Граф Дюшатель принялся за дело и отстаивает наши интересы. Оно не только ничего не будет стоить правительству, но сэкономит еще несколько миллионов субсидий, платимых туземным сахарозаводчикам. Я поручила г. Риду осмотреть мои плантации и представить планы. Тюфякин взял на себя все расходы на поездку. Скажи отцу, чтобы он тебя привез, скажи ему, что я о том прошу его на коленях. Моя мать и во сне бредит о моем величии. Она все воображала, что я выйду замуж за Демидова, и так ему надоела, что он, избегая наш дом до свадьбы, совсем отвык к нам ходить. И бог с ним. Тюфякин также его терпеть не может.

Я обязана г. Геллю знакомством с графиней Суза. Это чудная женщина, она так восхищается моими стихотворени-

ями, доселе не изданными. Ей было более семидесяти лет, когда мы познакомились. Я часто обедаю у нее и провожу с ней вечера до восьми часов. Граф Морни вдается в религию. Мы втроем читаем одного из отцов церкви. Когда я уйду пораньше, то Морни меня провожает пешком по Елисейским полям до дому, куда я спешу, чтобы переодеться. В двенадцать, когда я возвращаюсь, расфранченная, от князя Тюфякина, я часто встречаю Морни на нашей улице, ожидающего моего возвращения. Ты не можешь себе представить, как это меня трогает. Он много говорит с г. Керминьяном о своих плантациях свекловицы и читает ему свои записки. Жиске ему советовал устроить свеклосахарный завод в большом виде. Они так много об этом говорили, что я во сне видела, как из большущей свеклы я сама вывожу на огне растопленный сахар. Когда я им рассказывала мой сон, они помирали со смеху; сон повторяется очень часто. Уж не несчастие ли какое-нибудь? Матью де Домбаль и генерал Бюжо постоянно приводятся этими господами как авторитеты. Я молчу и думаю про себя, сколько я теряю с моими невольниками в Мартинике. Я сильно работаю в пользу уничтожения субсидий, платимых правительством в пользу туземных сахарозаводчиков. Они все поставят вверх дном и нарушат порядок, устроенный самой природой. Я нашла у моего Тюфякина брошюру четырнадцатого года «Три послания о Николае Бонапарте»:

Сдавите, заставьте бродить свекловичный сок,
Все вино в погребах обратите в сироп –
И получите сахар. Вы кофе хотите,
Бобы и цикорий тогда обожгите –
И Мокко чистейший получите вы.
Триумфа искусства достигнули мы.

Морни почти каждый день ходит к нам и понимает совершенно мои отношения к Тюфякину, и я так привыкла к нему, что, думаю, очень бы полюбила его. Досадно, что его интересы заставляют его поддерживать партию, враждебную нашим колониям. Моя мать часто уезжает в Лион, г. Керминьян навещает нас изредка и останавливается в отеле «Мирабо». Мой муж еще реже посещает меня. Он был в Париже всего два раза по два дня в течение шести месяцев: один – при отъезде в Марсель и раз при переезде из Вьена в Куломье. Моя мать не унывает и явно, хотя заочно, покровительствует Анатолю. Она желает разжечь мою страсть к нему. Не понимаю ее расчета. Понимаешь ли ты что-нибудь? Я его ненавижу, потому что он не захотел жениться на мне. Я с ним была бы верная жена. Я так боюсь его.

Моя мать купила альбом Шеффера, не настоящего: «Что говорят и что думают», где я представлена на бале, кажется, в 1832 г., в пансионе. Я имела с Демидовым очень мне памятный разговор. Он просил моей руки. Я тогда думала, что мы – родные, мы себя держали совершенно как брат и сестра. Я вклеила на память лист из альбома, а остальные изорвала

на папильотки. Моя мать, так ему надоедавшая прежде, возвратясь из Лиона, мелким бесом распинается перед ним. Он ей дарил пустяки, но, однако, ценные. Я и бровью не моргнула. При посещении г. Гелля моя мать еще более возненавидела его. Я страстно его любила и на два дня заперлась с ним вместе, никого не допуская, кроме моей девушки.

На третий день мой бедный муж имел сильный припадок кровавого поноса, с корчей в кишках, и уехал, опять харкая кровью. Моя мать в остервенении его ругала всячески за то, что он видимо притворяется и выеденного яйца не стоит. Доктора решили, что нам надобно иметь две спальни и что лучшее, что можно придумать, это нас отделить морем. Я была в оцепенении. С десятого года я была одержима припадками чувственности. Замужество казалось исходом для моих припадков, ниспосланным провидением, которое жальлось как будто, видя мои мученья. И вот жданная свадьба открыла настежь обе двери для приключений. Моя мать бранила мужа на всех перекрестках, но он весьма понравился Тюфякину, который пригласил его на партию виста, Морни также, а карточку Демидова он отослал назад. Демидов для твоего приезда мне подарил очень красивую лошадь. Ее зовут Джипси, очень смирна, а рысью бежит отлично.

№ 21. ГРАФИНЕ ЛЕГОНЪ

(Доставлено ею в префектуру в 1836 году и возвращено мне г. Жиске в том же году)

Понедельник, Компьен, 14 июля 1834 года

Я часто виделась с герцогом Немурским с отъезда в Компьен, где он стоял в лагерях. Я его раньше принимала в том же ателье по улице Сент-Оноре. Я долго страдать не умею; заметив волокитство герцога Орлеанского за женщиной, с которой я очень дружна, я с ним объяснилась откровенно, и мы расстались добрыми друзьями. Я вовсе не привязывалась к мужчинам и этим именно брала. Меня считали совершенной дурочкой, и все охотно шли на меня. Правда, я в первое время очень страдала, и герцог Немурский сжалился надо мною. Он был моим confidentом во время моих интимных отношений к герцогу, и мы часто говорили о нем. Я восемь месяцев провела с ним. Чего же больше?

Герцог Немурский давал большой обед в замке, чтобы взбрызнуть свои генеральские эполеты. В тот же день я совершенно случайно собрала моих школьных товарищей в Компьенском лесу. Они еще все были в пансионе. Поли-на Мюель, девицы Фульд, Оппенгейм и мисс Марианна Эллис. Девица Кастеллан одна воспитывалась, как птица. Они все собрались на несколько дней у г-жи Андерсон, имевшей

свою девочку в том же пансионе. Я одна была замужня. Я не говорю о г-же Андерсон, которая видала виды: она постоянно нам говорила, что император Николай, будучи великим князем, отличил ее на бале в Эдинбурге. Это было, кажется, в двенадцатых годах или, пожалуй, еще ранее, и она намекала нам, что это было не простое ухаживание и что она вынуждена была пойти замуж за мистера Андерсона, который был простой смертный, но имевший значительные деньги.

Я была в полном смысле маленькой царицей в нашем маленьком обществе. Герцог Немурский, лорд Дуглас, сын герцога Гамильтона, лорд Педжет, третий сын маркиза Англезей, подполковник Негрие, Эдгар Ней, молодой Пажоль прибежали к нам после обеда, немного навеселе. Мы уже были отчасти готовы. Великолепный полдник был сервирован нам королевскими служителями. Шампанское и херес наполняли наши бокалы. Много было паштетов, омаров и особенно много соленых закусок, которые заставляли пить. Г-жа Андерсон напилась до положения риз, одна из первых. Эдгар Ней и Пажоль ухаживали за ней под пьяную руку и осушали втроем одну бутылку за другой отличного хереса. Мы все затем разбрелись по парку. Эдгар Ней с m-me Андерсон, а Пажоль с ее десятилетней дочерью пошли в лес. Я их более не видала до двух часов утра. Евгений Лами, который один с нами полдничал, до прихода прочих кавалеров чертил наши портреты для альбома герцога.

Мои маленькие пансионерки разболтались с герцогом. Он

спросил, кто выдумал метр и десятичную систему. Эти маленькие каналы отвечали в один голос: Адам хотел метр, а Ева сантиметр Я увела с досадой герцога и дала ему почувствовать, что стыдно Бурбонскому принцу кощунствовать над несчастной принцессой. Он согласился, но, уходя, обратился к девице Каstellан (отдавая ей предпочтение, видно потому, что воспитывалась в Сакре-Кёр):

– Почему Зонтаг родила мулата?

– Оттого, что она попробовала уксуса, – отвечала негодница, нимало не конфузясь. Эта глупая шутка, которая всем школьникам и школьницам досыта известна, меня взорвала. Подобных вещей нельзя говорить при мужчинах. Шутка площадная вертелась на слове: уксус. Я уверена, что ни малейшего мулата девица Зонтаг никогда не родила. Они все были навеселе, да и я сама была навеселе, но из этого не следует позволять себе такую невоздержанность в речах. Я заплакала; со мной сделался нервный припадок. Я с трудом держалась на ногах. Герцог наконец сжалился надо мной, и мы удалились в лес. Я с трудом приходила в себя, и то ради герцога, который старался меня рассмешить. Однако в восемь часов я рассталась с веселой компанией и поехала одеваться, чтобы явиться на службу к моему князю. В бальном платье, с обнаженными плечами, накинув мантилью, я вернулась в парк и нашла моих подруг сидящими за ужином и несущими такой вздор, что в голову не полезет трезвому. Я мигнула герцогу и уехала с ним вместе.

Часа в три вернулась Полина Мюель; она взяла ванну, велела себе подать амазонку и седлать лошадей. Разговор с Женкинсоном был неумолкаем и казался очень интимен; меня отделяла от них только перегородка. Я пока у себя держу мою школу и их муштрую; они очень порядочно начинают петь и прислуживать около меня. Им-таки порядочно достается. Я и забавляясь не люблю шутить. Женкинсон претличная бестия. Он все вьется около моих девчонок, а за Полину я просто боюсь. Кажется, ничего интересного не забыто, а Полине пора вернуться к отцу.... Я при переезде в Париж избавлюсь от моих девчонок и сдам их Луизе Мейер. Они слишком расположены к шалостям: я их, видно, слишком балую и присмотра мало. Напиши мне тотчас пообстоятельнее все, что можно, за и против, все, что ты об этом думаешь.

№ 22. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ В ЭПИНАЛЬ

(Писано под диктовку г(ерцога) Н(емурского) и им самим исправленное. Храню, как автограф)

Пятница, 22 августа 1834 года. Нельи

Нежно тебя обнимаю, моя добрая Полина, моя возлюбленная, моя избранная сестра!

Мы получили приглашение в Нельи. Вообрази, какая радость! Тюфякин приободрился; он все время занимался моими туалетами, которые мы взяли с собой. Я помещена буду в самой башне, известной под именем Радоде, Тюфякин – в парке, в Голландском доме, расположенном в полуверсте или еще ближе. Мы приехали вечером 14-го, в пятницу, каждый в своем дормезе. На другой день мы слушали обедню в дворцовой капелле. Склонясь на колени, я долго молилась пресвятой деве за короля, королеву, за весь королевский дом, за себя, многогрешную, за тебя, чтобы пресвятая дева ниспослала все счастье, которое ты заслуживаешь. Когда я встала, я увидела строгий взгляд королевы – верно, не в этикете: я слишком долго стояла преклоненной. Много было приглашенных к вечеру. Я читала «О чем мечтают молодые девушки», играла на клавикордах в четыре руки с Тальбергом, пела

«Маркизу» того же Альфреда де Мюссе и играла на барабане марш, который играли, когда король шел в атаку при Жемаппе и Вальми. Вот уже неделя, как я вижу, что есть счастье на земле. Все меня ласкают, даже король, а это редко бывает. Король мне говорил с большим уважением об опекуне моем, г. Керминьяне. Принцесса Аделаида, услышав это, мне милостиво сказала: «Большое счастье иметь такого искусного и ловкого опекуна». Вот единственные слова, которые я удостоилась выслушать в течение недели от, е«е» к«оролевского» в«ысочества». Князь утопает среди королевских милостей и очень мил. Я очень начинаю любить старика и оценивать его достоинства. Королева очень желала меня удержать до дня св. Людовика. Он меня отпустил на четыре дня. Как тебе это кажется? Ему бы следовало просто приказать, как я говорила, но королева так совестлива. Подполковник Серрюрье уезжал в лагерь. Я его очень просила позаботиться о старике. Я сделала все приготовления для торжества. Я отыскала в библиотеке панегирики в честь св. Людовика, которые ежегодно читались в Академии в этот день, я отыскала целую поэму, восхваляющую подвиги св. Людовика, отца Лемуана, все это печаталось еще до революции. Я так наловчилась писать экстракты в школе, что затруднений не нашла. Речью остались весьма довольны. Я просила позволения ходить в манеж, чтобы упражняться на барабане. Марш на взятие Трира понравился очень принцессам. Так и слышится, что бой упорен. Для всех других я держу в тайне. Нежно тебя обнимаю.

Твоя Адель.

Я ужасно задолжала и не знаю, как быть. Я должна сорок тысяч франков, не поможет ли твой отец? Впрочем, не говори ему ни слова о деньгах, я постараюсь занять у Тюфякина или займу у Ротшильда, что то же самое.

№ 23. ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ В ЭПИНАЛЬ

Четверг, 28 августа 1834 года. Компьен

Душка ты моя, несравненная моя Полина. Ты верно думаешь, что я в сумасшедшем доме, получив мое письмо от 22-го. Так надо было. В Нельи, вообще при королевской квартире, существует черный кабинет; тут все письма пересматриваются, и содержание их доводится до сведения короля. Хороша я была бы, если бы пустилась на откровенность! Я это знаю наивернейшим образом: это мне сказал сам герцог. Он мне диктовал мое письмо к тебе от 22 августа и взвешивал каждое выражение. Он такой душка, и всему он цену знает. Он насчитал, что мне стоит его любовь: я более десяти тысяч франков издержала на мои туалеты, находясь в Нельи, и более сорока тысяч франков в Компьене, в четыре месяца; он говорит, что эти деньги вернет с излишком, когда вернется в Париж. Он мне продиктовал письмо к нему, которое я должна отправить из Компьена. Я ему откровенно сознавалась в издержанных деньгах в течение четырех месяцев и просила его прислать мне сорок тысяч франков, а шестьдесят вы получите от меня. Мы вместе хохотали от души при мысли, что письмо мое попадет в руки короля. Я очень весело провела время; все, даже король, были крайне любезны

со мною. Между чудными подарками я получила от королевы очень богатый браслет с бриллиантами чистейшей воды. Принцесса Аделаида подарила мне четыре вазы с портретами четырех сестер, любовниц короля Людовика XV. Вазы очень хороши. Она мне подарила их сначала две, на другой день моего представления, а потом прислала две другие: две синие и две зеленые. Принцесса говорит, что они расписаны до революции. К этому времени принадлежат сами вазы *en patte tendre* и декоры, которые писаны золотом; это мне сам кроньяр говорил. Медальоны писаны Константэном, два же портрета – Марешалом; эти медальоны были расписаны цветами. Что за варварство! Они теперь ничего не стоят. Броньяр говорит, что он, пожалуй, их даром возьмет для музея, и приходил даже просить об этом принцессу. Хорош гусь! Принцесса Аделаида предпочла отдать их мне, говоря: «Это за удовольствие, доставленное королю и мне вашей игрой на барабане». Эти две вазы мне подарены, не без эпиграммы, как и первые. Мы встретились у манежа; я разговаривала с юным принцем Жуанвильским, который мне очень нравится; я им непременно займусь нынешней зимой. Принцесса Аделаида подозвала меня и сказала вполголоса, тоном очень дружеским: «Не отвлекайте юношу, ему учиться надо». Я не была дома десяти минут, как лакей принцессы принес мне от нее в подарок две вазы. Это мне напоминает, что я тебе не рассказывала про манеж. Я туда хожу, когда имею время, иногда два раза в день, упражняться на барабане. Во дворце

невозможно. А здесь я играю и упражняюсь вдоволь, никто мне не мешает, и я никому не мешаю. Я играю тот пресловутый марш, когда король атакует при Жемаппе и отбивается при Вальми. Король в день св. Людовика беспрестанно приговаривал, приходя каждый раз в восторг: «Да, это так было – и тут начал накрапывать дождь. Вы точно сами видели дело. Так и слышно, что дождь идет. Наполеон в честь этого дня пожаловал Келлермана титулом герцога Вальми. А я обе атаки вел в том и другом деле. На нашей улице тогда был праздник. Я тогда с Дюмурье должен был бежать». Я, ходя в манеж, по нескольку раз в день, чтобы упражняться в барабанном бое, наслышалась, как конюха, задавая овес, наигрывали поутру Вальми и к вечеру Жемапп.

– Да это все одно и то же.

– Нет, моя добрая дама, – говорил старый конюх, – есть разница: к вечеру пошел дождь, к вечеру и барабанный бой стал глухо отзываться.

Он мне и дал мотив, который я тут же набарабанила, следуя моему воображению.

Я тебе опишу мои туалеты, которые я надевала 25-го августа. Я очень хорошо сделала, что привезла с собой своё гродетуровое платье, светло-серое. Я его окоротила немного ниже колен, по совету герцога. Надела шелковые светло-серые ажурные чулки, вышитые букетами, и башмаки атласные, того же нюансу. Платье мое было открытое. На голову я приготовила голубой берет с тремя белыми перьями; другой

берет, зеленый, герцог решительно отверг. Большое было затруднение в выборе широкой ленты или шарфа для надевания через плечо – это давало вид воинственный, что необходимо было для взятия Трира, Жемаппа и Вальми. Я выбрала зеленый, очень широкий кушак; герцог его забраковал, потому что этот цвет герцогини Беррийской. «Он очень не понравится отцу». Я предложила красный бархатный шарф. Герцог и этот забраковал, как совершенно негодный. Я ему показала синий и фиолетовый кушаки с пчелами, вышитыми золотом. – «Это слишком напоминает Наполеона. Намек слишком явный. Да где вы достали это?» Я, наконец, ему указала ленту из желтого атласа, по которому шли бархатные темно-зеленые полосы. Он очень обрадовался находке и вызвался отправить верхового к m-me Пальмир, чтобы привезти берет или ток под цвет ленты. Это все, что я пока от него получила. Желтая юбка, обшитая черными кружевами, и корсаж из черного бархата, с беретом из черных кружев, – это самая последняя мода. Юбка должна быть бархатная, если лиф бывает фый. Черные атласные башмаки довершают туалет, я их меняю до семи раз в день. Это туалет для маркизы. Для чтения панегирика св. Людовика я оставалась в том же платье, что к обеду: белое креповое, с богатым золотым шитьем и белые атласные башмаки, окаймленные вышитым золотом лизере. Ленточки также с такими же двумя лизере. Все любовались ими, даже сам король; принцесса Аделаида заметила, что это непозволительная роскошь.

– Я боюсь, что вы не вернете ваших расходов, – сказала она.

«Ну, это еще погоди, моя милая», – подумала я.

№ 24. ГРАФИНЕ ЛЕГОНЪ

(В особом пакете за печатью Жиске)

Компъен. Суббота, 11 октября 1834 года

Демидов все сидит у меня до девяти часов, когда я уезжаю на службу к Тюфякину. Нет дня, чтоб он мне не привозил каких-либо безделушек, и часто очень ценных.

Он мне подарил четверку чудных лошадей с кучером и очень милым мальчиком; по-русски зовут это фореитором. Я Анатоля люблю как друга и брата. Я боюсь полюбить его. Моя любовь, если мы свяжемся серьезно, будет чем-то демоническим и для обоих будет пагубна. Рассказывают, что я ему прихожусь сестрой по отцу его. Я привыкла, чтобы меня любили тихо, безмятежно. Когда я гляжу на него, мне становится страшно. Думая об этом, я вперила в рассеянности на него глаза, и глаза стали заходиться, и мне казалось, что они вертятся, а его глаза вперились в меня, проникая в душу мою, – и мы так сидели несколько минут. Нам подали лошадей. Я рассмеялась, сошла на крыльцо, села на лошадь и поскакала вместе, на общий рандеву. Я встретила с собравшейся кавалькадой, ехавшей нам навстречу: тут были графиня Кастеллан, г-жа Андерсон с дочерью, граф Пажоль, Эдгар Ней и лорд Дуглас. Поздоровавшись с ними, я поскакала к герцогу Немурскому, который с нами должен

был ехать; с ним был и брат его. Разгоряченная верховой ездой или разговором с Демидовым, я вдруг почувствовала, что вся кровь бросилась мне в голову. Демидов все приставал ко мне со своей бешеной лошадыю. Я стала действительно нервной и все придерживала лошадь, герцог Немурский также, а наша кавалькада скакала все впереди, и мы ее потеряли из виду; Демидов ускакал туда же. Я воспользовалась поворотом, обернула лошадь и, скрывшись в лесу, поехала шагом по другой дороге; мы приехали домой задними аллеями. Прощаясь с герцогом, я сказала ему, что жду его с вновь появившейся четвертой частью Кукарачи, которую он только что получил; дверь останется незапертой.

Не прошло часа, как я была дома. Я разделась, легла на кушетку, сняла башмаки, которые положила на пол, близ моих ног. Маленькая девочка, одна из тех, что я готовлю, вбежала в комнату сказать, что герцог Немурский идет. Мой ответ, обращенный к Луизе Мейер, был:

– Поставьте ее на колени в людскую, оставьте ее без обеда и наденьте на нее ослиные уши.

Герцог стоял, улыбаясь. Я перебирала принесенный герцогом роман и дала мои приказания Луизе Мейер:

– Дайте ей выучить наизусть девять страниц из этого интереснейшего романа и не забудьте поставить на колени, возьмите сушеного гороха или песку с раковинами.

Меня поразили слова открытого нового романа, его четвертой части: они были так оригинально верны, что я,

вскользь пробегая открывшиеся страницы (129–137), дала девочке, чтобы она выучила наизусть и не вставала бы, пока твердо не выучит свой урок. Вот место, которое обратило мое внимание: «Чтобы судить и понять во всем объеме творение повара, надо сесть за стол, не имея ни малейшего аппетита, потому что торжества кулинарного искусства не утолять голод, но его возбуждать». Не правда ли, как верно? Мы это испробовали на этой глупой девчонке. Аппетит герцога, несмотря на усталость, снова вернулся.

– Прошу ваше высочество вовсе не беспокоиться. Это для них здорово. Тюфякин еще строже и взыскательнее относится к девчонкам. Он с ними становится совершенно другим человеком. Умора смотреть. То ли будет, когда я ему передам их. Я пригласила герцога у меня обедать: соль-а-грат-эн, потом филе миньон, бекасы – вот что я запомню и что вам могу дать. Вы скажите за час до обеда. Хотите обедать теперь? Через час будет сервировано. У меня так устроено, у меня отличный повар Крампон и метр-д'отель Блондель. Они оба прежде служили у Тюфякина, он их скрепя сердце мне уступил.

– Хорошо уступил, он вам двух шпионов приставил...

– Как вы можете это говорить, я разве у него любовницей служу?

Я тут заплакала, и истерические рыдания меня лишили возможности говорить.

– Вы разве не знаете, что я у него на службе, и он на мою

любовь, право, никаких притязаний не имеет. Он знает, что я вас люблю, и знает нашу связь. Вы бога не боитесь.

Когда я оправилась немного, я ему сквозь слезы сказала:

– Приезжайте 25-го; это день вашего рождения. Князь Тюфякин хочет вас отпраздновать по-русски, он говорит, что этот день всегда празднуют в России. Я ему обещала поставить на сцену нечто из прошлого столетия. Я сама танцую в «Плохо соблюдаемой девушке». Сен-Леон – удивительный талант и отличный скрипач. Он у меня гостит и целый день возится с моими девчонками.

Пригласить ли тебя? Я, пожалуй, скажу Тюфякину, но тебе будет чрезвычайно скучно: один Евгений Сю, как устроитель празднества, а то все старики. Герцог Немурский будет наверное, я очень буду рада видеть и герцога Орлеанского. Скажш чистосердечно.

№ 25. ГРАФИНЕ ЛЕГОН

Компьен. Понедельник, 20 октября 1834 года

Я очень рада, что ты будешь у Тюфякина; я ему сказала об обоих герцогах, и он весьма рад их видеть. Он за неделю поедет их приглашать, а как ты вернешься, заедет к тебе. Я не знаю, говорила ли тебе в письме об одиннадцати счастливейших днях, которые я провела в Нельи среди королевской фамилии. Мне что-то помнится, что я ничего не сказала о подарках, мною полученных. Король мне подарил фермуар, оцененный в пять тысяч франков; королева подарила браслет в десять тысяч франков; все принцы и принцессы подарили мне разные сувениры, и даже сама принцесса Аделаида подарила четыре севрские вазы, с портретами Мальи и других трех сестер, я только помню герцогиню де Шатору. «Они вам более к лицу будут, чем старухе». Сказано это с хитрой целью, не даром; придумать не могу. Наверное, она меня ревнует. Подумай и напиши. По оценке они стоят по их величине до четырех тысяч франков, так мне их оценила m-lle Луиза Мейер и предложила деньги за вычетом 10 % за комиссию. Морни предлагает те же деньги и не берет комиссии. Наверное, гораздо больше стоят.

Нынче я репетировала в «Плохо соблюдаемой девушке» с восемью девочками и Сен-Леоном, который их хлестал по голым ногам своим бичом в одной руке и скрипкой в дру-

гой. Мне совершенно из памяти вышло, что я назначила этот день для прогулки верхом. Герцог вошел и очень просил не церемониться. Я очень запыхалась и просила герцога обождать несколько минут. Он видимо был очень доволен этой неожиданной обстановкой, сказал несколько любезных слов Сен-Леону и просил не стесняться его присутствием и продолжать Урок.

– Я себе позволю промуштровать около получаса этих девчонок и потом примусь за нашу примадонну. Вы удивитесь, как она грациозно танцует и что она своими чудными ножками выделяет.

Мы возвращаемся в Париж 25 октября. Я намерена устроить спектакль ко дню рождения герцога. Тюфякин говорит, что так в России водится. Ну и отлично.

№ 26

Компьен. Среда, 5 ноября 1834 года

Представление отложено до нынешнего дня. Я уже три дня как открыла школу с m-lle Луизой Мейер в присутствии Жиске и всякий день бываю на репетициях в отеле Тюфякина. Я целый день в Париже, чтобы наблюдать за ансамблем. Декорации писал Морэн; они очень хороши и эффектны. Занавес изображает одну из местностей моей виллы близ Компьена; группа деревьев, затем два-три дерева, виден сельский мостик; я стою на нем в самой середине, и подомной отражение в воде; по ту сторону мостика густой кустарник. Все это так наивно написано, видно, что прочувствовано, природа схвачена мастерски с натуры. Даже видны мои бронзовые полусапожки, отражающиеся в воде. Это просто прелесть. У меня первый эскиз. Театр устроен в вестибюле. Главные двери закрыты, к ним примыкает сцена. По бокам идут ложи, их по шести с каждой стороны, и две большие ложи, устроенные по обеим сторонам парадной лестницы. На парадной лестнице устроены сидения для публики; их счетом тридцать. Сверх того, вдоль оркестра двадцать четыре кресла для избранных. Затем после прохода помещались еще три ряда. Всех кресел двадцать четыре, между ними устроен проход, и в конце залы, у лестницы и по обеим сторонам, помещались двенадцать кресел. В первой ло-

же, или полуложе, помещался герцог Немурский, и она была без Но; с противоположной стороны помещался князь Тюфякин; обе ложи имели вход на сцену. В первой ложе сидела графиня Л«егон» как жена посла, и с ней герцог Орлеанский. В ложе напротив сидели г-жа Герियो, Евгений Сю, как распорядитель спектакля. В третьей ложе – княгиня Ливен. В пятой – графиня Блессингтон, в седьмой – новобрачная принцесса Бирон, вышедшая замуж за полковника Лазарева. 29 октября он приехал к князю Тюфякину, настаивая, чтобы отложили спектакль на несколько дней. Хотя мне досадно было, что секрет обнаружился, я рада была отложить на неделю. Ее тетка, герцогиня де Саган, другая племянница, Фанни Бирон, и баронесса Мейендорф; в противоположных ложах сидели герцогиня Роган Рошфор, княгиня Виндишгрец, принцесса Латремуйль и графиня Самойлова. В ложе направо от парадной лестницы сидели графиня Разумовская и ее венские приятельницы Ностиц, Гацфельд, Коринская. Из участвующих в спектакле были г-жа Андерсон и живописец Морэн, игравшие роли благородных родителей. Я и граф Морни, который очень редко бывает в Париже (он теперь постоянно в полку в Оверньи, и уж верно не даром), – в качестве первых танцовщиков, и вообрази себе, из кого состояли мои сподручницы? Напрашивались многие, но я выбрала герцогиню де Валенсей, герцогиню д'Истри, девиц Краевскую и Эллис. К«раевская» вышла на сцену, одна нога обутая в ботинку, а другая – в башмак. Я ей сделала замечание

в непристойности ее поведения. Она рассердилась и тотчас уехала. Фигурантки были мои восемь воспитанниц и исполняли свои роли лучше всех нас, но их, разумеется, не удостоивали (так в книге – *Д.Т.*) рукоплесканиями. Восемь молодых мальчиков пригласил Сен-Леон, но я не думаю, чтобы князь Тюфякин их желал ангажировать постоянно. На этом вечере было приглашено всего сто тридцать человек. Я настояла на том, чтобы все главные представители прессы были приглашены, но старик заупрямился, и пресса вся, как бы сговорившись, обошла убийственным молчанием наше несомненное торжество. Всех актрис я похерила, а князь Тюфякин мне в досаду похерил всех журналистов; только и был один Евгений Сю. Я желала пригласить г-жу Ансело по дружбе ее ко мне и к матери моей, но она часто приходила на генеральные репетиции и находила, что ей в самом деле неловко втираться в такое аристократическое общество. А трудно найти более избранное общество, как у нас собирается. Между приглашенными был Брюллов, который слывет за любовника графини Самойловой. Он выставил свою картину «Последний день Помпеи» в Лувре, в нынешнем ли году, или в прошлом, или третьего года, я, право, не запомню. Я хожу, как в чаду. В мастерской его видела недоконченный портрет самой графини, но когда – не помню. Тебе ведь все равно, и мне также. Брюллов после первого свидания с ней прислал ей двадцать франков. Очень остроумно. Но охота ей связываться с каким-то живописцем! Ништо ей. Тюфякин

всех русских принимает очень радушно. Он рад тому, что я
впускаю их в мои гостиные, и нимало не неволит меня.

№ 27

14 января 1835 г.

Граф Партуно скончался; это большая потеря для Тюфякина. К счастью, отставка Талейрана наконец принята 7 января.

№ 28. ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ

Париж. Четверг, 14/26 февраля 1835 года

Душка моя, Полина, радость моих дней, а ты еще не приехала, право, Париж скоро соскучится о тебе и начнет глупости делать. Министерство все изменилось: генерал Бернар заменил Жерара, Брессон – министр иностранных дел, герцог Бассано – министр внутренних дел, Тест – торговли и т. д. Вероятно, это очень неприятно твоему отцу; разве Тест пригодится. Напиши, пожалуйста, пооткровеннее, что ты об этом думаешь. Я, сумасшедшая, опять влюбилась и обещаю себе накрепко никогда более в подобные глупости не вдаваться. Мои ежедневные сношения с Морни сделали то, чего не добились бы всякие его ухаживания. Я его страстно люблю. Старик мой заметил тотчас мою любовь к Морни и сделался еще добрее и приветливее. Он мне каждый день дарит весьма ценные подарки: третьего дня подарил виллу близ Компьена, ту самую, где мы так сладко проводили время. Он только одного боится, чтоб я не покинула его, и ухаживает за мной, и ухаживает не за мною одной: он ласкает и ухаживает всячески за Морни и герцогом Орлеанским. Я хотела сказать Немурским, но обмолвилась. Я впросонках ошибаюсь и зову Фердинанд, когда следует сказать Луи, и наоборот. Хорошо, что Жуанвильский глух, как тетерев. Он меня любит без ума и мне бы никогда не простил. Я им особенно дорожу. Он мне

будет очень нужен – его голос будет очень весок. А расчет старика очень верен: если герцог станет ревновать и оставит меня, я еще крепче привяжусь к Морни, и Морни наверное захочет меня взять безраздельно. Но я этого не хочу, потому что не хочу лишаться моего независимого положения и не хочу сделаться гулящей женщиной. Он так боялся, чтоб я не обнаружила перед герцогом моей любви к Морни, что избегал встречи между обоими. Он приучил Морни приходить к завтраку и часто отвозил нас обоих вместе, заезжая в два часа в свой клуб. Где ты найдешь такого добряка? Герцога он звал, когда захочет, на партию в вист. Когда партнеров было довольно или ему играть надоедало, мы удалялись в мою комнату для туалета и около двух часов проводили вместе, никем не тревоженные. Морни, как ни напрашивался, получал сухой отказ. Если бы Морни захотел, то я бы с ним на край света уехала.

28 февраля

Впрочем, я не очень рассчитываю на него: он мне не верен. Ты жалеешь обо мне, не правда ли? Ах, зачем тебя нет здесь! Мужчины так гадки. С ними можно только дела делать. Приезжай поскорее, я тебя замуж отдам. У меня сейчас был нотариус и говорил, что ведет с твоим отцом переговоры. Делож прекрасный малый, у него сто тысяч франков дохода, положенного отцом Демидова у моего нотариуса. Он не будет взыскателен, я тебе ручаюсь. Он мне сам рассказы-

вал, какая у него точка зрения на этот счет. Только наблюдай, чтоб промаха не дать при составлении контракта.

У нас балы начинаются. Тюфякин решился давать каждые две недели бал, или, скорее, вечеринку. У нас будет всего сто приглашенных, и, разумеется, я приглашу самые выгодные для тебя партии. Смотри же, не мешкай и приезжай поскорее. Мой первый бал будет в понедельник, 2 марта, и потом через две недели в понедельник. Актеров и актрис и вообще женщин сомнительного поведения вовсе не будет. Я не терплю этого и готова развестись, он это хорошо знает. Все, что я успела сделать, это его уговорить, чтобы допустить четырех журналистов: Евгения Сю, Евгения Брифо, Евгения Гино. Я точно объелась этими Евгениями, у меня живот от них заболел, но они мне все трое нужны. Четвертым я приглашу либо Теофила Готье, либо Эмиля Жирардена, либо Леона Гозлана; я ими не дорожу, можно и приглашать по очереди. Слава богу, что ни одного Евгения не встретилось. Я их тебе в женихи не прочу, упаси боже. У меня будет около десяти молодых людей с большим состоянием. Тебе будет легко выбирать. Я их испробую как следует и тебе доложу обстоятельно. Ты счастлива, у тебя самой отложено на полтора миллиона государственных бумаг. Скажи отцу, что я вовсе не желаю вредить интересам нашего нотариуса. Он имеет право на условленный процент. Я строго держусь мнения, что все участники должны получить следующее без спора, а несоговорчивые должны немедленно исключиться из сообщества.

Держись этого правила и не жалей, что участников много. Ты останешься в выигрыше. Сам Мальтус ничего не придумает лучше, а прежде всего старайся не наживать детей. Это Мальтус придумал для бедных, но и для богатых оно крайне разорительно. Несравненно лучше пожизненная рента. Она гораздо современнее. Прощай, моя добрая Полина.

№ 29

Париж. Вторник, 2 марта 1835 года

Помета сделана карандашом; не знаю, относилась ли она к содержанию этой записки; я не думаю, чтобы письмо было послано по назначению. Полицейского номера не оказалось, и письмо уцелело в бумагах (черновых я никогда не пишу)

Когда я вошла в гостиную в сопровождении моей матушки, только что приехавшей из Лиона, я нашла Тюфякина с Александром Тургеневым и графиней Сиркур; за мной вошел Морни. Разговор шел, но не очень оживленный. Подали завтрак, и моя мать живо овладела, по обычаю своему, разговором. Тургенев говорил непринужденно о камерах, горячился, говоря о свободе и о правах народа. Тюфякин, желавший переменить разговор, который принимал характер политический, спросил Тургенева: «Все ли по старому порядку у вас порют на святой Руси?» Сожалел, что таскать мальчика за волосы для него составляет как бы вторую привычку. Графиня Сиркур, смеясь, говорила, что две-три оплеухи за неудачный ответ горничной ей не в диковинку, когда она в России, а когда во Франции, то воздерживается, потому что это слишком дорого обходится. Тюфякин соглашался с обоими и жаловался, что он давно не бывал в России, но хорошие привычки помнит и уважает. Мы от чистого сердца

смеялись.

Мать моя, обрадовавшись просто случаю или ободренная ухаживаниями Тургенева, очень увивавшегося около нее (а ведь матушка и днем очень авантажна, просто задор берет, когда посмотришь на ее ножки), принялась рассказывать о своем пребывании на острове Мартинике.

– После смерти Николая Никитича Демидова я поехала к мужу в 1828 году. Не на радостное свидание я ехала к нему: он хворал и вскоре умер. Все беды разом обрушились на меня, и мои дела пошли с того времени совсем плохо. Я дочь мою поместила к мадам Шаретон, а сама отправилась в путь. После революции 1830 года наше положение еще ухудшилось, мы были крайне стеснены в наших владельческих правах. Мы еще владеем теми же правами относительно наших невольников, но их стало меньше вследствие финансовых потрясений. Мы вынуждены были продавать наших невольников, других средств к жизни мы не имели. С каждым днем содержание их становилось дороже, а цена на привозных все возвышалась и возвышалась. На месте их покупали по пятидесяти франков кругом, а доставленные на остров Мартинику нам обходились в полторы тысячи франков за каждого, – так дорого обходилась их доставка. Неосмотрительность наших либералов была тогда крайняя. Карл X ничем не лучше был нынешнего правительства; он разом объявил свободу взбунтовавшимся неграм в Сен-Доминго. Вместо того, чтоб нам прийти на помощь и дать средство пережить кризис,

правительство ничего не делало, занимаясь единственно палатскими прениями и выборами в самой Франции, и представило нас нашей бедственной участи. У моей двоюродной сестры, впрочем, крайне доброй, услужливой и совершенно светской, оставалось после нескольких разорительных продаж только десятка два невольников и невольниц, – все людей старых и подростков. А людей мало-мальски годных к работе она всех поневоле продала, и жить было так трудно, что вы себе и вообразить не можете. Дочь воспитать надо в соответствующем ей положении, а на это по меньшей мере надобно каждый год высылать до трех тысяч франков; да и на себя по меньшей мере нужно столько же. Я из долгов и не выходила. У нас была плантация с полуторастами негров и негритянок. Я почти все распродала; остался большой огород да маленькие плантации с деревьями какао. Мне до зареза нужны были деньги; я торопилась в Париж и занималась распродажей моего имущества. Посудите сами, каково было наше положение. Две из самых старых невольниц ходили каждое утро с набранными ягодами и овощами на продажу в Сенньер. Путь был действительно тяжелый: взобраться на гору Парнас и спуститься вниз было дело нелегкое для дряхлых старух. Сестра и я, мы очень их жалели, но что же делать? – денег на свое собственное пропитание у нас не хватало. Старухи очень мешкали, а мы ожидали провизию с их возвращением; поставщик наш отмечал, когда они возвращались из города. Их ждали с нетерпением и ожидали палоч-

ные удары. Но они не исправлялись; пришлось удвоить порцию. Они верно засыпали дорогой вместо того, чтобы поспешать с своей ношей. Убедясь, что от них проку не будет, что они действительно неисправимы, а на пропитание их все же что-нибудь да идет, мы порешили дело очень скоро и приступили к исполнению немедленно. Сестра привязала их к двум столбам, надела на шеи две рогатины и руки им скрутила за спину; так они пробыли всю ночь и день. Когда солнце склонялось к закату, они, одна после другой, испустили дух. Нам их очень было жалко. За дочь в пансионе мне приходилось платить до трех тысяч франков с содержанием ее, да на мое столько же. Были года, что я и десяти тысяч франков не выручала. Я большую часть моих невольников, ту часть, которая мне приходилась по наследству, продала; плантации и отцовский дом отдала в аренду; к счастью моему, я эти деньги поместила под залог сахарного завода. Мне это советовали г. К«ерменьян», Жиске и граф Морни, который этим делом сам с большим успехом занимается – дело совершенно верное. Я первую закладную имею, хотя в этом совершенно не нуждаюсь; я вполне верю в слово графа.

– Да вы получили двести тысяч франков на имя дочери от покойного Демидова, который умер, сколько помнится, в 1828 году, – заметил Тюфякин.

– Мои расчеты с дочерью и ее мужем такие: я ей отдала невольников, плантации же и дом принадлежали ей всегда. Я деньги издержала на воспитание дочери и на ее туалеты, а

половину поместила под тот же завод; все бумаги в исправности, и мои отчеты представлены куда следует.

– Да оказывается, что вы мой должник. Как это забавно! Я о моих делах никогда не говорю с матерью, а помню, что подписала какие-то бумаги с г. Геллем.

– У нас до подобных жестокостей не доходят, – сказал г. Тургенев, – но, впрочем, бог знает, у нас пресса молчит и не может поднять голову.

Тюфякин и графиня Сиркур совершенно согласно показывали, что убийство, умышленное в особенности, не дозволялось и нашими древними законами, разве когда сгоряча, да и то оно строго воспрещено.

– Я довольно недоверчиво, – заметила гр. Сиркур, – отношусь к рассказам всех искателей приключений, которые окружали Демидова и управляли его заводами; мне сдаются преувеличенными все рассказы эмигрантов, несмотря на мое глубокое к ним уважение.

– Граф Иосиф де Местер мне рассказывал со слов Тамары, и я этим словам верю, как себе, – заметил с большим тактом Тюфякин, – что к священнику в одной из деревень Тамары привезли хоронить девку. Священник усомнился и заподозрил, что, может быть, девка лишила сама себя жизни. Призвали из дома Тамары врача, который, не обинуясь, видя раны на трупе, заявил, что она засечена до смерти, и сам староста, ее доставивший, не опроверг его слов. Священник, вовсе не думая доводить о том до сведения суда или началь-

ства, похоронил ее как ни в чем не бывало.

Анекдот, рассказанный Тюфякиным, дал моей матери время успокоиться. Я ожидала взрыва. Раздосадованная крайне неприличной выходкой г-жи Сиркур в отношении к ней самой и затрогивающей (так в книге – *Д. Т.*) к тому же национальную честь, мать моя, с удивительным хладнокровием и сдержанностью, не упустив из виду отстоять и нынешнее правительство, с большим тактом (браво, мама!) произнесла, останавливаясь на каждом слове:

– Мы располагаем до сих пор жизнью и смертию своих невольников, правительство настолько умно и просвещенно, что в эти дела не вмешивается.

– Я далеко не друг рабства, – возразил Морни моей матери, – но в данном случае я никак не соглашусь кормить людей, которые мне ничего не зарабатывают. Это нелепо и бросается в глаза.

Моя мать и я, вместе с Тургеневым и Морни, вернулись домой. Тургенев строил страшные куры моей матери, и моя мать страшно кокетничала с ним. Я совершенно не понимаю, что происходит. Кажется, что нюх у ней достаточен. Едва Морни уехал, мать вошла в комнату, крайне взволнованная и не на шутку раздосадованная. Я спросила, что Тургенев, он, кажется, был совсем готов на дерзости? Матушка не на шутку рассердилась и рассказала мне, что, разоблачась, она легла на кушетку и стала его приласкивать. Он тотчас ухватился за шляпу и, торопясь, сказал: – Если бы мы были в

плантациях какао! Каков негодай, невежа!

– Мне рассказывали что-то подобное, случившееся у него с г-жой Бравурой, – сказала я, – но я не могла поверить. Да он хотя бы из одной учтивости...

Вчера был граф Поццо ди Борго. Он назначен в Лондон. Он рассеянно играл в вист и был в каком-то забытьи. Ему за семьдесят лет, и можно ли в эти лета свыкаться с новой жизнью, в чужом городе? Он принес письмо императора Николая от 16 февраля; вот что царь ему пишет: «Прося вас об этом, я не скрыл от себя, что ваше новое назначение, после такой долгой карьеры, вам должно было показаться столь же неожиданным, как и тягостным». Я успела записать это сознание своей несправедливости. Когда уехал Поццо ди Борго, Тюфякин мне сказал, когда мы остались одни:

– Ништо ему, – он поддерживал Людовика-Филиппа в 1830 году, потому что играл на бирже на возвышении фондов. Французские фонды не должны касаться царя.

– Я то же, наверное, сама бы сделала.

О царедворцы, царедворцы! Прощай, душа моя, душенька.

№ 30

Вторник, 31 марта 1835 года

Я не на шутку влюбилась в девицу Фалкон. Я от нее без ума. Она так хороша в «Жидовке». Но уж это наверное в последний раз в моей жизни. Они так алчны. Счеты с матерью сведены с грехом пополам и не без труда. С Керминьяном я рассталась в холодных отношениях. Ты знаешь, что я ссориться не люблю. Посоветовавшись с Тюфякиным и графом Дюшателем, я решилась отправить г. Альфонса Рида в Мартинику, пока для обревизования дел. Он кажется дельным и честным человеком. По духовному завещанию отца моего вся земля принадлежит матери со всеми постройками, весь подвижной инвентарь, т. е. люди, скот и инструменты принадлежат мне. Адмирал Мако взялся за мое дело.

№ 31. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ

Среда, 1 апреля 1835 года

Несколько дней толкуют о стипл-чезе, со всеми его страстями, поломанными ногами. Я с гр. Легон отправилась по орлеанской дороге в Круа де Берни, первая станция от Парижа. Народу было пропасть. Элегантных экипажей весьма много. Ждали долго, и скачка началась в четыре, хотя была назначена в два. Скакало их четверо, выехал Воблан на собственной серой кобыле, но все держали пари на лошадь Эдгара Нея. Хотя я страстная охотница до лошадей, но меня привлекали мужчины; на сей раз с нами сидели герцог де Роган и Анатолий Демидов в коляске, запряженной по-русски – четыре лошади в ряд. Оно совершенно походило на римскую упряжь. Был тут и герцог Дудовиль (Ларошфуко) на его маленькой вороной лошади, с его сапогами поверх панталон. Я с ним кокетничала, желая попасть в его собрание красивых женщин, пока еще не вышедшее в печать. Я его пригласила к себе. Я заметила Евгения Сю, Обера, графа д'Альбона. Я кокетничала со всеми; то одного, то другого брала под руку и, прохаживаясь между экипажами, многие дела обделала. Я пошла с д'Альбоном и зашла в кабачок, он сейчас же стал мне делать любовную декларацию. Это еще не беда. Но он стал мне мять и портить мои накрахмаленные манжеты. Я узнала голос Рогана и, желая выручить мои манжеты, присо-

единилась к ним. Д'Альбон ушел взбешенный. Ништо ему! Я желала быть очень любезной. Я рассказала мое похождение с ним. Тут были г-жа Плэзанс, г-жа дю Файи, герцогиня д'Истри, виконтесса д'Орсай, княгиня Латремуйль, герцогиня Валенсей, г-жа Бейглин, графиня Потоцкая. Весь львиный зверинец был налицо. Все они подходили к нашей коляске, в надежде быть приглашенными к Тюфякину, те из них, которые этого счастья были лишены. Мой муж, т. е. Тюфякин, получил от барона Монморанси записку: «Честь имею довести до вашего сведения, что мой дядя, князь Людовик де Монморанси де Танкарвиль, не получил приглашения на ваш бал и что я нахожусь в той же категории». Узнав, что дело было из-за какой-то танцовщицы, я настояла на приглашении этой категории. Тюфякин мне подарил четверку лошадей, выписанных с его завода, находящегося где-то в Азии, в Симбирске. Им все восхищались, а в особенности Евгений Сю.

№ 32. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ

Вторник, 14 апреля 1835 года

– Да вы, кажется, беременны, матушка?

– Да, я уже второй месяц как брюхата и не знаю, как быть.

Г. К«ерминьян» не простит мне беременность: мы уже пять месяцев как не спим вместе.

– Хотите, я на себя возьму, только с условием, чтобы воспитание детей взяли на себя вы, а не я. Я детей терпеть не могу. Я напишу мужу и наперед говорю вам, что он на это будет согласен.

Мне разом стало жутко на сердце. Мне стало жаль матери и самой себя; мне припомнилось, как она билась, как рыба об лед, заботясь обо мне, как она всю жизнь приносила в жертву из-за моего тщеславия. Я вспомнила, как пять месяцев тому назад я попыталась расторгнуть связь моего опекуна с матушкой, и мне стало гадко самой себя. Она заснула, и кошачья улыбка мелькала на ее устах. Она протянула свои чудные ножки, и я стала их целовать и заливалась слезами, проклинала себя, и снова целовала эти дивные ножки, и гордилась ими. Морэн вошел в комнату. Я тихо встала. Мать зашевелилась и по-кошачьи улыбалась.

– Любите ее, она того стоит.

Я в первый раз сказала Морэну, что знаю о их связи. Я ушла, чтоб тебе написать под свежим впечатлением. Мы обе-

дали втроем, и я скоро занялась моим туалетом. Мать и Морэн присутствовали при моем наряживании.

У Тюфякина я нашла герцога Орлеанского, графа Поццо ди Борго и графиню Легон. Вслед за ними вошел и герцог Немурский. Тюфякин подошел к принцу и тихо сказал ему:

– Вы с герцогом не любите играть, всегда с ним ссоритесь, пойдите с Аделаидой, она вас развлечет; она мастерица этого дела, и, что лучше всего, никто об этом не станет болтать.

Таких людей с его деликатностью и со свечами не найдешь.

Письмо лежит у меня с 17 февраля, а нынче уже вторник, 14 апреля, все что-то хочется договорить. На днях бенефис Тальони. Леопольд Робер умер в Венеции; г. Патюрль заплатил двадцать тысяч франков за его рыбаков. Поццо ди Борго, кажется, отзывают. Тюфякину пишут о том из Петербурга.

№ 33. АДМИРАЛУ МАКО

Воскресенье, 19 апреля 1835 года

Чудная весна. Я вас жду к обеду. Мы будем одни.

№ 34. АДМИРАЛУ МАКО

Вторник, 22 апреля 1835 года

Что за чудные весенние дни. Я вас целый день не видала.

Мне нужно с вами переговорить.

№ 35. АДМИРАЛУ МАКО

Суббота, 25 апреля 1835 года

Не могу выразить, что я ощущаю. Я себя вижу на адмиральском корабле. Все люди на стенах. Я себя вижу плывущей в Мартинику.

№ 36. АДМИРАЛУ МАКО

Воскресенье, 26 апреля 1835 года

Весна – это просто блаженство. У меня в три часа будет Альфонс Рид, которого я отправляю в Мартинику. Вы бы хорошо сделали, если бы взяли его с собой. Он вам будет полезен.

№ 37. АДМИРАЛУ МАКО

Понедельник, 27 апреля 1835 года

Весна – это рай на земле. Каstellан устроил светский спектакль. Я всю ночь провела у него. Он затевал дамскую академию, я думаю, что пойдет. Он на днях уезжает. Еду к Тюфякину.

№ 38

Четверг, 30 апреля 1835 года

Граф Жюль де Кастеллан в своем отеле по улице Сент-Оноре давал «Роман на час» и «Недоверчивость и шаловливость». Герцог д'Абрантес, m-lle Мелани Вальдор, г. де Нотлен и Росмален. Я, гуляя в Булонском лесу, была поражена новым открытием: Порт Майо № 1, у самого выхода в лес – Вилла Нова. Я с герцогом провела два часа. Лошади стояли в конюшне. Все это очень хорошо придумано. Тут даже есть собеседницы для разговора. Чудный город Париж: чего ищешь, то и находишь. Это нечто вроде академии Кастеллана.

Келлерман, герцог де Вальми, умер. Я наигрывала на барабане с некоторой меланхолией погребальный марш герцогу. Вошел герцог Нюмурский и объяснил мне, что это сын герцога. Как я рада, мне все хотелось плакать, и я бросилась ему на шею.

№ 39

Среда, 10 июня 1835 года

Я езжу в Вилла Нова каждый день то с одним, то с другим, а иногда и одна – и всегда там обедаю. Я Крампона и моих людей отправила в Компьен. Завтра моей масленице конец.

№ 40. ГРАФУ САЛЬВАНДИ

Компьен. 13 июля 1835 года

Когда вас нет, я все читаю «Шестнадцать месяцев, или Революция» и перечитываю вашу книгу. Она – мое евангелие. Монархия, хартия, камеры, избирательные коллегии, администрации, народное просвещение, колониальное управление – все поколеблено в своих основаниях. Толпа призывается не к равенству, а к преобладанию. Хотят попрасть права собственности, высшей промышленности, высшей науки, службы, знаменитости, все права на высшее влияние только в минуты лихорадочного состояния для торжества террора, а в минуты отдохновения – диктатуры. Свобода может существовать на земле при условии преобладания класса богатого, просвещенного и утонченного. Вы правы, сто раз правы, говоря эти слова про Францию. Но обратите внимание на наши колонии. Мои размышления над вашей книгой привели меня к размышлениям над, нашим насущным хлебом. Колонии гибнут, и наш флот ожидает та же участь, если нам не придут на помощь. Мы денег не просим. Мы просим только уравниения в податях. Обложение туземного сахара прибавит до 60 000 000 дохода. Это дело не шуточное. Право, стоит заняться. Вы не заинтересованы в вопросе, ваш голос потому и даст решительный перевес.

№ 41. ГРАФУ САЛЬВАНДИ

15 июля 1835 года. Бурбонские минеральные воды

Решид Эффенди уехал из Парижа; он везет проект контракта. Посоветовавшись с Тюфякиным и графом Дюшателем, как я тебе, кажется, писала, я отправляю Альфонса Рида в Мартику. Он, кажется, очень дельный и честный человек. Он не ожидает добра от герцога де Броли: Броли – доктринер и предан английским интересам. Талейран по возвращении из Лондона у нас завтракал. Он принимал участие в нашем совещании и сделал несколько очень веских замечаний. Князь Талейран, недовольный своим лечением, едет в Виши и оттуда в Карлсбад. Он заедет в Женеву посетить герцогиню Дино.

Ужасное покушение на жизнь короля. Много людей, убитых на бульваре Темплъ. Мортье убит. Я и князь Талейран уезжаем в Париж. Граф Поццо ди Борго не унывает, он отправился путешествовать по Англии. Ему сопутствуют графиня Потоцкая, герцогиня Амброс и маркиза Феррари с их супругами. Каков султан? Мое вам почтение.

№ 42

Компьен. Четверг, 13 августа 1835 года

Нынче совершился приговор палаты пэров над лионскими бунтовщиками. Ссылка в отдаленные места для некоторых, тюремное заключение на двадцать лет для других, – это, конечно, хорошо, но далеко не достаточно. Зачем не отрубили головы первой категории? Это могло бы нас удовлетворить. Там, где между работником и хозяином начнется разлад, только одно может и быть примирение, это-гильотина. В этом смысле писал г. Керминьян. Письмо это я распространила между пэрами. Оно произвело впечатление. Казимир Перье был прав, говоря настойчиво и с замечательной дальновидностью: какие тут уступки, – надобно, чтобы вопрос был решен пулями. Другого разговора быть не может. Я после обеда ездила к князю Талейрану. Граф Порталис скоро приехал вслед, тут был и Монфо. Они трое совершенно одного мнения со мной. Возвысьте плату рабочим – и этим вы убьете роскошь в зародыше. Нам всем придется ходить в сабо. Он взял мою ножку с полу и, поцеловав, сказал с его убедительным красноречием: «Мы лишимся этих хорошеньких ножек, так элегантно обутых. К счастью, моя племянница Антуанетта сумела взять одного из наследников Тамерлана. И хорошо сделала: они там с своими рабами сумеют еще лет сто себе не в ущерб копать руду. А у нас того и гляди

что придется носить лапти, я вам в том даю честное слово». Полковник Лазарев говорил о Талейране, называя его «мой дядя Талейран».

– Вы хотите сказать, – отвечал ему князь, – ваш дядя Тамерлан.

№ 43

Компъен. Понеделник, 17 августа 1835 года

Я пригласила герцога Н«емурского» обедать в Вилла Нова.

№ 44

Среда, 19 августа 1835 года

Уже в прошлом году, в феврале месяце, разнесся слух, что князь Василий Долгорукий, обер-шталмейстер царя и директор театров, обвенчался в Казанском соборе с молодой французской актрисой Эжени Форже, которая три года тому назад играла в Лютихе. Эта свадьба очень не понравилась царю, который видит с негодованием, что огромное миллионное состояние перейдет в руки француженки. Князь ей даст в приданое три миллиона франков. Я об этом говорила с Тюфякиным. Он мне очень успокоительно сказал:

– Это вздор, и я ему не наследник, а скорее он или сын его, Сережа, мой настоящий преемник.

Теперь пишут, что действительно князь Сергей наследник и что на имение Тюфякина наложено запрещение по причине его мотовства. С чем же я буду? Хорошо, что у меня не одна струна на моей гитаре.

№ 45

Компъен. Понедельник, 24 августа 1835 года

Я семь дней провела с Даморо Чинти.

№ 46

Компьен. Понедельник, 26 октября 1835 года

У меня гостит Полина; что за дивная девушка! Она у меня пробудет по 1 ноября. Я стараюсь их сблизить с Деложем. Она со всяким согласна, только чтобы деньги были. Делож не прочь, а все за мной ухаживает. Полина сильно кокетничает с Демидовым, но из этого ничего не выйдет, т. е. брака. У меня собираются охотники, я каждый день езжу на охоту. Герцог так привык ко мне, что почти не выходит из дома, кроме моих служебных часов у Тюфякина. Он все живет в Компьене. Я в два часа уезжаю верхом на охоту, а Полина забирается ранее – она уезжает с шести часов утра. А нынче у меня бал – и какой! У меня был на днях муж мой. Я ему очень обрадовалась и три дня провела взаперти. Последствия были для него ужасны. Мы решили, наконец, разойтись и положить море между нами. Он уезжает на торговом судне из Марселя около 2 октября, но этого нельзя сказать вперед. Как это странно! Я все-таки добилась своего. Герцог Орлеанский уезжает в Алжир. Он снова у ног моих. Маршал Клозель отправился его встречать. Подождем немного.

№ 47

Компъен. Понедельник, 26 октября 1835 года

Я вернулась из Лондона, где имела важные поручения от самого короля. Мы вернулись с Немурским в ночь с 5-го на 6-е октября. Я провела целый месяц в Лондоне. Я не на шутку влюбилась в Демидова, но все держусь Орлеанского и отчасти герцога Немурского, и если на откровенность пошло, то и герцога Монпансье, и графа Морни, а Демидову держу торбу повыше – пусть аппетит возбуждается. Я их держу в ожидании. Чего? Спроси их сама – они, может быть, скажут. Я на седьмом месяце беременности. Когда нужно, я надеваю мою мантилью и ноги протягиваю от усталости. Меня так крокировал Морэн, и я отослала в редакцию «Дамского журнала» вместе с наброском, представляющим Демидова и Морни. Они оба очень схожи и явились под 31 октября. Я на прощанье даю нынче бал; королева бельгийская обещала быть.

Париж. Вторник, 3 ноября 1835 года

Я рассталась с Полиной; мы много плакали на прощанье. Компьен мне совершенно опротивел без Полины. Я танцевала вчера у Тюфякина до упаду. Морни был на охоте, а Демидов в первый раз явился и был очень мил и предупредителен. Мать моя приобрела от некоего Дезорма негритянку, которая после бани оказалась белокожей. Она очень бесилась, хотела отдать Дезорму, который дает свои представления в Порт-Сен-Мартен, но я ее отговорила. Впрочем, я не очень люблю подобные забавы. Мое дело совсем другое, я держу настоящую школу для юных певиц и танцовщиц; я их кормлю, одеваю, трачу много денег на воспитание и стараюсь их сбыть, чтобы возратить свои затраты. Я предупредила Жиске, он только усмехнулся. «Не мешайте г-же Гериио забавляться». Морэн их обоих крокировал, они помещены в «Дамском журнале» от 10 ноября. Мать моя все преследует меня, говоря беспрестанно о Демидове; я уверена, что и девочка взята с коварным намерением. Я ей сказала, чтобы отвязаться от нее, что если мне Демидов даст двести тысяч франков, так я еще, может быть, и подумаю. Я это записала, возвращаясь от Тюфякина, для памяти.

№ 49

Среда. 4 ноября 1835 года

Я получила формальное приглашение состоять при театральной школе султана Махмуда в качестве главной надзирательницы с платежом по девятистам тысяч пиастров в год и на готовом содержании. Мне поручено приискать двенадцать молодых девушек на готовое содержание и обратить особое внимание на их внешние качества. Единоновременно, по окончании шестилетнего контракта, они получают на руки по шестидесяти тысяч пиастров каждая, с доставкой в Марсель или Триест на счет султана. В случае смерти до шестилетнего срока (ассигнованные суммы) остаются в пользу учредительницы. Контракт заключается на три года; подписал контракт Пертеф-паша. Я получила от моего мужа самые одобрительные отзывы о затеваемом деле. Мои переговоры шли через посредство Решида-Эффенди. Я жалование уже получаю с 1 мая, т. е. с той минуты, когда я дала слово и приступила к личному составу школы. Герцог Орлеанский уезжает в Алжир. Я ему сопутствую на остров Корсику. Прошу это держать в тайне. Решид будет сам в половине декабря.

№ 50

Воскресенье, 8 ноября 1835 года

Я объявила Тюфякину, что я подписала договор мой с султаном; он все не верил, когда я его предупреждала. С ним договор мой кончается через неделю. Он меня умолял остаться с ним по-прежнему; я ему сказала, что матушка будет беречь его, что она отлично поведет школу и гораздо охотнее возьмется за это дело. Я обещала ему остаться на некоторое время, показав ему письмо из Смирны, куда мой муж, после жестокого кораблекрушения, больной, прибыл почти в одной рубашке. Он меня уговорил остаться с ним еще шесть месяцев и дал мне не в зачет жалования десять тысяч франков, которые я немедленно переслала мужу. «Упаси боже, чтобы я препятствовал вашему счастью», – и старик зарыдал. Я Решиду сказала, что раньше мая не уеду. Он совершенно одобрил мои соображения относительно необходимости приготовлений и сказал, что раньше июня и не ожидают в Константинополе.

26 ноября гр. Матушевич, участвуя в скачке с препятствиями в Круа де Берни, сломал себе шею, перепрыгивая довольно опасный забор; его вынесли замертво. Ему во всяком случае будет не хорошо: царь Николай не любит, чтобы русские заживались в Париже, а он то и дело, что в Париже. Он где-то секретарем, в Лондоне или в Неаполе, право, не знаю.

Он сльвет за умного человека. 27 ноября герцог готовится в экспедицию против Маскары.

№ 51

Париж. Вторник, 8 декабря 1835 года

У графини Легон сегодня бал. Я танцевала (так в книге – Д.Т.) до упаду, хотя гримировала себя беременной. Все шепотом говорили обо мне и матери моей, наряженной, как молодая девушка. Морэн нас зарисовал для «Дамского журнала»; картинка явится 15 декабря, где я вместе с матерью, а 20-го – с гр. Легон, где я опять являюсь молодой, невинной, шестнадцатилетней девушкой. Легон нагло афиширует Морни.

№ 52

Четверг, 10 декабря 1835 года

Должно быть, жутко приходится m-lle Марс. Она снова поступила во французский театр. Тюфякина я не взяла с собой. Давали «Дон Жуан австрийский». Я немного позже поехала к Тюфякину. У него уже была партия. Вход мой в ложу произвел большой эффект. Она не перенесла моего торжествующего и крайне равнодушного взгляда. Я ей аплодировала много и усердно; все смотрели на меня с большим участием. Графиня Легон, Морни и Демидов меня сопровождали. Я кокетничала с Демидовым, точно хотела душу отдать за него, я ее измучила порядком, и она просила отложить второе представление до другой недели. Я с Демидовым откровенно объяснилась. Вмешательство моей матери я не допускаю: это слишком безнравственно. Если он мне даст четыреста тысяч франков, то я с ним готова бежать хоть на край света – и порхнула в карету, сказав лакею: «К его светлости». Демидов за все ревнует: за его титул, за мои интимные с ним отношения, за то, что Тюфякин его (Демидова) к себе не пускает, кроме больших приемов.

№ 53

Париж. Четверг, 17 декабря 1835 года

Моя мать разрешилась от бремени. Она родила сына, его записали под именем г-на и г-жи Гелль. Все обошлось как нельзя лучше, только все очень удивлялись моей прыткости: я вчера была на вечере у королевы, а нынче в ночь, говорят, родила. Королева мне прислала сто тысяч франков и обещала быть крестною матерью. Я с ума схожу от Даморы Чинти. Пирожки у Феликса в пассаже «Панорама» просто объедение. Я часто заезжаю к нему, возвращаясь с прогулки. Я тебе только скажу, так ты меня поблагодаришь.

№ 54. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ

Понедельник, 21 декабря 1835 года

Я уже нынче опять танцую и кокетничаю напропалую с Демидовым. Принц Жуанвильский очень этим недоволен. Морни все на охоте. Демидов увивается около меня, но я все выше и выше поднимаю торбу.

Демидов уверяет, что он знал моего отца, очень благородного человека, проживавшего на Мартинике, и помнит, как меня ребенком мать вывезла с этого острова года через два после смерти отца. Это было в 1826 году; он тогда состоял на службе у отца Демидова, он хорошо его помнит. А всему этому причина Морни. Он играет моей любовью, как мячиком. Вчера я рыдала и заливалась слезами, когда вошел граф д'Альбон. Он меня рассмешил. В каком состоянии мои нервы, просто ужасно! Я ожидала Морни, велела ему сказать, что меня дома нет. Карета д'Альбона стояла у моего подъезда. Герцог Орлеанский вернется из Алжира к новому году.

№ 55. АДМИРАЛУ МАКО

4 февраля 1836 года

Талейран обедал у короля 3-го и говорил о наших делах. Вы уже знаете по телеграфу о перемене в министерстве. Я буду покойна, когда Лакав-Лаплан получит портфель. Одна моя забота, чтобы ты устроил надежно наши дела и вернулся к нам морским министром.

№ 56. (ПОЛИНЕ МЮЕЛЬ)

Понедельник, 29 февраля 1836 года

Я была как дома у графини Легон» и имела к ней вход во всякий час дня и ночи, когда графиня не была занята посторонними. Я зашла к ней вчера утром в одиннадцать часов. Она еще спала, но проснулась, как я вошла, и мы дружески поцеловались. Ее корреспонденция лежала еще нераспечатанной на ночном столике. Она распечатала несколько писем и начала читать вслух. Морни ей рассказывал мою связь с герцогом Орлеанским, герцогом Немурским, принцем Жуанвильским, князем Тюфякиным, Анатолом Демидовым и д'Альбоном, который у меня был первый раз в жизни. Тут я закричала: он лжец! Морэн эту сцену нарисовал в литографировал с подписью: «он лжец», – слова, сорвавшиеся у меня с языка. Он сознавался, что был со мной в связи, и обвинял меня, что я бросилась к нему на шею в истерическом припадке. Он ее умолял склонить меня к отъезду, написать к матери, пригласить г. Керминьяна. Я невольно усмехнулась – он совершенно был без ума от ревности. Графиня Легон» меня прогнала из комнаты, увидя и поняв мою улыбку, зардевшись от гнева и с белой точкой на конце носа, признаком ее бешенства. Я тотчас поехала к Жиске и предупредила его. Он мне обещал дать знать, если что-нибудь будет нового. «А об этом деле беспокоиться нечего. Что у вас, танцуют

сегодня? Я к вам приеду».

Я тут только вспомнила, что мне пора торопиться домой. С какой стати было писать это письмо? Решительно не понимаю. Я negliжировала им в последнее время. Я все готовила к разрыву. Он все на охоту ездил. Я ему не раз предлагала разойтись. Связь с графиней Л«егон» У него затевалась давно. Я примечала, что что-то неладно, но подозревала совсем другое. Л«егон» с ним заодно, это очевидно. И она и он меня хотели с рук долой. Они оба знали, что я вела переговоры с Решид-Эффенди. Неужели из одной ревности ко мне они сошлись вместе и решилаь на такую пакость?

№ 57. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ В ЭПИНАЛЬ

Четверг, 3 марта 1836 года

Графиня Легон», как подлая шпионка, передала мои письма Жиске. Он мне их тотчас привез, и я с полной благодарностью приняла его драгоценный подарок. Вечером перед партией у Тюфякина мы имели с ней горячее объяснение. Я почти у нее глаза выцарапала. Она мне с большим хладнокровием доказывала, что две женщины, как мы, не должны, не можем ссориться. Она вышла со мной вместе в другую комнату и вручила мне пакет с пятьюдесятью тысячами франков. «За ваши сочинительские труды», – сказала она мне, и мы нежно обнялись. Мои труды были несомненны, и она мне за них заплатила едва ли дорого. Я рекламировала о ней во всех журналах, да три года усердной переписки, если все это вместе взять, так, право, не дорого.

– Я очень рад, – сказал Тюфякин, – что вы помирились, я страшился за Адель. Она готова была вас вызвать. Адель меня бросает, – и навзрыд заплакал.

№ 58

Суббота, 5 марта 1836 года

Я без ума от Даморо Чинти. Она меня прельстила, обворожила. М-те Л«егон» говорит, что она мне в матери годится. Если бы моя мать была, как она, или она была бы моей матерью, я была бы очень счастлива.

– Полноте, вы не понимаете, что вы говорите.

– Это я говорю между нами. – Я хотела уколоть графиню и возбудить ее ревность, афишируя Чинти. Успокойся, моя прекрасная: Чинти мне уже начинала надоедать. Последние дни мои я проводила в моем ателье. Я сдала мою квартиру и все вещи перевезла в Компьен, лошадей моих я отправила туда же. Я живу гризеткой, обедаю в ресторанах. Это очень забавно. Часто бывают самые неожиданные встречи.

№ 59. АДМИРАЛУ МАКО В БРЕСТ

14 марта 1836 года

В большой опере давали в первый раз «Гугенотов». На балу у Ротшильда – герцоги Орлеанский и Немурский. Первый мне обещал свой нейтралитет. И это много. Чего оно мне стоило! Второй обещал свою поддержку – и это мне стоило не дешевле. Я рада за тебя в огонь и в воду. Хочешь, я поеду в Мартинику?

№ 60. Ф. В. БУЛГАРИНУ

Париж, 4 апреля 1836 года

Нынешнее заседание Палаты депутатов было очень шумно. По представлении нескольких отчетов о проектах законов, касающихся до местных выгод, и двух проектов законов подобного же содержания, представленных министрами внутренних дел и коммерции, взошел на кафедру министр финансов для прочтения Палате официального сообщения. Он объявил, что министерство предлагает обложить податью свекловичный сахар и что сия мера признана правительством необходимой уже с давнего времени. Он сказал, что правительство, отлагая предложение сего закона, нарушит свою священную обязанность, потому что государственные доходы с сахарного производства, простиравшиеся в прежние годы до 60 миллионов, в прошлом году составляли только 31 миллион. Вслед за тем министр представил Палате, что новый проект имеет целью отвратить совершенное падение колоний, и прочитал проект закона, состоящий из четырнадцати статей. По возвращении графа д'Аргу на свое место произошло во всем собрании неописанное волнение. Многие депутаты северного департамента приблизились к скамье министров, и по их телодвижениям можно было заключить, сколь они раздражены предложением правительства. С другой стороны, депутаты, не обладающие поместьями, с трудом

могли скрыть радость, причиняемую им гневом товарищей. Президент г. Дюпен тщетно звонил для восстановления порядка, никто его не слушал, никто не хотел возвратиться на свое место, и шум не прекращался. Маркиз де Граммон, обладающий значительными землями в провинциях, где возделывают свекловицу, схватил министра финансов за полу кафтана!; герцог Фиц-Джемс кинулся, чтобы разнять их, и вся эта сцена кончилась общим смехом. Президент еще раз пригласил депутатов занять свои места и сказал, что в противном случае прекратит заседание, но все было тщетно. Никто не запомнит подобного смятения в Палате депутатов; казалось, будто бы дело шло о политическом бедствии, угрожающем всему государству, между тем как новый закон вредит материальным выгодам некоторой части самих членов. Спокойствие было восстановлено через четверть часа, и можно было продолжать заседание. Вслед за тем г. Дюко начал чтение донесения о проекте таможенного закона. После нескольких общих рассуждений он перешел к происхождению таможенной или запретительной системы; в собрании начали показываться некоторые знаки нетерпения. Оно в скором времени дошло до того, что г-ну Дюко дали совет прекратить чтение и положить свое донесение на стол президента. Суждения о сем законе начнутся 11 апреля.

№ 61. Ф. В. БУЛГАРИНУ

Париж, 8 апреля 1836 года

Рассуждения о проекте закона касательно налога на свекловичный сахар служат темою для парижских журналов. В «Курьер франсэ» сказано о сем предмете: «Чем внимательней смотрим на предложенный закон, тем более удостоверямся, что нынешнее положение вещей в равной степени опасно и колониям, и свекловице, и казначейству. Тщетно стараются выбраться из лабиринта, в который завлечены все интересы чрезмерною запретительною системою: со всех сторон представляются затруднения, и правительству остается только выбор между ошибками. К несчастью, министр финансов избрал худшую из сих ошибок, меру, нарушающую права собственности и обычаи граждан, а именно, надзор и досмотр домашний. Исчислим нашим читателям вкратце те данные, которые так долго были оспариваемы и которые наконец признаны справедливыми. Во Франции потребляют ныне около 100 млн. килограммов сахара, в числе их 40 млн. свекловичного. Колониальный сахар приходится, без пошлины, в 90 фр. за 100 килограмм; столько же стоит и свекловичный в магазине. Но колониальный сахар подвержен, кроме того, пошлине в 49 фр. 50 сант. за 100 килогр., от коей доныне был освобожден свекловичный, следственно, сей последний пользовался выгодою 50 процентов. Так

как, однако же, цена свекловичного сахара (без платы по пошлин) определяется по колониальному (с пошлиною), то потребители, очевидно, до сих пор не получают никакой пользы от выгод, предоставленных свекловичному сахару, и ими пользуются одни сахарные фабриканты. Итак, потребители не только не должны ничего страшиться от наложения пошлины на свекловичный сахар, но, напротив того, если бы не было наложено пошлины, они должны были бы нести долю пошлины, которую были бы принуждены увеличить для покрытия таможенных недоимок. Вот мнение министра финансов. Докажем теперь, что если бы прилагаемый проект закона и был приведен в действие в полной силе, то трудно было бы помочь сему злу. Пошлина в 16,5 фр., а со всеми издержками – в 20 фр. не разорит производителей; вместо выгоды 50 фр. они будут получать 30 фр. Выгода все еще довольно велика для побуждения их к продолжению занятия этою ветвью промышленности. Можно с уверенностью предсказать, что свекловичный сахар войдет во всеобщее употребление и что вместо 40 млн. его будет расходиться 60 и 80 млн. килогр. В этом случае цены сахару остались бы те же, но государственное казначейство теряло бы не 16 фр. 50 сант., а 49 фр. 50 сант. Вместо 50 млн. франков, которые бы оно взимало с сахару, если бы все 100 млн. килогр. были привозимы из колоний, оно будет получать только 16 500 000 фр. Полагает ли г. д'Аргу покрыть сим способом недоимку в государственных доходах с сахару? Предполагаемый

новый налог повредит одним мелким фабрикантам, но большим, по этой самой причине, он принесет двойную пользу; их корыстолюбие высказывается уже тем, что они, в противность всем другим, не опровергают новой меры. К чему служат в таких обстоятельствах жалобы правительства на бедственное положение колоний? Не лучше ли было бы уменьшить пошлину, простирающуюся ныне до 49 фр. 50 сант., вместо наложения пошлыны на свекловичный сахар? В этом случае, по крайней мере, имели бы какую-нибудь пользу потребители. Потребление увеличилось бы, а с ним и доходы казны, без необходимости прибегать к домашним обыскам, возбуждающим всеобщее негодование. К сожалению, г. министр финансов принадлежит к числу людей, которые не верят, что уменьшением налогов умножается потребление. Г. д'Аргу принадлежит к фискальной школе и должен будет испытать многое, чтоб узнать, что в таможенных делах дважды два не всегда четыре. Он, например, исчисляет в подробности миллионы, уплаченные колониям, и присовокупляет к тому проценты с кораблей, употребленных на сию меновую торговлю. Наши колонии умирают медленною смертью, и наш флот вместе с ними. Вопиющая премия, дарованная свекловичному сахару, в ущерб сахарному тростнику и данным обещаниям, эта премия в 720 франков с гектара не достигла своих целей, не упрочила торжества свекловицы и только приостановила его падение; туземный плод равно погибнет, как и тропический тростник, и при этом казна теря-

ет сто миллионов франков. Одна надежда остается. Говорят, что граф Дюшатель представил записку об уничтожении пошлины на колониальный сахар, которое положит сразу конец корыстолюбивым замыслам финансовой аристократии. Перье, Делессер, Граммон, Жиске еще не чуют этого и моют себе руки пока в свекловичном соке. Король за нас. Он видит, что участь нашего флота зависит от правильной постановки этого вопроса и не пройдет трех месяцев, что д'Аргу предоставит место Дюшателю. Помяните меня.

№ 62

Париж. 30 апреля 1836 года

Графиня Суза сегодня скончалась на 76-м году от рождения. Я три дня неотступно провела у ее кровати, стараясь немного ее успокоить. Она в самом деле умерла с горя, которое ей причинил Морни своим со мной поведением. Она умерла, благословляя меня и проклиная графиню Легон». За два часа до смерти она потеряла всякое сознание: с ней сделался нервический удар. Перед смертью она мне вручила сорок тысяч франков, которые держала под подушкой. Ее сын, граф Флаго, показал себя истинным рыцарем, до мозга костей. Морни попробовал предъявлять свои претензии. Адрес на конверте надписан был рукой самой графини, затем перечеркнут и той же рукой надписано: «Моему другу Адель де Гелль». Граф Флаго принял от меня пакет и сделал соответствующую надпись, как сын покойницы.

№ 63. ДЕВИЦЕ МЮЕЛЬ

Берлин. Суббота, 7 мая 1836 года

Я имела ужасную сцену с Демидовым и решилась от него бежать. Я проплакала всю дорогу до Берлина. Я едва могла проститься с королевой. Она мне дала письмо к принцессе Лигниц. Герцоги Орлеанский и Немурский будут в Берлине 11 мая и останутся до 28-го. Я их предупредила и поехала в моем дормезе с большим фургоном в Северные Афины, снабдив себя письмами от Решид-Эффенди к князю Витгенштейну и графу Рейтерну, суперинтенданту театров. Я представлялась королю и принцессе Лигниц. 29-го принцы будут уже в Вене. Но я туда же тороплюсь к 17-му хлопотать о наборе остальных моих танцовщиц или, пожалуй, одалисок для султана. Со мной из Парижа их едет четыре, для которых я беру экстрапочту. Я описала мое берлинское пребывание и намекнула, не стесняясь нимало, на мои отношения к герцогу. Вышло даже забавно; герцог Немурский ужасно ревновал. Я была на параде в Потсдаме, меня сопровождал верхом граф Рейтерн, суперинтендант театров, граф Клейст, обер-егермейстер, и граф Бисмарк, посланник Вюртембергского двора. Принц Карл мне подарил великолепного жеребца Тракенера (так называют королевский конный завод, где воспитывают этих чудных вороных лошадей). Он подъехал с принцем Альбертом после парада. Герцоги также

присоединились к моей свите. Я всем дала великолепный и блистательный завтрак. Ели мы довольно плохо; пресловутый «Римский двор» ничем не отличается от прочих отелей в Берлине. Зато почести было больше.

Нежно любящая тебя Адель.

№ 64. КНЯЗЮ ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ ТЮФЯКИНУ

(Все письма мои к нему возвращены мне после его смерти)

Вена. Четверг, 19 мая 1836 года

Я тебе отсылаю Луизу Мейер, зная, что она тебе нужна. Она мне приготовила двадцать девушек, принадлежащих к венским кордебалетам. Я выбрала из них восемь и одну девятую собственно для себя. Ты улыбаешься, мой старый сатир? Но, право, напрасно. В Вене меня встретил евнух, говорящий немного по-французски. Вообрази себе, он русский из секты скопцов, их в серале очень много. Он сознается, что действительно был русским, но что он теперь турка и мусульманин. Это очень опасно, что они в самом серале. Надо принять меры. Я с Пертефом об этом переговорю. Надо их непременно выжить. Знал ли ты об этом? Он заплатил мне все мои издержки в дороге, даже с излишком, по приказанию султана. Дормез и фургон я отправила в Одессу в контору Масса, кажется, генеральному консулу австрийскому. Я с ним здесь познакомилась. Он, кажется, очень сведущий человек. Евнух все в счет поставил, мои расходы в дороге, даже на содержание четырех девушек, отсчитал мне за месяц три тысячи франков. Всего на мои расходы двадцать три

тысячи франков, которые он считал на флорины. Эту разницу я ему отдала, потому что ты знаешь мои правила: каждому свое должное я охотно плачу, не торгуясь, как жида. Мой евнух мне нанял пароход до Железных ворот и перебирается с тринадцатью моими кордебалетными одалисками на пароход. Оно лучше, хотя все власти здесь очень предупредительны. Как бы ты поразился этим маленьким гуриям! Старше пятнадцати лет нет ни одной. Вот бы моему ко-ту славная была бы масленица! Но тебе нужен отдых, и особенно в денежном отношении. Я у тебя брать не хочу ни копейки. Я приеду к тебе в Компьен. Прикупи кстати две маленькие лачужки, которые отделяют зады наших поместий. Нежно тебя обнимаю.

Вся твоя Адель.

№ 65. РОТШИЛЬДУ

25 мая 1836 года

Отъезд принцев Орлеанского и Немурского из Германии назначен нынешнего числа. Они прибыли 5-го мая в Трир, 9-го числа в Галберштадт, 11-го вечером в Берлин. В свите герцога Орлеанского находятся: г. Бодран, пэр Франции и первый адъютант герцога; адъютант, генерал-майор барон Марбо, герцог Валенсей ротмистр главного штаба, граф Монгюон, ротмистр герцог Эльхинген (Ней) и г. Асселин, чиновник по гражданской части. В свите герцога Немурского находится пэр Франции и первый адъютант принца, генерал-лейтенант граф Кольбер. На каждой станции для них требуется 25 лошадей. Герцоги Орлеанский и Немурский прибыли в Берлин 11 мая в четыре часа пополудни. Немедленно по прибытии в королевский дворец принимали они посещения принцев королевского дома и вслед за тем явились к королю. Потом их высочества отправились к королеве нидерландской и принцессам королевского дома. Вечером надеялись их видеть в театре, где давали в первый раз новую оперу Спонтини «Алсидор», но они не могли быть в театре, потому что еще не кончили всех визитов. Вечером был ужин у наследного принца. Вчера был дан большой обед во дворце, в кавалерийском зале. На днях прибыли в Берлин войска, занимающие гарнизоны в Потсдаме и Шпандау, для участия в весенних

маневрах. Ее величество королева нидерландская, равно как и герцоги Орлеанский и Немурский, в сопровождении всего прусского двора, были 12 мая в театре. При входе ее величества и принцев в театре раздались радостные восклицания публики. После спектакля августейшие посетители изволили ужинать у принца Карла Прусского. Того же числа поутру герцоги Орлеанский и Немурский присутствовали при богослужении в католической церкви. 13 мая герцоги были приглашены на обед к принцу Вильгельму Прусскому. Вечером были они в театре, по окончании коего ужинали у принца Альбрехта Прусского. 14 мая был дан в Шарлоттенбургском дворце танцевальный завтрак, после которого герцоги посетили на короткое время театр, где собралась многочисленная публика, любопытствовавшая их видеть. 15 мая был назначен большой обед у наследного принца. Герцоги Орлеанский и Немурский осматривали 15-го числа королевский берлинский музей; обойдя различные отделения его, они отправились в мастерские профессоров Рауха, Тика и Ваха и удостоили этих художников величайшей хвалы за находившиеся в мастерских произведения. После того обедали они у наследного принца, а вечером были в театре. Того же числа прибыли в Берлин войска, занимающие гарнизоны в Потсдаме и Шпандау. Его величество король давал по этому случаю 16-го числа обед генералам и штаб-офицерам гвардии. Вечером был дан бал во дворце принца Вильгельма, брата короля. 7 мая начались военные маневры сего года парадом, на

обычном месте военных учений. 20 мая кончились весенние маневры гвардейского корпуса, после которых войска потсдамского и шпандауского гарнизонов возвратились в свои квартиры. Герцоги Орлеанский и Немурский присутствовали при этих маневрах и, по возвращении во дворец, рассматривали изделия фабрики королевского ювелира г. Госсауера; изделия эти были расставлены, по их желанию, в аванзале. Их высочества показали при этом случае участие, принимаемое ими в успехах прусской промышленности. 23-го числа отправились они в Потсдам на военный праздник и возвратились оттуда того же числа вечером. Сегодня, 25 мая, герцоги, пробыв в Берлине две недели, выезжают из этой столицы и отправляются через Силезию в Вену.

№ 66. РОТШИЛЬДУ

30 мая 1836 года

Их королевские высочества принцы Орлеанский и Немурский прибыли сегодня около 11 часов утра в Вену и остановились во дворце, в приготовленных там для них покоях. К ним посланы были навстречу в Стаммерсдорф полковник граф Лихновский, подполковник граф Нобили и ротмистр граф Э. Зичи. Во дворце их высочества были приняты обер-гофмейстером князем Коллоредо и им же приглашены отправиться к их величествам в Шенбрун. Император австрийский принял принцев в своем кабинете, в присутствии их высочеств эрцгерцогов Франца-Карла, Карла и Людовика. Вслед за тем принцы отправились к ее величеству и к эрцгерцогине Софии и возвратились в назначенные им покои. Обер-гофмейстер князь Коллоредо представил им трех других главных придворных сановников. Затем отправились принцы к его величеству к обеду, на котором находилась вся королевская фамилия, герцогиня Лукская и высшие придворные чины. По окончании стола принцы возвратились в город. В венских газетах напечатан церемониал всех придворных увеселений во время пребывания в столице принцев французских, с 29 мая по 6 июня. Герцоги Орлеанский и Немурский отправились 11-го числа из Вены в Турин. Перед отъездом герцог Орлеанский имел продолжительное со-

вещание с государственным канцлером, князем Меттернихом. В «Австрийском наблюдателе» напечатано, что французские герцоги отправились в Милан через Клагенфурт, Виллах, Линц, Боцен и Верону.

№ 67. КНЯЗЮ ТЮФЯКИНУ В ПАРИЖ

Вторник, 1 июня 1836 года

Пароход отходит не в самой Вене – его надобно найти на самом краю Пратера. Впрочем, отдаленность этой пристани вознаграждается прогулкой в чудных аллеях, зеленых лугах и тенистых кустарниках этого острова, который я в первый раз в жизни вижу. Я собралась около часу пополудни. Меня провожали из гостиницы эрцгерцога Карла граф Седлницкий и граф Амаде, директор придворных развлечений. Не правда ли, курьезное название одного из высших чинов императорского, королевского и апостолического двора? Это мне напоминает надпись большими литерами, которую я сама видела: K. K. Hof. Retirade. Меня водили туда (это где-то позади театра Бург) посмотреть эту истинно диковинную вещь. Бельгийский поверенный в делах О'Сюлливан, граф Ларошфуко, Лютероде, атташе французского посольства, граф Коста де Борегард и остроумный князь Горчаков. Они все меня провожали на другой день до парохода. Встреча была великолепная, все люди на ряях, пальба из пушек, повторяемая пароходами, стоявшими у пристани. Князь Горчаков мне заметил, несмотря на то, что ужасно строил мне куры, что это не в порядке, и хотел удалиться с

парохода, но ему лодки не дали, а просили обождать. Я этому очень рада, и ты, верно, не одобришь его, хотя он твой соотечественник. Наконец, они уехали в три часа. Пароход тронулся. Я тебе пишу из Пресбурга, но я нигде не останавливаюсь, кроме как для угля, спеша в Константинополь. Когда я вошла во второй класс, который был заперт, мамзели все в один голос закричали: мы хотим выйти на берег. Я невольно засмеялась. У них стоят по очереди у дверей два евнуха, не говорящие ни слова, кажется, немые. Два каваса ожидают моих приказаний: они все мне подчинены. Капитан-итальянец с подбострастием смотрит мне в глаза; если бы я ему только мигнула глазом, то он велел бы отсчитать по сотне кошек каждой из моих гурий. Но это дело возложено было на моих евнухов: таков закон Магомета и его толкователей.

А без тебя мне все очень, очень скучно, я бы рада была вернуться в Париж. Я моего Тракенера отправила на твое имя. Береги его для меня. Я бы осталась в Вене, но уже слишком запоздала. Меня султан ждет. Я от Пертефа-Эффенди два отчаянные письма получила. Мне ехать смерть не хочется.

№ 68. КНЯЗЮ ТЮФЯКИНУ И ЕВГЕНИЮ ГИНО

16 июля 1836 года

В одном из последних номеров «Курьер де Пари» помещено было в отделе заграничных новостей заимствованное из «Аугсбургской газеты» описание большого праздника в Константинополе дипломатическому корпусу по случаю бракосочетания принцессы Мигирмак с Саид-пашой. Известия, прямо полученные из Константинополя, позволяют нам исправить неточность в описании обеда. В статье «Аугсбургской газеты» говорится о присутствии султана на этом обеде; но нас уведомляют, что его величество лично на обеде не участвовал, а только посетил на короткое время залу, где этот обед был дан по его повелению. Праздники идут за праздниками. Великий визирь устроил в мою честь парад, представление клоунов и вольтижеров из цирка Сулье и парадный обед.

«Одна из самых элегантных дам парижского высшего круга обратила на себя всеобщее внимание дипломатического корпуса. Г-ж. а Гомер де Гелль, принимавшая участие на этом обеде, играла первенствующую роль в качестве главной распорядительницы театральной школы, устроенной его величеством».

Г-жа Гомер де Гелль, только с неделю приехавшая в столицу, тому три дня представленная е-го величеству Пертеф-Эффендием, принимала участие в этом празднике, без сопровождения своих воспитанниц. После короткого приветствия она отделилась от свиты его величества и присоединилась к дипломатическому Корпусу. Из дам принимали участие в этом празднике графиня Руссен и жена интернунция, графиня Штюрмер, урожденная, сколько помнится, Гюссар. Она француженка, когда-то была гувернанткой, она очень любезная, когда захочет; она довольно видная женщина, немного полна и пьет уксус, чтобы похудеть; леди, Понсонби и графиня Кенигсмарк, о которых я вам забыла упомянуть; были еще г-жа Бутенева и графиня Хребтович, урожденная Нессельроде.

Для избежания пропусков я вам прилагаю статью константинопольской газеты. Мне не удалось поставить балет из «Роберта-Диавола». Впрочем, я этому была рада: это меня ставило в неловкое положение. Графиня Штюрмер и графиня Кенигсмарк отпускали довольно колкие, но вовсе не остроумные шутки насчет моих воспитанниц, о которых разнеслась уже молва. Но меня поддержали три великие державы. Они рады были иметь доступ в интимнейший сераль без содействия их неумелых драгоманов. Штюрмер мне оказал во всем этом деле несомненную услугу. Мои воспитанницы были почти все его подданные. Об этом довольно. Все уладилось как нельзя лучше, и сплетням был положен конец.

Султан был на репетиции. Он был очень мил, пробыл два часа, но представление отменил. Оно как-то не идет на дипломатическом празднестве; балет этот должен иметь совершенно интимный характер. Я, конечно, ничего не возражала против этого. Я сейчас же заметила, что Пертеф-Эффенди поколебался в милости. Он очень настаивал, и весьма напрасно; он совсем не понял желания его величества. Были приглашены посланники австрийский, российский, английский, французский и прусский, супруги французского и английского посланников и супруга австрийского посланника Штюрмера. По прибытии всех иностранных министров общество было введено в богато убранные комнаты самого султана и угощаемо плодами и прохладительными напитками. Вскоре за тем последовало приглашение отправиться в аудиенц-залу, где султан, в присутствии собравшихся там высших сановников империи, приветствовал представителей пяти держав и пригласил их отправиться на маневр; по окончании маневра дипломатический корпус возвратился во дворец, пред коим были показываемы опыты эквилибристического искусства для занятия его величества и общества до обеденного времени; за обедом, начавшимся в 4 часа, все находившиеся здесь посланники и турецкие министры, в том числе и верховный визирь, сидели за одним столом, накрытым в одном из павильонов и убранном самым великолепным образом в европейском вкусе. Леди Понсонби дала руку нашему адмиралу, жена адмирала шла с лордом Понсонби, г-

жа Бутенева с графом Штюмером, жена прусского посланника с г-ном Бутеневым, графиня Штюмер с графом Кенигсмарком. Тут вышел очень забавный кипроко. Барон Бер, бельгийский поверенный в делах, который мне должен был дать руку, вдруг заартачился и сказал: «Мне еще неизвестно, чтобы г-жа де Гелль была бы женой советника посольства». Тут Пертеф-Эффенди вывел меня из весьма неловкого положения и дал мне руку. Фуад-Эффенди, переговорив с Ахмед-Хулусси-пашой, переменял его карточку на мою, которую он взял из соседней комнаты. Он это все сделал так живо, что я, зорко следя за его движениями, едва поняла, что делается; как впоследствии оказалось, это было сделано по распоряжению самого султана.

Барон Бер был посланником в Вашингтоне, и ему временно поручено было вести переговоры о торговом трактате. Он удалился из залы сконфуженный и увел невзрачную графиню в близлежащий киоск, где почти с той же роскошью был накрыт стол в пятьдесят кувертов. Тут были, кроме русской коротышки, еще три неизвестных мне дамы. Графиню при русском дворе прозвали вонючкой из Мортичи, ей пришлось идти с бароном Бером, у которого изо рта воняет и несет отхожим местом от ног. Вот парочка! Султан сделал знак Пертефу с решетчатых хор и велел мне надеть нишан трехбунчужного паши, который он тут же снял с Ахмед-Хулусси-паши. Султан был крайне недоволен выходкой барона Бера и велел написать, чтобы его отозвали, и приказал, чтобы за

обедом за мной стояли Фуад-Эффенди и Али-бей. Они оба служат драгоманами. Эти молодые люди далеко пойдут, они много обещают. Я не помню, рассказывала ли вам состав общества за визирским столом?

После великих держав с их женами великий визирь Мугаммед-Емик-Реуф-паша сидел направо от леди Понсонби, напротив него сидел Сераскир-Хозрев-паша, зять султанов, Халиль-Руфат-паша, сидел направо от г-жи Бутеновой; другой зять султана, виновник торжества, Саид-паша, сидел рядом с графиней Штюрмер; Мушир-Ахмед-Февзи-паша сидел направо от графини Кенигсмарк; напротив Кенигсмаркши сидела ваша нижайшая служанка. В киоске визиря нас было восемнадцать человек.

Невольный трепет завладел мною. Я старалась смеяться и быть разговорчивой с моими турецкими собеседниками, но глаза султана, не сходявшие с меня, производили на них и на меня самое разнородное смущение. Я чувствовала мою силу, и это меня приводило в какое-то изнеможение. Я отдохнула, но только на одну минуту. Во время обеда султан вошел в залу и тихими шагами обошел вокруг стола, приветствуя с особенною благосклонностью иностранных министров и шесть дам. Адмирал Руссен, в качестве декана дипломатического корпуса, хотел провозгласить тост в честь султана и невесты; это было отклонено. Я втихомолку провозгласила здоровье его величества. Тост этот был принят с радостной и многозначущей улыбкой. Тут он подошел ко мне и долго разгова-

ривал со мной. Я преклонилась перед ним и поцеловала полу его кафтана с турецким шиком. Вечером сожжен был великолепный фейерверк, по окончании которого все общество отправилось в Перу, Терапию и Буюкдере. Султан, для воспрепятствования несчастью при переезде, приказал, чтобы перед судами посланников ехали небольшие лодки с факелами. Я, впрочем, разъезда не видела, только мелькали огни на Босфоре, и они много содействовали моему поэтическому настроению. После обеда султан удалился в двадцатичетырехвесельном каике, я поехала вслед за ним. Он остановился на дороге. Я проехала мимо в моем четырехвесельном каике по направлению к Скутари в Чемлуджу, киоск Есма-султанши, предоставленный в мое распоряжение по повелению султана.

Позади, на уступе горы Бургурлу, возвышались палаты, приспособленные для моих одалисок. Окошками они выходили в сад и были связаны двумя крытыми галереями, с одной стороны, с дворцом султана, а с другой – с моим апартаментом. Ничего выдумать нельзя удобнее и комфортабельнее. Я очень рада была видеть, как сильно мое влияние на султана. На третий день султан возвел Пертефа в трехбунчужные паши и наш Решид назначен министром иностранных дел, но это еще пока не объявлено.

Я изредка поутру посещаю графиню Руссен и леди Понсонби и захожу мимоходом в лавку букиниста в сопровождении моего черного евнуха и каваса. Других знакомств я

не поддерживаю, да и некогда. Я вовсе не располагаю моим временем, а ужас как скучно. Мне пришлось только раз быть у Штюмеров, да и то по делу. Я вынуждена была отослать в Пресбург в смиренный дом одну воспитанницу невозможного поведения. Она не имела понятия о дисциплине. Это посоветовал мне Руссен: «Это совершенно в порядке вещей, и с моими подданными прошу вас отнюдь не церемониться». Я этого не знала.

№ 69. АДМИРАЛУ МАКО

Смирна. 12 октября 1836 года

Я отправилась на султанской яхте в Смирну и переговорила с П<ринцем> Ж<уанвильским>. Он совершенно твоего мнения и взялся переговорить с отцом. Завтра наш генеральный консул дает бал. Я ангажировала двух сестер, которые имеют многообещающий сопрано. Смотри, не ревнуй меня. Я с бала еду в Константинополь на всех парах. Сейчас еду на бал и с бала тотчас на пароход. Мои сопрано уже на пароходе.

№ 70

Ноябрь 1836 года

В ту пору, когда Наполеон прощальным взором приветствовал берега своей Франции, когда «Беллерофон» нес его к скале св. Елены, когда судьба покинула своего сына, – в ту пору члены его фамилии, поставленные им на высшие ступени общества, были разметаны по всей Европе. Еще жила мать его, Летиция; жили братья: Иосиф, Луциан, Людовик, Иероним; сестры: Каролина, Полина, Элиза; жили дети Жозефины: Евгений Богарне и Гортензия; жила племянница Стефания, супруга великого герцога Баденского; здравствовали зять, Иоахим Мюрат, и дядя, смысленный кардинал Феш. Возвеличенные Наполеоном во дни его славы, они почти все забыты досужею молвою, как скоро счастье в последний раз улыбнулось своему баловню. Спустя несколько месяцев по удалении Наполеона Мюрат пал жертвою безрассудного предприятия на берегу земли, которую он незадолго пред тем называл своею. Почти через десять лет не стало Евгения Богарне, благороднейшего из членов наполеоновской фамилии. Его спокойный характер, его прямота и искренняя преданность своему благодетелю приобрели ему полную любовь, все роды милостей Наполеона. Поруками его мужества – походы, в которых он участвовал, свидетелями его человеколюбия – земли, куда жребий войны приводил его. В

самой Италии, разоренной, угнетенной, возмущаемой разными партиями, в Италии, где ненависть к французам была безгранична, он умел облегчить бремя, которым Наполеон давил покоренные страны, умел поддержать порядок, оставил по себе благодарные воспоминания. Евгений Богарне был единственный человек, которому Наполеон прощал общую привязанность; другим это не проходило даром. Женатый на баварской принцессе, он жил, по возвращении Бурбонов, в Мюнхене, всеми уважаемый. Сын его Август, первый супруг нынешней португальской королевы, умер; одна из дочерей была в замужестве за бразильским императором, другая – наследница шведской короны.

Недавно скончалась близ Рима Летиция, мать Наполеона. Новая Гекуба, она пережила сперва своего великого сына, потом внука, бывшего предметом ее радостей. Болезнь изнуряла ее несколько лет. Путешественники рассказывают, что в последнее время она была вовсе без движения, не покидала софы, почти ничего не видела, но сохраняла прежнюю живость и разговорчивость, любила новости и охотно принимала иностранцев. Феш, безотлучный ее посетитель, толковал с нею о политике, доказывал промахи маленького капрала, уверял, что папа был у него в руках, что он заключил конкордат и сделал бы еще многое, если бы Наполеон не упрямоствовал. Столетняя матрона вздыхала при этом, – неизвестно, умиленная ли умными речами кардинала или томимая болью, – и ни разу не спохватилась спросить Феша: прикры-

вала ли бы тиара его дельную голову, если бы не существовал упрямец Наполеон? Летиция пользовалась особенным уважением своих детей. Она имела твердый характер; холодность в обращении не отнимала у нее доброты сердца. Луциан и Иероним были ее любимцами. Герцог Рейхштадтский составлял ее утешение; ранняя смерть его нанесла ей тяжкую печаль. В Париже она жила очень скромно и успела собрать значительное состояние. Но оно не так велико, как думают. Наполеон поручил своей матери главное попечение над благотворительными заведениями: она не поняла этого великого назначения; вообще благотворительность была ей неизвестна. В дни счастья она редко помогала несчастным; впоследствии, разумеется, еще менее. Герцогиня Абрантес уверяет, что Летиция только с 1807 года получала ежегодно по миллиону и что в последнее время ее доходы не превышали 80 000 франков.

Все ее дети имели некоторое фамильное сходство. У всех те же черты лица, то же выражение (Наполеон не походил в этом отношении на прочих членов своего семейства), те же глаза, тот же вид головы, с разницею лишь в том, что она не у всех была одинаково полновесна. Полина Боргезе отличалась редкою красотою; Элиза, великая герцогиня Тосканская, — замечательною дородностью. Наполеон, Иосиф и Людовик были малого роста, но хорошо сложены; Иероним имел слишком короткую шею, а Луциан слыл в своем семействе Голиафом. Семейное согласие не было уделом на-

полеоновской фамилии. Жозефина часто терпела мелкие интриги сестер императора. В записках Бурьена и герцогини Абрантес выставлены многие случаи. Наполеон всегда брал сторону своей кроткой супруги и за то нередко выслушивал от матери порицания. Но когда Жозефина оказалась бездетною, когда все надежды видеть наследника императору были потеряны, когда она отвергла постыдные предложения Фуше и Луциана, тогда сестры Наполеона восторжествовали.

Впрочем, он никогда не забывал ее, а Евгений и Гортензия пользовались его особенной любовью. Наполеон был привязан к сестрам. Ему нравилась их пышность; он с удовольствием видел, что их гостиные напоминают блеск монархии. Элиза первая получила титул владетельной особы; за нею последовали Каролина и Полина. Но их честолюбие часто огорчало Наполеона. Недовольные неожиданной переменой своей судьбы, они беспрестанно желали нового и укоряли своего брата за невнимание к ним. Элиза Бачиокки, великая герцогиня Тосканская, была очень некрасива собою, толста. Ее надменность не знала границ. Безусловная повелительница своего мужа, она хотела властвовать и над сестрами; ее острота безжалостно преследовала их. Она постоянно ссорилась со всеми. Потеряв владения в 1814 году, Элиза приняла титул графини Кампиньяно, жила вблизи Триеста, в вилле Виссентино, где скончалась 6 августа 1820 года. Сын ее Фридрих-Наполеон умер в 1833 году в Риме, от падения с лошади. Остроумная, пылкая дочь ее, Наполеона-Элиза, в

замужестве за графом Камерата, одним из богатейших владельцев Анконских.

Полина слыла красавицей своего времени. В ней все было очаровательно, каждое движение, малейшее склонение головы. Прекрасный рост, величественная поступь, прелестное очертание лица, редкое умение одеваться, тонкое знание света, обворожительный дар слова, – все делало ее царицею балов и отчаянных сподвижников Наполеона. Первым ее мужем был генерал Леклерк, которому она сопровождала в 1801 году в Сен-Доминго. Всем известны несчастные последствия этой экспедиции; сам главнокомандующий сделался жертвою эпидемии. Полина не тронулась судьбою своего мужа. Оставаясь в Сен-Доминго, она разыграла роль Клеопатры, хотя, сказать правду, не всегда была строга в выборе Антониев. Метраль рассказывает забавные анекдоты о ее подвигах. В ту пору, когда эпидемия пожинала цвет французской армии, она беззаботно предавалась удовольствиям. «Пируйте, друзья мои, – говорила она приятелям своим, – ловите последние мгновения жизни: завтра, верно, новый недочет в нашем кругу». Возвратясь во Францию, она все еще была прекрасна, но уже не та очаровательная, свежая Полегта, как прежде; в ее груди таился смертельный недуг. В 1803 году она снова вышла замуж, за принца Камилла Боргезе, которого Наполеон назначил генерал-губернатором Заальпийских департаментов. Не имея ни малейшей склонности к новому мужу, она сделалась позором своей фамилии.

Ее похождения вошли в поговорку; сам император часто говорил о ней: «Полина не написала ни одного романа, а наделала их довольно». Надобно сознаться, что многое слишком преувеличено. Граф Шмитц описывает ее болезненные страдания в последнее время. По падении императора она удалилась во Флоренцию, где умерла 9 июня 1825 года. Полина страстно любила своего брата и несколько раз покушалась отправиться к нему, чтоб усладить горести его заточения.

Третья сестра Наполеона, Каролина, лучше всех постигла его замыслы и умела ему нравиться. Ее красота не была столь ослепительна, как у Полины. Все кокетство ее состояло в прелестной ручке, которой часто завидовал сам Наполеон. Но ее ум, ее проницательность ставили ее выше прочих сестер. Сопутствуя брату в первом итальянском походе, она пленила Мюрата, бывшего тогда первым адъютантом Наполеона. Ей самой нравился этот отчаянный смельчак. После катастрофы, совершившейся 18 брюмера (10 ноября 1799 г.), Жозефина предложила своему мужу выдать Каролину за Мюрата. Если верить записному вралю Буррьену, Наполеон находил для себя оскорбительным войти в родство с сыном трактирщика; он метил на Моро. Однако ж желания Жозефины сбылись. Сделавшись великою герцогинею Бергскою, Каролина образовала свой двор, приняла участие во всех делах, позволяла себе все средства к проведыванию политических тайн. В достижении этого супружеская верность

нисколько не затрудняла ее. Жюно был долго опутан ее сетями, и герцогиня Абрантес с наивною откровенностью французенки рассказывает о грехопадении своего мужа. Наполеон радушно прощал своей сестре все поступки. Ее празднества отличались неслыханною пышностью. В Элизее собиралось все, что только было в Париже молодого и прекрасного; тут-то Фуше подстерегал отголоски общественного мнения.

В 1808 году Каролина стала неаполитанскою королевою. В Неаполе открылось давно желаемое поприще деятельности для ее властолюбивого духа. Отважный воин Мюрат не был рожден повелевать. Как вассал Наполеона, он не мог снискать любви своих подданных; «гренадер» – вот единственный титул, который он заслужил от неаполитанцев. Каролина всем управляла, и притом так дельно, что сам Талейран говаривал о ней: «У неаполитанской королевы голова Кромвеля на плечах прекрасной женщины». Природа наделила ее высоким умом, проницательностью, постоянством, любезностью и, особенно, притворством. Немногим удавалось провидеть ее планы. Вскоре по прибытии в Неаполь Каролина с жаром принялась за улучшения: поиски в Портичи, устройство дорог, народное просвещение – вот предметы, на которые было устремлено ее внимание. Капече Латро, архиепископ Тарентский друг Гердера и Штольберга, подкреплял ее своими советами. Женское воспитание всем обязано ее попечениям; множество пансионеров заведено при ней в Неаполе. Каролина любила роскошь. Леди Морган описывает, в ка-

ком великолепии она нашла виллу Поргичи вскоре по изгнании Мюрата. Ныне она живет вблизи Триеста. По смерти Элизы досталась ей вилла Кампо-Марцо. Ее сыновья в Америке; Ахилл стал ревностным демократом.

Нынешнее название Каролины Мюрат – графиня Липани. Хотя она уже не королева, но все-таки желает, посредством перестановки слов, удержать в титуле свое имя Наполи. Капитан Пирх, который видел ее в 1830 году, говорит, что она и по сию пору еще сохранила свою красоту. Воспоминания пережитого составляют любимый предмет ее разговоров. Но при этом она никогда не обнаруживает горести об утраченном. Терпеливо покорствуя своей судьбе, она разнообразит дни своего одиночества частыми собраниями. В ее доме всегда самое избранное общество; французский вкус преобладает. Залы уставлены картинами и статуями, напоминающими былое время величия.

Выше замечено, что братья Наполеона не были предметами его родственной привязанности. Он облагородил их, наделил королевствами, но взамен этого требовал безусловной покорности. Его воля служила им законом, его поступки – образцом; тяжело ложилась на них железная рука его капризов; они были проводниками его прихотей. Впрочем, он часто имел причины к недовольствию на них; они везде позорили его имя. Когда назначили его первым консулом, некоторые из них пустились в спекуляции на бирже, захватили поставку провианта для войск и, увлекаемые жаждою наживы,

возбуждали всеобщий ропот. Сделавшись королями, многие действовали еще с меньшим благоразумием. Не было ни одного заговора, в котором бы они не приняли участия, ни одной оппозиционной партии, в которую бы они не вписались. Поэтому и нельзя винить поступков с ними Наполеона. Людовик более всех испытал на себе гнев брата. Кроткий, нерешительный, он был слабою опорой императора. При редкой доброте сердца, при чистой нравственности он несколько не имел твердости характера. Немного стоило труда заставить его делать то или другое: он всегда руководился чужими внушениями. Поклонник Руссо, напитанный его сентиментальностью, несбыточными мечтами, Людовик не понимал намерений своего брата, а потому и не мог содействовать его видам.

Статья может, что несчастная женитьба его на Гортензии Богарне поселила в нем ненависть к Наполеону. Он никогда не любил ее, Гортензия – живая, пламенная Гортензия, в которой под оболочкою креольской беспечности горел огонь крупных, кипучих страстей, Гортензия, очаровательная блондинка, резвая, избалованная, прихотливая, – могла ли она, была ли в силах привязаться к мужу-флегматику? Наполеон обрек ее сначала генералу Десексу; но он пал при Маренго. Воин в душе, по призванию, он не составил бы ее счастья. Не славе, но любви подала бы она свою руку. Генерал Дюрок пользовался ее благосклонностью. Наполеон, как уверяет Буррьен, знал об этом. Жозефина потворствова-

ла с намерением иметь в Дюроке поддержку против семейства своего мужа. Людовик женился в 1802 году; в 1806 году он сделан голландским королем. Наполеон думал, что новый король, чувствуя себя обязанным ему, слепо подчинится его воле. Людовик рассуждал иначе: он старался доставить спокойствие и благоденствие Голландии, которая перенесла уже столько утрат. Поэтому он медлил исполнением мер своего брата против Англии, подкреплял промышленность и торговлю, устранял по возможности гибельную конскрипцию. Изумленный таким непослушанием, Наполеон сначала обременял Людовика укорами, грозил ему своим гневом; наконец, видя его неизменным, принудил к отречению. Людовик охотно сделал это в пользу своего сына, Наполеона-Карла, в 1810 году. С той поры он не примирился с своим братом.

Ныне он живет во Флоренции под именем графа Сен-Ле, занимаясь науками. В 1828 году изданы им опровержения на историю Наполеона, писанную Вальтер Скоттом. Кажется, что Людовик простил тени брата минувшие оскорбления: он защищает императора. Гортензия проводит время то в Риме, то в замке Аренсберге, при Боденском озере. Сама она и ее дети постоянно были предметом любви Наполеона. Полагают даже, что он, до рождения герцога Рейхштадтского, намеревался объявить их своими преемниками. Другие, напротив, уверяют, что эта любовь проистекала из иного источника. Мы весьма далеки от мысли быть панегиристами Наполеонова целомудрия. Госпожа Фуре, прекрасная Валевская,

сопутствовавшая императору на Эльбу, знаменитая певица Гацциани и многие другие вполне оправдывают его изречение, что от великого до смешного один только шаг. Впрочем, как бы то ни было, рассказ о его связи с Гортензией – пустая сплетня. Он любил ее за ум, за искреннюю привязанность к себе; она уважала в нем великого полководца, благодетеля ее семейства. После удаления императора на Эльбу Гортензия оставалась еще в Париже. Ее дом был сборным местом всех недовольных возвращением Бурбонов. Она пожертвовала своим имуществом, чтобы содействовать побегу Наполеона с Эльбы. После сражения при Ватерлоо она поспешно покинула Францию, предугадывая, что начнутся преследования. С того времени она жила попеременно в Швейцарии, Италии и Германии, пока, наконец, поселилась в замке Арнсберге.

Ее сыновья находились то при ней, то при отце. Старший женился на своей двоюродной сестре Шарлотте, дочери бывшего испанского короля Иосифа. Меньшой учился до 1831 года в Тунской военной школе, в кантоне Бернском. Оба они приняли участие в смутах, возникших в Италии в 1831 году. Но вскоре старший умер в лагере при Форли от кори, а не отравленный, как писали в газетах. Гортензия ездила после того во Францию с меньшим сыном. Король был очень к ней благосклонен и обещал удовлетворить ее требования касательно уплаты денег. Это обещание подтвердил и Казимир Перье. Однако она должна была скоро удалиться, несмотря

на болезнь сына. Прожив несколько месяцев в Англии, она возвратилась в свой замок, а ее сын отправился в Швейцарию, чтобы дополнить там число празднующихся демагогов. Гортензия описала свое путешествие и издала его в 1833 году.

Иосиф был двумя годами старше Наполеона: он родился в 1768 году. В юности он слыл красавцем и походил на принцессу Боргезе. Будучи доброго, простого сердца, он не умел воспротивиться обольстительным видам, которыми манил его в свои сети властолюбивый брат. В 1797 году Наполеон дал ему поручения к Директории относительно мира с сардинским королем. Директория, льстя могущественному полководцу, назначила Иосифа посланником в Турине. Потом он вел переговоры с папою по поводу укрощения вандейцев, участвовал в Люневильском конгрессе и подписал Морфонтенский трактат с Соединенными Штатами. Несмотря на то, что Наполеон в глаза называл его слабою головою, он не переставал гордиться своею дипломатическою опытностью. Корыстолюбие побуждало его спекулировать на бирже. Сделавшись королем, Иосиф ничем не ознаменовал своего правления ни в Неаполе, ни в Испании. Жена его, Юлия Клари, дочь бордоского купца, – ангел доброты. Кроткий характер заменял в ней недостатки воспитания и доставил ей уважение императора и Летиции. После удаления Наполеона на остров Св. Елены Иосиф уехал в Америку, а Юлия поселилась вместе с дочерьми во Флоренции. Одна из них, Зинаи-

да, – вдова Наполеона-Людовика, сына Людовика Бонапарта; другая – Шарлотта – вышла замуж за старшего сына Луцианова. По падении Карла X граф Сюрвиллье (так называется ныне Иосиф) возвратился во Францию, чтобы хлопотать в пользу своего племянника, герцога Рейхштадтского. Но Людовик-Филипп избавил его от лишнего труда: Иосиф отправился восвояси. Между всеми братьями Наполеона в нем резче высказывается недостаток образования и незнание правил общежития.

Иероним, меньшей брат императора, был избалован Летициею. Наполеон определил его сначала во флот. Здесь он делал только долги. Напрасно брат увещевал его, угрожал своей немилостью. Иероним против воли матери и Наполеона женился на Елизавете Паттерсон. Однако ж через год он покинул ее, уступая настойчивости брата. После Тильзитского мира, в 1807 году, учреждено Вестфальское королевство. Иероним был сделан королем. Он вовсе не заботился об управлении и предавался своим страстям. Никогда не жили в Касселе так весело, как при Иерониме. В 1812 году Наполеон взял его с собою в Россию и поручил ему корпус, но скоро должен был его отослать назад за неспособностью. Между тем неудачи французов пробудили спящую Германию; повсеместно обнаруживался дух неудовольствия. Иероним участвовал в сражении при Ватерлоо. В 1816 году покойный вюртембергский король дал ему графство Монфортское. Прежняя распутная жизнь изнурила его силы; он

был часто подвержен болезням. Иероним имел весьма доброе сердце. Это свойство хвалил в нем сам Иоганн Миллер.

Назовем замечательнейшего из братьев Наполеона – Луциана, князя Канино. Своим умом и способностями он больше прочих походил на Наполеона. Будучи молодым человеком, он принимал деятельное участие в революции. В 1795 году он женился на прекрасной Христине Бойе, дочери прованского трактирщика. Наполеону это не понравилось. Позднее Луциан был кригскомиссаром армии и нажил большое состояние. В тяжелый день 18 брюмера (10 ноября 1799 г.) он занимал место президента Пятисотного Совета. Все совершившееся в этот день приготовлено им в загородном доме Рекамье. Силою своего мужественного характера и благоразумием он окончил великое дело без пролития крови. Наполеон стал к нему с той поры холоден: ему больно было сознаться, что он обязан брату. Жозефина, не любимая Луцианом, поддерживала эту холодность. Сверх того, императору не нравился его непокорный дух. Однако ж Луциан получил звание министра внутренних дел. Недолго он находился на этом посту: по проискам Фуше его удалили в Мадрид в качестве посланника. Здесь он увеличил свое имущество.

Король Карл щедро платил за его угодливость и при отъезде подарил ему свой портрет, украшенный алмазами. Луциан продал их за четыре миллиона франков. Возвратясь в Париж, он увидел, что нерасположение к нему брата возрос-

ло еще более. Второй брак его, с Розою Жуберту, был опять заключен против желания Наполеона. В 1805 году Луциан удалился в Италию. Через два года он имел свидание с императором в Мантуе и решительно отверг все предложения его, как ни льстили они его самолюбию. В 1808 году Наполеон снова предлагал ему Неаполитанское королевство, его жене – герцогство Парму, а дочери Шарлотте – руку Астурийского принца. Луциан хорошо знал характер своего брата и потому никогда не желал получить от него что-нибудь. Он даже удалился в Англию. Но в 1815 году, когда положение императора было в высшем степени затруднительно, он явился к нему на помощь, настаивал на продолжении войны, в надежде на неистощимые средства Франции. Фуше и Лафайет делали тщетными его усилия. Луциан навсегда покинул Францию и жил некоторое время под присмотром Австрии. Ныне он живет вблизи Рима, занимается древностями и имеет с 1834 года прекрасный Этрусский музей. Луциан известен как писатель своею историею английского парламента и поэмою «Карл Великий». К первому сочинению Наполеон присовокупил собственноручные примечания. Старшая дочь Луциана в замужестве за принцем Габриелли. Сын Карл почитается отличнейшим геологом; женат на Шарлотте, дочери Иосифа. Другая дочь Луциана за лордом Стюартом; третья – за графом Боссе, но живет в разводе.

Таковы судьбы Наполеонова рода. Всем обязанные своему великому родственнику, члены этого рода не имеют ны-

не никакого веса. Исторические имена их перемешаны с самыми незначительными. «Два сына князя Канинского (Луциана Бонапарте) жили в поместье своего отца Канино, по которому ему был дан и титул, и своим поведением неоднократно подавали причины к жалобам. Все увещания оставались тщетными. За несколько дней перед сим застрелили они в лесу одного лесничего и хвалились тем всенародно. Правительство уведомило о том семейство принца и предписало схватить преступников силою. Жандармский офицер известной римской фамилии, которому было поручено взять принца под стражу в сопровождении вахмистра, застал его в кофейном доме городка Канино и объявил, что должен арестовать его. Вместо ответа принц обнажил кинжал или охотничий нож и пронзил им грудь офицера, который упал мертвым на землю; вслед за тем он кинулся на вахмистра и нанес ему тяжелую рану, от которой он умер на другой день. По собранной там команде выстрелил он из ружья, но его схватили и отвезли в Рим, где он ныне находится в тюрьме. Его брат, как слышно, успел бежать в тосканские пределы и таким образом укрылся от преследований правосудия. Весь Рим ожесточен сими злодеяниями; все с нетерпением ожидают производства процесса. При всей кротости правительства Римской области к преступлениям, совершенным в пылу страсти, в нынешнем случае не будет обращено внимание на происхождение преступников, и весьма вероятно, что с ними поступлено будет по всей строгости законов».

В берлинских газетах напечатано известие о странном и нелепом происшествии, случившемся в Страсбурге 30 октября. С самого раннего утра небольшие отряды солдат 4-го артиллерийского полка расхаживали по городу с восклицаниями: «Да здравствует император!» Один из этих отрядов, состоявший из тридцати человек, в полном вооружении ворвался в префектуру и вошел в спальню префекта в ту минуту, как он намеревался встать с постели. Отрядом начальствовал молодой человек в мундире главного штаба. Он объявил префекту, что арестует его от имени императора Наполеона II (сына Людовика Бонапарта, бывшего короля голландского, и Гортензии Богарне). Префекту дали десять минут сроку и увели через весь город в одну из артиллерийских казарм. Через полчаса четыре офицера другого артиллерийского полка выпустили его на свободу, и он возвратился домой невредим. Принц Людовик, полковник Водре и комендант Паркен, бывший в генеральском мундире, взяты были под арест. Артиллеристов вытолкали со двора, и они были своими же офицерами отведены в казармы. Префекта освободили, и менее нежели в час вся эта история была кончена. По приказанию генерала Вуароля весь гарнизон стал под ружье. Один отряд артиллеристов 4-го полка занял было типографию Зильбермана, но был прогнан. При всех этих движениях различных войск народонаселение было в совершенном спокойствии и не понимало, что делается. Арестованы следующие особы: 1) принц Наполеон-Людовик Бона-

парте, 28 лет, 2) эскадронный командир парижской городской стражи Паркен, 44 лет, 3) граф Рафаэль Грекур, 23 лет, игравший роль ординарца, 4) Керсель, 25 лет, другой ординарец, 5) полковник 4-го артиллерийского полка Клод Водре, 51 года, 6) Лети, поручик понтонного полка, 7) Буассон, унтер-офицер 4-го артиллерийского полка. Они сидят в городской тюрьме. Следствие уже начато. Еще арестованы одна дама, леди Гордон, и типографщик Зильберман.

Карл-Людовик-Наполеон, граф де Сен-Ле, взятый под стражу в Страсбурге, родился 20-го апреля 1808 г. и, после смерти брата, был старшим в линии своего отца под именем Наполеона-Людовика-Карла. С 1814 г. жил он у своей матери; в 1830 г. учился в Тунском военном училище, в Бернском кантоне; в 1831 г. ездил из Италии в Париж и в Англию; в 1832 г. получил право гражданства в Тургауском кантоне, где его мать, Гортензия-Евгения, бывшая королева голландская, купила имение Аренсберг, при Боденском озере, именуясь герцогинею де Сен-Ле (муж ее живет в вилле при Флоренции и называется графом де Сен-Ле). В июле месяце 1834 г. он был произведен в Берне в капитаны артиллерии; в 1833 г. издал небольшое сочинение о Швейцарии. Прошедшим летом он провел несколько времени в Бадене при Раштаде, где он находился в числе тех, которые иллюминировали древний замок в день рождения Наполеона (15 августа). Вообще он уже несколько времени был в сношениях с бежавшими в Швейцарию разнородными демагогами.

№ 72. Г-ЖЕ ГЕРИО В ЛИОН

Булгурлу, близ Скутари. Вторник, 20 декабря 1836 года

Я переезжала изредка из Скутари в Перу. Четырехвесельный каик доставлял меня живо в Топхане среди вьюги и мороза, который нам наносил северо-восточный ветер из России. Слякоть была ужасная. Я взбиралась, как могла, из Топхане на главную улицу в Пере. Близ Галаты сераль, я заходила к старому греку, с круглой бараньей шапкой на голове, смотревшей как горшок из-под молока дном вверх, в больших очках; своими остроумными замечаниями он вызывал у меня улыбку. Страшно было скучно. От нечего делать мне приходилось часа два проводить у него, греясь около мангала. Станный был выбор книг у этого старика: трактаты о дипломатии, Кох, Шель, Омштеда; я все у него перекупила. Много книг о России и записок о Екатерине II, императоре Павле, которые я все у него забрала. Он мне объяснил, что большую часть этих книг покупала у него с 1833 года эскадра, стоявшая тогда в Босфоре, что теперь торговля идет тихо. Но склад у него большой в ожидании прихода русских; к нему и теперь одни русские ходят. Мне попалась раз одна книга, возбуждавшая мое любопытство. Это была смесь рассказов о бедствиях, постигших нашу армию в 1812 году, пересыпанная разными любовными, мистическими похождениями; несмотря на это, она отзывалась чистосердечием. По-

хождения различных героев доказывали существование мистических обществ и даже, может быть, политического заговора. Книга эта носит название: «Путешествие одного пленного французского офицера в России». Выписанные мною места – на стр. 63, 64. Найди эту книгу, она, может, тебе и пригодится. Если ты не найдешь книгу, то я тебе свою перешлю. Я тебя уверяю, доставь ее графу Бенкендорфу. Она еще, может быть, доставит сведения заговора 1826 года. Мне книга бесполезна, я никаких связей в России не имею.

Сообщаю тебе анекдот, напоминающий наш разговор с Тургеневым за завтраком у тебя в Париже, сколько помнится, в 1835 году: «Вот образец того, как правосудие творится в этой стране. Следующий случай происходил в маленькой тартарии. Вдова одного дворянина жила со слугой; несмотря на оказанную ему честь, служитель не отказывался разделять эту честь с очень красивой служанкой. Он ей сделал ребенка. Госпожа, заметив совершаемую неверность, приказала отодрать несчастную служанку кнутом. Приказание это было совершено с такою жестокостию, что несчастная служанка, которая была беременна, испустила дух во время исполнения этого наказания. Возбужденные жестокостью рабы этой барыни обратились в суд; уездный суд приговорил просителей к наказанию кнутом по закону. Спустя некоторое время люди свободного состояния сочли необходимым жаловаться на барыню в суд. Барыня была арестована, и ей самой пришлось предстать перед судьями. Губернатор прика-

зал, чтобы те слуги, которые, зная о преступлении, не донесли, были бы подвержены наказанию кнутом. Губернатор был сменен, коль скоро об этом приговоре узнали в Петербурге. Его преемник, получив приказание исследовать вновь дело, решил его в пользу барыни, находя, что так как она наказывала сама, на точном основании законов, и, не имея должной сноровки в этом деле, действительно убила эту девку, но что смерть последовала от неумелости и потому не может быть признана за умышленное убийство». Вот, мой друг, как правосудие исполняется в этой стране. Если я вам расскажу о взяточничестве судей, то вы подумаете, что я вам рассказываю басню. Неимоверно скучно!

№ 72. Г-ЖЕ ГЕРИО В ЛИОН

Булгурлу, близ Скутари. 3 ноября 1837 года

Я уехала в пятимесячный отпуск, дарованный мне так милостиво султаном. Мне необходимо было побывать в разных местностях для моих розысков. Все это, конечно, вздор. Я страстно люблю Анатоля и давно любила его, что ни говори. Он всю душу мою переворачивает. Я рада следовать за ним как собака или как слуга и целовать следы ног его. Я с ним встретила на Абенвильских заводах, находящихся во владении отца моей приятельницы, Полины Мюель. Меня поразили угрюмый вид долин, черный цвет, покрывающий жителей и жилища. Это филантропическое размышление принадлежит Демидову. Я далеко не разделяю этого взгляда: когда ведется работа, сердечничать не следует. Сострадание хуже всякой ошибки. Здесь работа без отдыха. Как могла развиться такая красавица среди адской деятельности? Четыреста человек помещаются в одной казарме. Здесь я познакомилась с г. Дубле, дедом моей Полины. Не в том ли заключался секрет ослепительной красоты Полины, что у нее избыток красоты; она росла в своей чарующей красе посреди работников и работниц. Оттуда мы поехали в Баден и Вену; мы ехали на почтовых, чтобы не встречаться на пароходе с нашими соотечественниками.

В Вознесенске, куда я прибыла в одной из дорожных бри-

чек, ехавших вслед за Демидовым, накануне общего смотра кавалерии, 6 сентября 1837 года, я была в костюме русского мальчика – черное бархатное пальто без рукавов, широкие бархатные шаровары, опущенные в сапоги, и пунцовая шелковая рубашка. В этом костюме я обращала на себя всеобщее внимание. Все знали, кто я, и все бинокли были обращены на меня, когда я гарцевала на карабахском жеребце рыжей, золотистой масти, которого мне купил Анатолий из царского конвоя, с кованой серебряной сбруей персидской работы. Жеребец знаменитого завода княгини Мадатовой. Мы купили кобылу той же шерсти. Я их отправила в Париж; надеюсь, что будет приплод. Я сопровождала молоденькую, очень хорошенькую девушку. Ее берут фрейлиной ко двору. Она настоящая казачка. Ты знаешь, что я обожаю казаков. Она очень мила и забавна, но она далеко не девушка и даже сдастся, что брюхата. Но это между нами. С ней всегда граф Самойлов и князь Трубецкой, которого зовут Сережей. Тебе бы хотелось знать, от кого она брюхата? Она смеется и говорит – почему знать? Что за нравы!

Нам отвели один из вновь построенных домов, снабженный всевозможным комфортом. Это действительно царское гостеприимство. Этот дом, хотя за № 359, не уступал домам самых приближенных царя. Дома, приготовленные для князя Паскевича и для графа Орлова, ничем не отличались от нашего по внешности и убранству внутренних покоев. Я было хотела переехать к генеральше О., но, получив пригла-

шение ко двору, была так обласкана императором и императрицею, что переменяла намерение. Все, как нарочно, удивлялись моему сходству с Анатодем. Прием, мне сделанный, успокоил меня совершенно. Анатоде вел себя все время нашего пребывания весьма сдержанно. Меня все совесть мучила, несмотря на уверения Анатоде. У меня с Анатодем много общего, родственного. Зачем нас было сблизать?

Оттуда я вместе с Анатодем поехала на Линц, Нюренберг, Франкфурт, в Бельгию и, отдохнув от трудов, собираюсь в Константинополь. После свадьбы Делюжа с девицей Мюель минуты были считаны. Мне очень жаль, что я вас не видела. Я хранила в тайне мой приезд и боялась огласки. Мой паспорт дан был до Вены. Анатоде только в Эпинале мне передал мой капитал. Тебе известно, что я ни во что не считаю деньги. Мой отпуск оканчивался, и я должна была снова спешить в Вену, где меня ожидали шестеро молодых балерин. Взяв с собою моих питомиц, я, в сопровождении тех же друзей, вступила на пароход «Франц I» и вернулась к 1 ноября, как гласил мой отпуск. На пароходе (я дважды меняла его) мы переехали железные ворота на большом катере и перешли на другой пароход, с которым мы проследовали безостановочно до Галаца, а в Галаце пересели на султанскую яхту. Она чудо как отделана и ходит с невероятной быстротой.

Как я счастлива, что вам поверила! Поезжайте скорее к Тюфякину. Он вас с нетерпением ожидает. Нежно и страстно я вам шлю привет. Передайте его Анатоде. Вы видите,

как я к нему привязана с тех пор, как убедилась, что между нами нет никакого родства. Султан влюблен в меня, и я с ним вижу два раза и даже три в день.

№ 73. ГРАФУ САЛЬВАНДИ В ПАРИЖ

Булгурлу. Воскресенье, 12 ноября 1837 года

Я познакомилась с Решидом-Эффенди в Париже. Он снабдил меня письмом к Пертеф-паше. Он раньше уже послал мой акварельный портрет, написанный Морэн и напечатанный тогда в «Дамском журнале» в феврале 1836 года; он мне дал также письма к лорду и леди Понсонби, принявшими меня очень радушно. Он нашел, что я несравненно лучше моего портрета. Я почти не выходила из его Яли в Арнаут-Кей. Недозволительная нескромность потревожила наше относительное счастье. Я вела переписку с Евгением Гино и думала ему сообщить известия, годные для водевилей; я в то же время переписывалась с Делессером. Ежемесячная моя корреспонденция была чисто политического и весьма конфиденциального характера. К несчастью, непростительная оплошность в самой префектуре дала средство Гранье де Кассаньяку воспользоваться моими сообщениями, чтоб состряпать статью, которая так поразила самого султана, что он лишил Пертеф-пашу своего места. Статья в «Ревю де Пари» собрала все мои сообщения в букет, который разразился в Константинополе, как гром. Удаленного Пертефа скоро лишили жизни. Адрианопольский Емин-паша пригла-

сил к обеду Пертефа, дал ему прочесть султанский фирман. Пертеф выпил яд совершенно спокойно; но яд действовал медленно, четыре служителя Порты ему затанули шнур.

Я встречала каждую пятницу султана, когда в тридцатидвухвесельном каике, когда верхом. Он на меня смотрел очень пристально: таков султанский поклон. Я, представленная ему в Яли на горе Булгурлу, не удостоивалась другого привета. Я жила в одной из атенанс султанского дворца близ Скутари. Его посещения моей школы становились все чаще и чаще. Он нас пригласил во дворец. Рассказывать ли вам неистовства, коих мне, г-же Франкини и г-же Грациани часто приходилось поневоле быть свидетелями? Нет, я лучше умолчу. Время было ужасное. Напуганная историей с Пертеф-пашой, я почти не удалялась из моей школы. Султан на нас смотрит как на принадлежащих ему мабеинджи. Маркиз д'Ейрак советовал мне потерпеть немного и ожидать конца моего контракта. Я очень любила Пертеф-пашу. Он вас в самом деле очень напоминал. Та же восторженная любовь к изящной словесности, та же склонность ухаживать за хорошенькими женщинами. Он себе этим много повредил. Я его предупреждала, что мы в Турции.

№ 74

Пятница, 17 ноября 1837 года

Я очень сблизилась с мужем и написала ему исповедь мою.

№ 75

Булгурлу. Среда, 18 октября 1837 года

«Я вышла замуж за вас в 1833 году; мне не было еще четырнадцати лет. Г. Керминьян, мой опекун, состоял главным инспектором путей сообщения в Лионе. Он меня выдал замуж за человека, еще не кончившего курса в Горном училище. Я едва видела его в течение трех лет и состояла в ведении моего опекуна и под его управлением. А в это время вы рыскали по горам и долам между Лионом и Марселем. Я эти три года провела одинокой в Париже и Компьене, состоя на службе у князя Тюфякина в качестве главной управительницы его школы пения. А с половины 1835 года я состою главной надзирательницей школы его величества. В ноябре 1835 года я поспешила приехать в Константинополь, узнав о претерпенном вами несчастьи. Сознаюсь, что я была преступной перед вами по неопытности, но я никогда не переставала быть добродетельной и нежно вас любящей супругой. Я всегда отмечала те счастливые минуты, которые я проводила с вами на чужой квартире. Мы всегда видались в Пере, чтобы избежать сплетен. Вы сами признали это необходимым».

№ 76

Суббота, 18 ноября 1837 года¹

¹ В подлиннике проставлена дата; текст отсутствует.

№ 77

Понедельник, 27 ноября 1837

Я устроила свидание с мужем, желая избежать огласки.

№ 78

Четверг, 14 декабря 1837 года

Все не верится, что можно быть так счастливой с своим законным мужем. За мной смотрят, правда, ревнивые евнухи.

№ 79

Понедельник, 25 декабря 1837 года

С 24 декабря по 3 января я вкушала долгое блаженство.

№ 80

Среда, 3 января 1838 года

Мой муж с 3 января стал жаловаться на жестокую брюшную боль и харкал кровью.

№ 81. Г-ЖЕ ГЕРИО В ЛИОН

Среда, 21 марта 1838 года

Болезнь мужа продолжалась до 18 марта. Он дня три как поправился и снова начал страдать своею брюшною болезнью и много харкает кровью. Он жалуется на нестерпимые сквозные ветры и чувствует, как под ним вышивают работницы, так его тело сделалось чувствительным. Он слышит каждый взмах рукой, производимый женщинами, живущими в нижнем этаже, и иголки их так и вонзаются в его измученное тело. Что сказала бы мать моя! Адмирал Руссен очень меня уговаривает возобновить мой контракт: расположение султана может вернуться. Я очень хорошо знала, что нет. Дела моего мужа шли вяло, с подшибленным крылом. Султан лишил меня своей милости. Нам только и оставалось, что укладывать свои чемоданы. Я согласна была возобновить свой контракт на три года. Мне предлагали на один год и при весьма невыгодных условиях. Я решилась ехать весною в Одессу. Граф Воронцов нас приглашал и обещал нам золотые горы. Я остаюсь на службе его величества с сохранением содержания и еду в Одессу для комплектования моей труппы.

№ 82. ГРАФУ САЛЬВАНДИ В ПАРИЖ

Булгурлу, близ Скутари. Воскресенье, 29 апреля 1838 года

Право, забавную полемику я устроила с Демидовым, поместив в одной парижской корреспонденции рассказ о насилии русской полиции при учреждении вольных домов для нижних чинов в лагере под Вознесенском. Что эти учреждения сами по себе очень полезны, искони и везде устраиваются как во Франции, так и в Германии, — это весьма понятно и против этого мы не станем говорить. Но насилие чудовищно. Гг. Мулине, братья Компер, из которых один арендует имение у генерала Потье, а другой управляет имением генеральши Марковой, согнали из своих деревень, по соглашению с графом Воронцовым, крепостных девок — на эти или на какие-либо другие работы, они совершенно правы, если это им дозволяется законом; но беда тогда, когда это делается с ведома и при участии высшей полиции. Полиция, приступая к исполнению, принимает жестокие, даже крутые меры, как она и поступила с этими несчастными девками; во всяком случае, эго уже не порядок, а дело вопиющее. Я не могла часто ни есть, ни пить целый день, глядя на этих несчастных. Вы знаете мои принципы, они довольно широки. Хлеб свой добывать должно, но это из рук вон.

Демидов отвечает на мое обвинение в двух письмах, помещенных в «Журналь де Деба» в январе и марте, и оправдывает полицейские порядки единственным и весьма глупым доводом. Он уперся на том, что для развлечения публики были только две тирольки в их живописных костюмах. Хорошо гусь! А цыганки, а французские актрисы? Правда, они очень дорого стоят, а все же промышляют собою. Обо всем этом Демидов мне запретил говорить. Впрочем, прочтите в «Журналь де Деба» или брошюру Демидова, изданную им в этом году «Путевые заметки о южной России и Крыме». Если у вас нет ее, то достаньте, а не то я вам пришлю. Для проверки сличите стр. 73–75 и 80–83; всех страниц, кроме заглавного листа, 102. Он недаром всю эту полемику поднял: у русских чутье тонкое. Увидим, дадут ли ему какой-то очень важный чин. Он ужасно врет, он меня уверял, что полк графа Ржевусского имеет черные латы, наподобие французских, потому что он как шеф полка хотел их сохранить в память Наполеона. Вы мне скажете с свойственной вам грубостью, что я устроила школу с явным намерением разврата. Добровольное соглашение – вот мой ответ. Я им даю отличное воспитание, а они им пользуются, как умеют. Я за них не отвечаю. Таким образом дело делается в свободной Америке еще чаще, чем у нас. Лучшие артисты законтрактовывают себя на десять лет. И я желала бы видеть, кто осмелится их пальцем тронуть, когда они нарушают контракт. Правда, они остаются всегда свободными, несмотря на то, что запродали

себя, а эти вечные рабы. Мне очень интересно знать, что вы, с вашей возвышенной нравственностью и с вашим светлым умом, скажете на это. Не говорите, что мелочные, грязные соображения недостойны вашего внимания, а отвечайте откровенно, мне нужно знать ваш взгляд. Не поражает ли вас, что наши соотечественники пользуются не совсем деликатно своими сомнительными правами и несомненною безнравственностью? И знаете ли, что они берут всего один франк, изредка два франка с кавалера? Они жертвовать более не могут на алтарь Венеры. Эти триста несчастных девушек составляли только половину контингента. Тех было также до трехсот. Они все были охотницы. Их никто не принуждал. А прибыль они берут невероятную. Гг. Мулен и братья Компер с их женами и детьми при мне проверяли счета. Они, страшно сказать, набирали, вместе взятые, до пяти тысяч франков в день, а иногда более. Так 7 и 8 сентября, 26 и 27 августа счета во всех трех домах доходили в общей сложности до двадцати тысяч франков, а за все семь дней они не превышали тридцати пяти тысяч франков. Вот, г. министр, итог моих добросовестных наблюдений. Нося простонародный мужской костюм и скрываясь от взоров всех, я не могла входить во все закулисные великосветские тайны. Все внимание мое обращено было на движение войск, их обмундирование и гигиенические условия их жизни в строю. Подробный отчет сообщен г. военному министру. По тому же предмету, что и в моем письме к вам, я представила г. Делессеру очень подроб-

ный отчет. Питаю надежду по старой дружбе, что вы прочтете, г. министр, мое дружеское письмо и мой сердечный привет великому магистру университета Франции.

№ 83. Г-ЖЕ ДЕЛОЖ, УРОЖДЕННОЙ МЮЕЛЬ, В БАДЕН-БАДЕН

Одесса. Пятница, 24 июня/6 июля 1838 года

Я с сердечным трепетом вышла из карантина, села в приготовленную мне коляску, запряженную шестеркой, с кучером и фореитором. Мне их подарил Род«оконаки», ожидавший меня при дверцах, еще недавно гостивший у меня в Пере. Две девушки и два лакея, которых мне также подарил Род«оконаки», ожидали меня у Отгона. Это лучшая гостиница, на Ришельевской улице под № 1. Со мной вошли гг. Р. Н. и хозяин Отгон. Я тут же дала моим девушкам несколько оплеух и ударила их зонтиком. Немедленно ко мне явился кн. Г. Г. Голицын, адъютант графа Воронцова, который мне помог вбить в их голову, что значит истинная дисциплина. Я так скоро привыкла к нравам этой страны, что не прошло трех дней, как мои девушки уже обе перебивали у квартального надзирателя, который шутить не любит, как я в том убедилась. Я сблизилась очень с графиней Воронцовой. Граф Кологривов, адъютант Лафайета, в течение трех достопамятных дней жил в Одессе, под надзором полиции, и выстроил себе огромный замок, вроде укрепления, и кутил в нем напропалую. Я посетила его вместе с графиней Воронцовой

и графиней Шуазель-Гуфье. Надзор полиции ограничивался визитами графини, которые она ему иногда делала. Я сопровождала графиню к нему по субботам вечером. Мы находили у него довольно значительное общество и всегда отборное. Графиня имела привычку, взяв графа Кологривова под руку, уходить с ним вместе в отдаленные комнаты, и там она часто упражнялась в стрельбе в цель из пистолета, в тенистом саду. Жизнь была вполне элегантная, жизнь велась, как она ведется в Англии в загородных замках.

№ 84. Г-ЖЕ ДЕЛОЖ, УРОЖДЕННОЙ МЮЕЛЬ, В БАДЕН-БАДЕН

Вознесенск. Воскресенье. 26 июня/8 июля 1838 года

Князь Г. Голицын, адъютант графа Воронцова, был очень замечательной наружности, крайне предприимчив и в полном смысле слова совершенный авантюрист. Денег имел он очень мало и даже вовсе не имел их, кроме своего скудного жалования. Несмотря на это, он мне предложил в дар хутор и при нем: сорок пять десятин земли, маленькая роща, три лошади, восемь волов, четыре коровы и шесть человек, переселенных им из Калужской губернии. Прежде чем приобрести подарок, необходимо его посмотреть. Я прокатилась взад и вперед по знакомой мне дороге в Вознесенск и, вернувшись в этот город, обдумала и сказала ему, что погожу. Из Вознесенска мы поехали вчетвером: два гусарских офицера из поляков и один поляк живописец, называвшийся, кажется, Ольщевский или что-то в этом роде. Ольщевский мне указал двух косцов изумительной красоты. Он принялся их рисовать. Какие чудные люди эти калужские косцы! Посадить их сзади за коляской и прокатиться по Булонскому лесу – какой бы я произвела эффект, какой шик! Всякий бы останавливался, чтоб посмотреть на меня. А я, равнодушная, бес-

страстная, лежу в коляске и потягиваю ножки по богатому ковру. Я их одену – как казаки императрицы. А пожалуй, они в коротких штанах произведут больший эффект. Их надобно будет приучить к службе. Я их буду держать близ себя... и через год мне уже их довольно. Они такие молодцы, что годятся в гвардию. Я их тогда продам за три и четыре тысячи обоих, а дети их останутся при мне, так закон требует. Дети, рожденные до поступления на службу, остаются за помещиком, но жены их делаются свободными вместе с мужьями, с чем я их поздравляю. Мужья определяются на двадцатипятилетний срок. Я посмотрю зимой, может быть, их за себя возьмет графиня Воронцова, а может быть, и г-жа Попандопуло, она гораздо щедрее. Насладимся настоящим, в России некогда предаваться своим мечтам. Графиня Шуазель, сестра адъютанта, уладила мне дела и подписала купчие крепости и выдала мне формальные доверенности. Дела в южной России идут несравненно лучше, благодаря либеральной системе графа Воронцова. Совершенно не делали никаких помех, чтобы утвердить акты об уступке и переуступке. Я теперь имею доказательства, что все при протекции очень легко делается. Я купила сорок пять десятин земли и шесть крестьян, которые мне обошлись в тысячу (опечатка? – *Д.Т.*) карбованцев или рублей серебром, как говорят в России. Я потребовала, чтоб мне выслали немедленно шесть семейств, оставшихся близ Калуги. Ты, надеюсь, удивишься моим юридическим познаниям и сведениям в сель-

ском хозяйстве?

№ 85. ГОСПОЖЕ ДЕЛОЖ В БАДЕН-БАДЕН

Четверг, 12 июля 1838 года

Голицын целый день у меня сидит, занимается воспитанием двух моих косцов. Он их учит ходить, снимать башмачки и их надевать, подавать мантильи и т. д. Просто умора. Он клеит разные коробки и уверяет меня, что они мне очень пригодятся. Он целый день сидит в девичьей. Но я его к себе не пускаю; он целый день проводит у моих горничных. Вчера вечером мадам Томассен приходила примерять мне бальное платье. Она его заставила держать свечу и третировала его так бесцеремонно, что мне совестно стало. Она здесь всех лучше работает, но имеет тон торговки рыбой. Она очень забавна.

№ 86

Понедельник, 23 июля 1838 года

Голицын свое дело, однако, знает. Я стану отмечать дни, в которые он навещает меня, когда нет других посетителей.

№ 87

Пятница, 27 июля 1838 года

Был г. Маразли. По уходе его постучался Голицын. Он сплошь да рядом посещает меня каждодневно до 6 августа.

№ 88

Воскресенье, 5 августа

Был Родоконаки и накануне г. Негри. Голицын оба раза приходил.

№ 89. Г-ЖЕ ДЕЛОЖ

Понедельник, 6 августа

Мы уезжаем ровно на один месяц в Алупку. Князь Голицын приглашен и везет все коробки, которые он для меня клеил и говорил, что мне пригодятся. Он их везет графине Воронцовой. Мы берем своих калужских косцов; Голицын их мерил, у них немного более двух аршин и двенадцати вершков, у одного четвертая часть дюйма, а у младшего треть дюйма. Они очень хорошо мне служат, понятливы и чрезвычайно преданы. Я просила Голицына не входить ко мне без доклада.

№ 90. «Г-ЖЕ ДЕЛОЖ»

Пятница, 15 сентября 1838 года

Я поселилась на даче Ланжерона и беру морские купанья. Меня навещают многие поляки и их жены, и мы очень забавляемся. Я остаюсь вплоть до двадцатого сентября. За мной очень ухаживал екатеринославский предводитель дворянства, человек серьезный. Он уезжает около первого октября и весьма желает ознакомиться поближе с моею деревнею. Мы назначили свидание в моей деревне в первых числах марта, а до того времени я его помучу немного. Кокетничаю с Голицыным и бароном Маркю.

№ 91. «Г-ЖЕ ДЕЛОЖ»

Пятница, 28 октября 1838 года

Я очень сошлась с одним из здешних помещиков, г. Маркю. Ему около семидесяти лет, он очень любит музыку. Мы часто беседуем о музыке, как-то разговорились о необходимости устроить школу для пения. Впоследствии мы пришли к мысли, что лучше школу для драматического пения с вышиванием в свободное время. Ведь мы воспитываем девушек не для одного искусства, необходимо их занимать более положительными вещами. Я на таких основаниях устроила школу Тюфякина, и теперь такая же школа устроена в Константинополе, но с некоторыми отступлениями от первоначальной мысли.

Мы на другой же день отправились к девице Дерон на Театральной улице № 10 и с ней скоро договорились об условиях этой школы. В соседстве, в том же доме, живет другая корсетница, Цветкина; мы ее уговорили переехать на другую квартиру, заплатив втридорога за тревогу. Дело уладилось весьма скоро. Дерон не первой молодости, но очень статная девушка и весьма привлекательного обхождения. Я с ней познакомилась на вечерах у графа Кологривова. Дерон у него не то любовница, не то сваха. Не понимаю еще очень хорошо их отношений. Но знаю ее за очень солидную женщину, которая даром пальцем не пошевелит. Мои воспитанницы

были очень неумелые, и им за неумение очень доставалось, и в особенности от девицы Дерон. Впрочем, я только изредка вмешивалась в дело. Тогда им пощады никакой не было. Мое музыкальное чувство не терпело фальшивых нот. Я старательно воздерживалась от побоев, особенно когда были посторонние. Я держала строгую дисциплину и между господами этих девок. Дамы, посещавшие эту школу, были все очень приятного обхождения, очень ровного характера и заезжали сюда для развлечения, но, входя в эту школу, принимали вид суровый, ожесточенный. Но я расправ не допускала. М-ле Дерон приглашала очень вежливо виновную войти в карцер, где госпожа ее расправлялась, как ее душе угодно было. Ни я, ни м-ле Дерон тут очевидно не принимали никакого участия. Ты рано постигла сердце человеческое. Объясни мне, за что они сердятся.

№ 92. Г-НУ МИШЕЛЮ ШЕВАЛЬЕ

Одесса. 12 октября 1838 года

1. 17 пароходов королевского французского флота, между Тулоном и Алжиром, отходят раз в неделю. Они принимают также разные поручения в Левант. 2. 10 пароходов королевского французского управления почтами в Левант отходят в каждые десять дней раз. 3. 2 французские парохода общества Базена из Марселя в итальянские гавани отходят каждые пять дней. 4. 3 французские парохода общества Жерара, из Тулона в Бастию (на Корсике) отходят два раза в неделю. 5. 3 французские парохода из Марселя в Сетт и Агде отходят два раза в неделю. 6. Три французские парохода из Марселя в испанские гавани отходят каждые десять дней. 7. Один французский пароход из Корсики в Ливорно. 8. Пять пароходов королевского английского флота, частью из Гибралтара, через Мальту, в Корфу, отходят в месяц два раза; частью через Мальту в Александрию и Бейрут, отходят раз в месяц. 9. 6 пароходов австрийского общества Ллойда, частью из Триеста в Константинополь, частью из Константинополя в Александрию, отходят в две недели раз. 10. 2 парохода Дунайского общества из Константинополя в Салоники и Смирну отходят в неделю раз. 11. 2 греческие парохода из Афин в Сиру. 12. 2 египетские парохода из Александрии в Константинополь; сообщение это еще не совсем устроено.

13. 2 сардинские парохода из гаваней Сардинского материка во французские гавани. 14. 2 тосканские парохода из итальянских гаваней в Марсель. 15. 2 другие тосканские парохода. 16. 2 неаполитанские парохода из Неаполя в Марсель. 17. 4 неаполитанские парохода из Неаполя в Сицилию и Мальту и из Неаполя в Марсель. 18. 2 испанские парохода из Марселя в Барселону. На Черном море. 19. 3 русские парохода из Одессы в Константинополь. 20. Между Галацом и Одессою. 21. 2 между Ялтой и Одессою. 22. 2 между сим последним городом и Николаевом. (В декабре нынешнего года будут ходить раз в неделю пароходы из Николаева в Анапу, Геленджик и Сухум-Кале.) 23. 1 пароход одного австрийского общества из Константинополя, через Садит и Самсун, в Трапезунд. 24. 1 пароход одного английского общества также из Константинополя в Трапезунд. 25. 1 пароход Дунайского общества из Галаца в Константинополь. С ним связаны пароходы, плавающие между Галацом и Веною. Французское пароходство в Средиземном море – самое обширное. Наша прекрасная Франция стала во главе этой сети. Покрывая Средиземное море, она заявляет, что Франция владелица этого моря. Я особенно сочувствую этому движению. Море, и именно Средиземное, – мой элемент. Я родилась всемирной путешественницей.

№ 93. Г-ЖЕ ДЕЛОЖ В ПАРИЖ

Одесса. Суббота, 8 декабря 1838 года

Воронцов стал очень ухаживать за мной по возвращении из Алупки. Я стала часто обедать у него и еще чаще проводила вечера у графини: я составляла ее обычную партию в вист. Окончив партию, мы уселись раз у камина.

– Вы именно из тех женщин, которые нам нужны. Вы имете много созидательного, и ваши дела останутся долго после вас. Строгая школа, чрез которую ваши люди проходят, не останется для них без хороших, последствий. Из вашей школы многие погибнут, но зато те, которые не погибнут, наверное выйдут людьми.

Он взял мою руку и держал долго. Он сделал какой-то условный знак, кажется, масонский, и дал мне почувствовать, что я имею право располагать его доверием. Тут мне припомнилось все, что я слышала от г. Керминьяна, от г. Гелля, что в сношениях с рабочими мужчинами или женщинами нельзя быть достаточно жестоким. Единственная наша обязанность состоит в том, чтобы мы извлекали наибольшую прибыль, а с нежничанием далеко не уедешь. Граф поднес к своим губам мою ножку, ему не очень далеко было за ней идти.

Видя, что он так непринужден, так доверчиво ко мне относится, я имела смелость спросить его, как он мог допу-

стить в Вознесенске, чтобы полиция так своевольничала с девками, приведенными из деревень при казачьих партиях. Неожданность вопроса его смутила немного, но он, вскоре оправившись, сказал мне:

– Я начну с того, что я в Вознесенске не был генерал-губернатором, все было в руках графа Витта. Но не стесняясь вам расскажу о том участии, которое я принимал в этом деле. Военная полиция заготовила их в количестве трехсот, это все были солдатские жены или дочери, которые промышляют тем же делом, и шли довольно охотно. Впрочем, как я уже вам говорил, я тут ни при чем. Граф Витт отношением за несколько дней до парада обратился ко мне с просьбою согнать из деревень триста девок, коих необходимо было иметь. Признавая требование графа Витта совершенно справедливым, я обратился к гг. Мулине и Компер, которых знал с самой хорошей стороны и как людей весьма предприимчивых. Я адресовался именно к иностранцам, потому что русского насилия сам не выношу. Мне противно своеволие мелких чиновников. Я знаю, что эти двести или триста девок с вами встретились на дороге и, кажется, еще на Днепре, в поместье Потье. Мне очень больно, что я был невинною причиною этой неприятной встречи. Но что же делать? Потребность была очевидная. Гг. Потье, Мулине и Компер охотно брались устроить дело. Они просили партию всего в тридцать казаков. Два дома стояли готовые в Вознесенске и их ожидали; пища им была приготовлена. Сознаться, что во-

дворить их учтивым образом было бы невозможно. В этом и заключалось все насилие полиции. Все мое участие ограничивалось сбережением дорог, по которым они проходили. Нельзя же надевать белых перчаток с таким товаром.

Я подала Воронцову мою руку и пригнула средний палец. Я уже давно постигла удобство этого знака. Я моей ножкой, кажется, вполне удовлетворила графа, но он мне сказал, что заедет в три часа. Ожидаю, что-то будет.

Школа драматического пения вполне устроилась. Старик барон и я часто, почти что каждый день ее посещали. Довольно часто ее навещали графиня Воронцова, Ольга Нарышкина, урожденная Потоцкая, графиня Северин. Потоцкая, Воронцова и Нарышкина поместили шесть девок и следили усердно за успехами. Они назначили потерявшего голос тенора Валиано и учителей танцев Тессье и Ланге. Тут я познакомилась с генеральшей Марковой. Граф Кологривов был неприменный член, старик Марини, очень высокопоставленное лицо, но бывший уже в отставке. Он незаконнорожденный брат покойного князя Кочубея или сын его. Школа так процветала, что обратилась в людный салон, в который входили и уходили, чтобы узнать городские новости. Это было для меня вовсе не последнее дело. Многие дамы входили, чтобы примерять корсеты. Я выписала от г-жи Клемансон (ул. Дю-Порт-Магон, 8) четыреста роскошных атласных корсетов. Все они, разумеется, были распроданы нарасхват. Хорошо, что лед не помешал плаванию. Но не в этом

штука, я когда-нибудь расскажу, какую сумму я нажила по милости Луизы Мейер, указавшей мне на брата ее, клави-кордного учителя, страшного бедняка. Я часто пользовалась осенью бригом, принадлежащим голландскому генеральному консулу Тэтбу де Мариньи, для моих и мужа моего ученых исследований. Его и бриг его все знали, и сами таможенные досмотрщики не обращали на него никакого внимания. Я у него наняла этот бриг на зиму и продолжала мои плавания. Я, кажется, проболталась не на шутку, но все равно, письмо идет через молодого князя Александра Ливена, который сдаст его на почту в Неаполе.

№ 94. Г-ЖЕ ДЕЛОЖ В ПАРИЖ

Одесса. Среда, 26/14 декабря 1838 года

Графиня Воронцова, Ольга Нарышкина, графиня Шуазель-Гуфье, графиня Собанская, сестра графа Ржевусского, что командует кирасирским полком твоего бофрера Демидова, княгиня Голицына, урожденная Каблукова, г-жа Попандопуло, m-me Родоконаки, княгиня Манук-Бей провели у меня канун Рождества. Эти дамы, поцеловавшись со мной, представляли мне каждая работницу с принесенным подарком. Тут были: две башмачницы от Шпрингер, две белошвей – от Дош и от Дрон, молодая девочка от парикмахера Пети и другая от Тино; закройщица от Биго и другая закройщица от Дютафуа. Визитам и приношениям не было конца. Я дала обед, настоящий пир Валтасара. Я когда-нибудь соберусь и опишу тебе его.

№ 95. ГРАФУ ГАСПАРЕНУ

Одесса. 26 декабря 1838 года

Г. Скальковский, заведующий статистическим бюро при гражданском губернаторе Левашове, поднес мне свою книгу «История города Одессы 1792–1823», которую я имею честь представить вашему высокопревосходительству. Эта, к сожалению, русская книга много распространяется о герцоге Ришелье и других деятелях, которых Россия заняла у нас. Г. Скальковский доставил мне очень любопытную записку о скотоводстве и рощении лесов в Херсонской губернии, пока еще не изданную. Граф Воронцов его прикомандировал, чтобы состоять при мне. Если вы, ваше сиятельство, найдете эту записку заслуживающей вашего внимания, то я полагала бы справедливым, в воздаяние его будущих услуг, вознаградить его орденом Почетного легиона. Оно вовсе не спешно. Я намерена приобрести несколько десятин леса в Бобринецком уезде, чтобы восстановить славу нашего имени в Новороссийском крае, которая – увы! – уже совсем поблекла. Порода малшерстных свиней очень способна к откармливанию на сало, которое можно доставлять в Алжир, равно как и копченые окорока. Этим промыслом с успехом занимаются местные жители. Корабли, приходящие в Черное море, могли бы быть снабжены оливковым маслом, ромом, виноградными винами, марсалай, портером, оловом в слитках и

свинцом – все эти товары имеют покупателей в Николаеве или Херсоне. Русские не способны к плаванию. Это дело ведут иностранные комиссионеры, которые вовсе не предприимчивы; они ожидают заказов. Какое первобытное хозяйство! Суда идут в Николаев или Херсон с вышеобозначенным фрахтом, нагружаются в одном из этих городов и сдают свои окорока и свое сало военному интендантству в Алжире и идут за товаром в Марсель, Бордо, где окажется выгоднее. Пока дела не кончатся, каковы барыши – не огласится. Следует обязать интендантство десятилетним контрактом. Я в виде опыта хочу снарядить экспедицию и испробовать дело моими собственными средствами.

№ 96. Г-ЖЕ «ДЕЛОЖ»

Одесса. Пятница, 28 декабря 1838 года

Я не знаю, отправлю ли я тебе мое письмо. Мы обязались честным словом держать дела в тайне.

Графиня велела удалиться моим слугам, двое из них были мои калужские косцы, которые начинали очень ловко прислуживать. «Нам не нужно этих гадких русских», – сказала графиня, и все в один голос потребовали их удаления. Я молча, но с досадой согласилась. Русским крепостным – цены нет. Когда мы все выпили и были нараспашку, пошел такой сумбур, что нельзя было узнать, кто госпожи, кто прислужницы. Это было нечто вроде ниневийского или вавилонского торжества, где рабам служили господа. На другой день я всех десятерых мамзелей должна была отправить в часть, чтобы они не зазнались чересчур и, чего доброго, не вздумали выходить из повиновения. Я не описываю тебе моего новоселья, ни дать ни взять как бывало, когда мы были у госпожи Шаретон.

№ 97

Кларовка. Воскресенье, 10 марта 1839 года

Вот уже три месяца, что я в Кларовке у генерала Потье. Мы с ним очень сблизились. Вассаль тоже женат на одной из дочерей г-на Рувье, как Потье. Оба имения соседни; оба хозяйства заслуживают описания. Император Александр, всегда либеральный, не ограничился тем, что дал займы г-ну Рувье сто тысяч франков, но отдал также в его распоряжение корабль для перевозки своих мериносов, закупленных в Испании, и, по возвращении, подарил несметное количество степей. В Кларовке около двадцати изб, разделенных на два отделения, в котором удобно помещаются два семейства. Но главное – экономия, в которой помещается рабочих гораздо более, чем во всей деревне. Низенький и весьма длинный дом, покрытый дерном, служит помещением приказчику. Рядом с господским домом помещены кухня, ледник, птичий двор, прачечная, погреб для плодов и для овощей. Немного вдали – сараи и конюшни на двенадцать лошадей, немного в стороне – казармы для рабочих, кузница, дом садовника, дом мельника. По дороге в деревню – две ветряные мельницы.

№ 98. Г-ЖЕ ДЕЛОЖ В ПАРИЖ

Вторник, 12 марта 1839 года

Я оставила мужа в Переволочной, где ему надо было быть для исследования местности, и мы расстались, вероятно, до октября или, пожалуй, до ноября. Мой дормез и фургон уже ожидали меня на постоялом дворе с моими людьми и очень ловким, но очень мелким почтовым чиновником, который назывался Филомафицким. Я познакомилась в Одессе с бароном Пфафиусом и женой его, графиней Малаховской. Ничтожное место, кажется, исправника или что-то в этом роде ему выхлопотала графиня Воронцова. Но он светски стоял выше своего места и тем паче жена его, принадлежавшая к очень аристократической и богатой фамилии. Она вышла замуж по любви и не получила никакого состояния. Они оба были поляки, и тем сердечнее было наше сближение; я с русскими почти никаких сношений не имею; они слишком «простой» для меня; я не могла пересилить внутреннего чувства собственного достоинства. П«фафиу»сы, однако, устроились очень элегантно: доходы, по-видимому, должны были быть значительными. Я у них встретила барона Ф«ранка», который мне и назначил рандеву в Переволочной.

Они меня очень радушно приняли, несмотря на тревогу, им причиненную очень значительной кражей, которая была сделана у самого барона Ф«ранка». Преступниками оказа-

лись лакеи, жид и жидовка, скрывавшие украденные монеты. Барон Пффауиус распорядился молодцом, едва ли русскому удалось бы так энергичски произвести дознание. Лакей после пятидесяти ударов палками, показал, что монеты находятся у жидовки, и, скинув совершенно добровольно – никому не вздумалось его обыскивать – свои сапоги, вынул из тряпок, обвернутых на ноги, те две тысячи рублей ассигнациями, которые он получил в уплату. Оставалось только привести к сознанию господ жидов, а это дело было не совсем легкое, потому что граф Воронцов стоит горою за жидов и вообще за всех иностранцев и не терпит, чтобы русские их грабили. Политика очень мудрая и дальновидная. Оба жиды, муж и жена, содержались в доме Пффауиуса. Их три дня держали на строгой диете, им давалось в день по две селедки и ни капли воды. Две дочери проводили весь день с родителями, их отпускали на ночь, против них никакой жалобы принесено не было. Им, однако, отпускалась та же порция. Дочерям производила сечение розгами сама баронесса, как малолетним. Несмотря на горячую любовь, которую родители питают (как вообще все жиды) к своим детям, старики упорствовали. Пасха у нас была в этом году вместе с жидами. Они вытерпели страстную пятницу, субботу и воскресенье. Вечером в понедельник, по возвращении нашем с экзекуции в имение барона Франка) – это имение и была цель моего рандеву с бароном, – укрывательство было обнаружено. Лицо Пффауиуса просияло: он очень боялся, что

покражи у жидов не окажется и он останется в ответе перед графом Воронцовым. Н-ну пришла мысль раздеть обоих жидов. Найден был кожаный пояс под платьем жены; оттуда посыпались золотые, отлично сохранившиеся монеты Савромата, Котиса, Рескупориса, Евпатора, Ромиталкеса, Митридата. Они достались мне, и я горжусь этим подарком. Я их продам в Королевскую библиотеку. Барон П<фафиу>с дал жидам подписать какие-то бумаги и напоил их английским элем. Выездного лакея барон Ф<ранк> отдал жидам. Ростом он два аршина двенадцать вершков, телосложения крепкого, молод; значит, годится в рекруты. Жиды свое получили и даже с немалым барышом. Они с живейшею и многоречивою благодарностью живо поплелись домой. Мы совершенно дружески, как ни в чем не бывало, пожелали им счастья. О деньгах, которые взял себе П<фафиу>с, не было и помину. Н-н пошел переодеваться, ему гадко было, что жиды могли дотрагиваться до его платья своими сальными руками.

Мне вся эта сцена была противна, и я также захотела умыть себе руки. Надо вам сказать, что он одевается по-дамски и держит себя, как знатнейшая из наших парижских модных львиц. На нем все безукоризненно, от шелковых ажурных чулок с чудными узорами и башмачков на высоких каблуках до головного убора. Он все время не снимал своей бархатной шляпы с чудными кружевами (за нее заплачено в Париже пятьсот франков), с тремя большими страусовыми перьями. Талия у него в перехват моих пальцев, а нож-

ки просто чудо из чудес, и что он выделял ими – трудно сказать, до соблазну доводит; эти ножки, кажется, даже способны прельстить любую женщину. Я в него просто влюбилась. А между тем забыла вам рассказать, что мы делали в понедельник.

С приезда своего Н-н очень сильно настаивал, что возмущившихся крестьян должно примерно наказать. По крайней мере, следует расстрелять троих, более виновных. Действительно, поутру в понедельник пришло повеление их расстрелять. Остальных (их было всего двадцать семь) сослать на кааторгу, некоторых прогнать сквозь строй и скрыть с лица земли их только что отстроенные жилища. Выселка к вечеру как бы не существовало. Н-н поднялся очень высоко; какие, значит, у него сохраняются связи, хотя он в ссылке, в деревне и живет под надзором предводителя. Но самому Н-ну, кажется, вовсе не нравились чересчур почтительные демонстрации, которые ему делал барон Ф<ран>к и барон П<фафи>ус. Н-н был очень горд и светские привычки ставил выше всего. Одним словом, он чувствовал себя настоящей Помпадурой. Он на этом помешан был. О жене П<фафиу>са и говорить не стоит, она была крайне глупа, и ее рабское ухаживание за молодым князем было противно; гадко было смотреть. Барон Ф<ранк>, правда, также целовал его ножки, но тут, по крайней мере, чувствовалось что-то особенное, как бы невольное поклонение перед этой странной личностью.

Мы поехали вслед за бароном, в открытых санях, а la

d'Aumont два жокея ехали за нами. Мы ехали гораздо медленнее, чем лошади, запряженные по-русски. Оно иногда приятно, если куда спешишь. Я русского запаха не выношу; сидит бородач кучер на козлах, почти что у вас на коленях. Я в Париже мою четверку скоро отдала моему английскому кучеру. Он на них немедленно надел мундштуки, и лошади проехали Елисейскими полями взад и вперед, как шелковые, four in hand, я сама сидела с англичанином на козлах. Ухабы невыносимы с русским кучером. Одним словом, это ужасное варварство, лошадей сразу и не удержишь. А тут опять ухаб. Мы послали наши фургоны вперед, чтобы все приготовить для нашего приезда. Мы проехали садом, чтобы не мешать приготовлениям, или Н-н не хотел показываться перед властями в своей помпадурской обстановке. На нем было розовое платье из фая, с кружевной обшивкой ниже колен и двумя кружевными воланами, которые шли от талии до низу с двумя округленными концами. Свежие розы были нашиты по кружевам на юбке, лифе и на рукавах, по кружевам букет из розанов на левом плече и такой же букет на кружевной приколке, который покоился на высоко взбитых, напудренных волосах. Под платьем был панье. Он мне подарил свою чудную шубу, сшитую из темных соболей.

Я тебе советую брать у Клемансон. Оно, оказывается, совсем не так неудобно, как кажется. Я не описываю тебе моего костюма, который изображен в «Дамском журнале» от 31 января, № 1515. Я тебе, впрочем, его прилагаю. Я толь-

ко что получила его в Одессе в первых числах марта. Какое расстояние и какими устарелыми приходят наши моды, а одесские франтихи в них с полной самоуверенностью франтят. В магазины они доставляются еще позже, только не от наших мастериц: туда везут парижский хлам. Ты едва встретишь женщину, порядочно одетую, и это – новоприезжая из Парижа, приехавшая на пароходе. Надо свыкнуться с этой страной. Вообрази себе, в Константинополе туалеты менее шокируют, чем в Одессе. Не понимаю, отчего это происходит.

№ 99. Г-ЖЕ ДЕЛОЖ

Верхнеднепровск. Пятница, 15 марта 1839 года

Я сюда приехала, чтобы скрепить некоторые бумаги в суде. Я просто влюблена в Н-на или правильнее Н-ну. Удивительно, какие она туалеты делает, и я принуждена им вторить. Чистое разорение! А не гоняйся за ней, разом лишусь обещанного состояния. Ей надевали шелковые ажурные чулки, вышитые на подъеме. Ее чудные ноги были обуты в розовые атласные башмачки, совершенно остроконечные. Когда я вошла в комнату, уже переодетая мужчиной (я была одета амуrom Людовика XV), она себе велела подать зеленые, как мои, надела их и велела дать пряжки из чудных, большущих бриллиантов. Их можно носить, как гребенки, над локонами. Бриллианты были так хороши, что заставляли мечтать о себе. Я невольно приклонила колени и стала молиться на них.

В это время расстреливали виновных. Н-н каждый раз подходил к окну и стрелял по этим несчастным. Это каждый раз производило во мне сотрясение. Моя кровь кипела от негодования. И все это из-за непосеянного картофеля! Мужики говорили, что это чертовское зелие. Что за варвары! Они накинулись на начальство и двоих из них убили. Трех расстреляли, шестнадцать человек кнутом наказали и отправляют на каторгу в Сибирь, восемь человек сквозь строй прогнали; солдат было по сто человек с каждой сторо-

ны. Они проходили шестьдесят раз сквозь строй, и многих должны были положить на тачки, потому что у них более сил не хватало. Они, конечно, заслуживают наказания, но зачем так варварски, так медленно наказывать? Как можно сравнить с гильотиной! Гильотина гораздо лучше: она действует скоро, а русские палачи щеголяют как будто своими кнутами. Они их прилаживают с расстановкой и потом ударяют. Мы бы не выдержали. Здесь этого еще не понимают. Я помню, как Морни мне читал из отцов церкви; кажется, Иоанн Златоуст, говоря о зрелищах в Древнем Риме, распространяется об истязаниях, которым подвергались древние христиане; он пишет, что ему сначала было противно, он даже глаза закрывал, чтобы не видеть мучений, а потом открывал глаза и смотрел с удовольствием.

Если в твоей библиотеке еще нет этого замечательного перевода аббата Гильома, то пошли за Франсуа в Компьен. В третьем шкафу, на краю от двери, на четвертой полочке, в творениях отцов церкви, том XXI, если не ошибаюсь, а не то вели принести том IV Тертулиана; в нем прочтешь главу о зрелищах. Оба очень поучительны и живо изображают нам большой свет. Если ты не найдешь ни в том, ни в другом, то поблагодари меня за указание хороших книг. Выдавать под расписку г-же Делож и только по одной книге зараз, которую спросит; камердинеру Франсуа – в Компьен.

Мне, впрочем, припоминается, что ты, вероятно, этого не найдешь в сокращениях аббата Гильома. Мне помнится, что

многие тексты Иоанна Златоуста мы читали с Морни в латинском переводе. Я двенадцати лет читала Лукиана по-гречески с Адамантом Кораи и заставляла его краснеть моими объяснениями греческого текста. Никто из переводчиков Лукиана, даже латинский, не понял самого текста и доселе. Я тогда готовилась в гувернантки, и, быть может, лучше было бы. Нет, но спокойнее. Я умела бы вертеть людьми, и мне бы наверное попался такой, который годился бы мне в мужья. Герцог или, по крайней мере, маркиз. Что я за вздор с тобой мелю!

Н-н все твердит: мало им досталось за дерзкое слушание. У него странная смесь изнеженности женщины и неутолимой взыскательности военного человека; двух лет нет, что он носит военный мундир. Непонятно.

– Если бы на вашем месте сидела тут Помпадур, она воспротивилась бы этим злодеяниям.

– Не думаю, – сухо отвечал Н-н и попросил к себе барона Ф<ранка> с нами втроем отобедать. Н-н занимал верхний этаж, имел свою прислугу и поваров и жил совсем отдельно. Барон, не любивший оргий, немедленно поднялся наверх. Я так много говорила о моем страстном желании иметь земли, населенные крепостными крестьянами, особенно с тех пор, как мой муж получил Владимирский крест, прямо дающий потомственное дворянство. Он присягнул немедленно, по моей просьбе. Он немного кобенился, но я его убедила и умастила. Он вступил в государственную службу в Горное

ведомство гютенфервальтером. Я теперь имею неоспоримое право владеть моими собственными крепостными крестьянами.

За обедом барон мне сказал, между прочими любезностями, что он мне подносит около тысячи десятин на Буге, в пятидесяти верстах от Вознесенска и в восьмидесяти верстах от Одессы, недалеко от Аделаидино, так что земли смежны. Он уже дал приказание отправить около пятидесяти отцов семейств, людей, выбранных от двадцати до тридцати лет, со всеми стариками, с детьми и женами, которые готовились выступать в поход с их телегами, запряженными парой волов. Он был настолько любезен, что к их скарбу присоединил еще около сорока пар волов, которые оставались излишними при уходе бунтовщиков в Сибирь. Я бросилась к нему на шею и страстно поцеловала его. Н-н входил в это время в комнату и снова удалился в порыве нескрываемой ревности. Барон очень рассердился на меня за необдуманность моего поступка. «Если нам придется полюбить друг друга, то ради бога не при посторонних. Вы должны себя держать крайне сдержанно. Я человек должностной и женатый». Он точно подавился, говоря, что он женат. Я уехала одна, конечно, с моими людьми, в дормезе, поставленном на полозьях. Какая разница с полувозком, полукибиткой моего мужа, меня все время тошнит в нем. Барон поскакал впереди, чтобы сделать необходимые приготовления к моему приезду. Мы остались вдвоем – среду, четверг и пятницу. Барон умолял меня рань-

ше трех дней не приезжать. Я, само собой разумеется, воспользовалась его разрешением.

№ 100. ГРАФУ САЛЬВАНДИ

Воскресенье, 17 марта 1839 года

Невозможно искоренить в человеке желание проявлять свою мыслящую способность и сообщать ее себе подобным. Ежели бы полшара земного было заставлено книгами, ежели бы на каждом шагу кричали: «Все, что можно выдумать, все, что можно сказать, все было выдуманно и сказано прежде вас», – и тогда бы люди не перестали писать и печатать, и это не прекратится до тех пор, пока человек будет человеком. Что ж это значит? Не что иное, как то, что дух человеческий есть изливание духа теоретического; в ком этот дух пробудился, тот не может уже не творить. Каждый человек, в котором развернулась способность размышления, хотя бы он не писал, не печатал, есть творец, потому что каждый мыслящий человек, соображая, обдумывая предметы, выводит свое заключение, упрочивает свое убеждение, свою веру. Нет нужды, что прежде тысячи людей обдумывали те же предметы и достигли того же верования, но он это произвел движением собственной мыслящей силы, и потому это убеждение есть его творение, его дитя, которое он любит; вот почему бывает людям так трудно расставаться с ложными своими мнениями, которые иногда порождает дух, отуманенный страстями.

Нет, право, не стану упрекать поэтов, пускай ползут себе на вершину Пинда, упиваясь своим пением. Одно условие:

не терзать ушей человеческих, читать только добровольным слушателям, а ежели их не найдется, то снисходительным четьрем стенам своей комнаты повторять громогласно, с живою декламациею свои высокие творения. Разве этого недостаточно? Кто со мною не согласен, тот не поэт, тот не знает наслаждения слушать себя самого!

Но шутки в сторону. Кто из писателей не испытал торжества души, когда в уме рождается светлая мысль и выливается в звучном, стройном, удачном выражении на бумагу? С чем эти минуты сравнить можно? Что может доставить подобное? Все земное забыто, все прах, душа плавает в сфере возвышенной, в мире духовном. Может быть, эти сладкие мгновения намекают на жизнь замогильную, когда душа, освободясь от уз страстей и суеты земной, которые ее здесь давят, будет погружаться в созерцание чудес надмирных и издавать звуки стройные, возвышенные, в честь и хвалу творцу своему. Если можно минуты назвать счастьем, то это счастье меня посещает тогда только, когда я с пером в руках за письменным столом или когда в летний прекрасный день на высокой горе могу беседовать без свидетелей с небом и землею.

№ 101. Г-ЖЕ ДЕЛОЖ

Вознесенск. Среда, 20 марта 1839 года

Путешествие совершилось так себе, с горем пополам. На козлах сидел рядом с кучером почталион Филомафицкий. Он безбожно дрался с ямщиками. Я его, впрочем, не бранила, я уже знала, что без этого в России нельзя. Это было бы крайне неприлично, и ямщики не так бы охотно ехали. Странный народ! У меня прибыло двое служителей, которых мне подарил Н-н; они также были вооружены. Около дверец дормеза стояли четыре вооруженные казака, на случай, что карета рискует опрокинуться. Я точно на войну собиралась. Это мне устроил Н-н; он ужасно боялся, чтобы на меня в этих степях не напали бы шалившие по дорогам крестьяне. Мои девушки ехали впереди в фургоне, положенном также на полозья. Они сидели в приделанной назади фургона вроде коляски. Я их всегда могла иметь, когда они мне нужны были, – только стоило платком махнуть из окошка. Казак ехал на перекладной мне заготавливать лошадей. Из Верхнеднепровска наш путь шел через Кременчуг. Я останавливалась на два дня в Елисаветграде. Я очень хорошо спала. По настоянию Н-на, один из моих выездных лакеев, прошлогодних калужских косцов, спал в коридоре у дверей моей комнаты; а у другой моей двери – другой косец. Они носили весьма чистое белье и приучили себя так чисто держаться,

что их, пожалуй, в постель можно было пригласить. Говорят, что с принцами и лакеями не следует ложиться в постель. А на диване можно? Напиши мне, что ты об этом думаешь.

Проехав несколько станций, я увидела целую колонну переселенцев. Это были мои мужики. Мне чудилась, что я застаю один из моментов того древнего переселения народов, ещедвигающихся с Востока на Запад, в силу какого-то определения неведомой судьбы. Они передвигались в силу моей воли. Если бы я не съездила в Верхнеднепровск, то они бы там и остались. Я, значит, орудие провидения. Я маленький бич божий. Я и тому рада; оно щекочет мое самолюбие. Временное политическое соображение или просто хозяйственное двинуло одну массу народа занять места, давно насиженные. Прежние обыватели встали и пошли гулять, пока не явился Аттила и не организовал само переселение. У меня сердце забилось очень сильно; проехав в дормезе несколько шагов, я велела остановиться и вышла, объявив им, что я их помещица. Они все разом кинулись в ноги. Я велела вынуть из фургона четыре окорока ветчины и сотню яиц вкрутую. Вообрази, что эти варвары отказались, говоря, что у них великий пост. Я, немного вспылив, хотела подать знак моим казакам, чтобы они, откатав их нагайками, дали бы им памятный урок, что значит французская учтивость. Но опомнилась и велела им подать водки и черного хлеба, коим я запаслась в Елисаветграде у одного полковника, командующего округом, Варпаховского. Окорока и яйца я им оставила

для их разговения, до которого осталось еще недель около двух с небольшим; как бы яйца не испортились. Они с радостными криками приветствовали меня и, несмотря на утомительный, почти девятидневный путь, начали петь.

В Вознесенске я остановилась, чтобы видеть князя Б-а. Я осталась обедать у князя. Он, кажется, командует гусарскою и уланскою бригадами. Я с ним очень сблизилась в Одессе. Он был видный мужчина, с черными, как смоль, бакенами и усами и с огромным носом. Его наружность явно обличала его нерусское происхождение.

№ 102. Г-ЖЕ ДЕЛОЖ

Аделаидино. Великий четверг, 16/28 марта 1839 года

Вчера земля была еще промерзлая, а нынче можно было сеять, Я немедленно отдала приказ, чтобы тридцать из моих новеньких мужичков шли завтра, чем свет, подымать новину не глубже двух вершков под гирку, просо и лен. Барон меня застал рано утром уже на работах. Я ехала верхом, смотря внимательно, как пахали и с должною ли чистотой боронили. Я велела боронить двадцать десятин, вспаханных в прошлом году, и посеять арнаутку. Боже упasti, чтобы глыбы были не размельчены. Я сама похлестывала моих неряшливых работников скаковым хлыстом каждый раз, что моя лошадь оступится. Так меня застал барон. Мой Шеригигадоглу тотчас подлетал и ножами старой кавалерийской сабли чистил их по головам. Я его спрашивала, откуда он достал саблю такой курьезной формы. Он отвечал, что получил за храбрость от Мегмет-Али. Ты себе представить не можешь его хвастливости; как негр, вышедший на поруки из тюрьмы, хлещет этих тридцать здоровенных мужиков. Не правда ли, странно? Ты с твоим политическим чутьем, наверное, мне объяснишь. Пожалуйста, напиши.

Я немного сконфузилась, что барон меня застал за таким не дамским делом, но он нахвалиться не мог и удивлялся моей распорядительности. Он во мне не чает души. Я предоста-

вила распоряжаться моему приказчику, родному брату одесского музыканта Мейера и нашей доброй Луизы Мейер, но носящему другую фамилию, Салман, не знаю точно, почему. Он, кажется, под судом и оставлен на сильном подозрении и под своим настоящим именем не может управлять имениями. Мне это все равно, он мне нужный человек и, по свидетельству барона, очень опытного хозяина, умеет взяться за дело. Он просто клад, а если узнаешь поближе, то уверишься, что он при разнородной его деятельности сущее сокровище. Он очень хорош с военным начальством, а это главное в здешнем крае, находящемся и в судебном отношении под военной властью. Впрочем, до суда нам дела нет. Я велела моему груму дать свою лошадь барону. Я не помню, говорила ли я тебе о моем верном Шеригигадоглу? Он чистокровный негр из донгола, я его освободила из Одесской тюрьмы. Он немного выучился по-французски. Сожалею, что не могу брать его дальше моей деревни. Он служил у герцога Немурского, я его помню в Компьене. Он что-то напроказил, и ему дали бежать в Константинополь; в Константинополе он опять что-то напроказил, кажется, убил турку; его отправили на каторгу в Терсане, там его взял князь Василий Кочубей и, приехав в Одессу, подарил графине Воронцовой. От нее он попал опять в тюрьму. Я насилу выхлопотала у графа Воронцова, чтобы мне его дали на поруки, но с условием запрещения въезда в Одессу. Он курьезный человек и готов за меня в огонь и в воду.

В лесу человек тридцать, старых и малых, и пятьдесят женщин наряжены были очищать лес, собирать старые ветви и расчищать сад; прежде всего я велела осушить и посыпать песком хотя одну каштановую аллею. Она сохранилась, когда сажали самый лес, тому лет сорок; кажется, прежнего владельца звали Мезон или Демезон. Я очень рада владеть именем, которое обязано своим существованием моему соотечественнику. Я чувствую себя дома. Я восстановлю все его предначертания. Сорок семейств новых поселенцев пусть обрабатывают землю. Сто сорок моих прежних рабов, мужчин и женщин с их детьми, пусть работают на фабрике, которая теперь уже два года не работает. Станки все сохранились довольно исправно.

Барон все мои планы вполне одобрил. Мы поехали по лесу, погруженные в наши размышления, и въехали в каштановую аллею. Подъезжая к дому, я сошла с лошади и пошла по разостланному песку вплоть до дому.

– Как сухо ходить, – сказала я барону, выходя из моего раздумья.

– Не мудрено, земля здесь насыпная и убитая исстари щепнем, а в лесу нельзя было бы двух шагов сделать, – сказал барон.

Мы снова задумались. У меня хозяйственные соображения так и роились, и мне весь мир казался таким жалким. Где вы все, запорожцы мои? Вас вытеснили с ваших раздольных и привольных степей. Вы бились с турками и поляками,

а вам бы следовало ударить на русских и постоянно тревожить их. А теперь вы пропали навеки. Я теперь стала одной из ваших повелительниц и прошу не зевать, я зевать вовсе не намерена. Мне стало страшно скучно, а дело только с стариком и могло подвигаться. Я пошла одеваться. Прощай, моя ненаглядная.

№ 103. (Г-ЖЕ ДЕЛОЖ)

Аделаидино. 5 апр. 1839 г. (страстная пятница по-русски)

Я вчера пошла одеваться, кажется, в страстную пятницу – ужасно сбивчив этот розный календарь. Русские не могут даже привести это в порядок, хотя уже Петр Великий думал об этом, живя сам в цивилизованном мире. Он дал слово в торжественном собрании в Сорбонне согласовать оба календаря и подчинить русскую церковь нашей; видно, на это характера у него не хватило. Но, впрочем, тебе все равно и мне тоже. «Мне наплевать, да и твоя сестра счастливее ли от этого?» – как мы, бывало, говорили в пансионе.

Меня ожидали, кроме моих девушек, еще приказчик Мейер и один престарелый хохол (так называют русские малороссиян). Они от русских совершенно отличны, их по-настоящему не следует считать русскими, а рутенами. Они много имеют общего с поляками. Мне Мейер доносил, что одна из моих девушек начинает баловать. Пример скверный. Он мне советовал выдать девушку за двенадцатилетнего сына этого хохла; он вдов и имеет еще старшего сына. Они могут поселиться в лачужке в лесу и присматривать, чтобы лес не воровали. Он на это еще годен. Я его отпустила милостиво, он прежде у барона ходил в чумаках за солью и пьяный отморозил себе ноги. Я ему велела взять девку, не желая иметь при

себе горничных зазорного поведения, и разрешила женить старшего сына на одной вдове, из моих дворовых, которую не помню кто мне подарил в Одессе.

Приказчик мне доложил, что всех новых работников он разместил на первое время в двухэтажных казармах в одиннадцать окон с каждой стороны, так что все сорок четыре семейства могли очень удобно разместиться. Нижний этаж, в котором окошки были наглухо забиты тростником и глиной, доставил очень хорошее помещение для рабочего скота. Коровы, разгонные лошади и овцы были размещены в хлевах и под навесами. Три семейства лесников уже прежде помещались в лесах на пространстве десяти верст. У них земли в разных местах считается до сорока десятин. Новый лесничий займет вторую хату, которая осталась не занятой после покойника.

Мейер смотрел, как обували мои ножки в розовые чулки, и ежеминутно заглядывался; он, несмотря на его рожу, должно быть, знаток. Кто бы это ожидал? Мне приготовили черное бархатное платье с вышитыми по всем швам маленькими розами с зеленью. Я надела светло-серые гроденаплевые ботинки – это просто прелесть! После обеда я села играть на клавикордах, мастерски сыграла очень трудную пьесу Фильда, играла вальс Вебера, что его очень растрогало; пела его любимые романсы и арии из новейших опер. Я играла два часа битых. Мы сели вдвоем в двойное кресло перед пылающим камином и просидели еще два часа, занимаясь

всякой болтовней. Я вытягивала мою ножку и подымала ее очень высоко, но все это было «для короля прусского». Ты, верно, догадываешься, что я ему, как Демидову в Париже, держу торбу еще выше. Ты вполне угадала, но ты не угадаешь, если я тебе не доверю, кого я безумно люблю. Я люблю без памяти молодого польского дворянина Олыщанского. У него большой талант к живописи. Я его завезла, когда приезжала смотреть Аделаидино в первоначальном виде. Днем он пишет много; я его принимаю по ночам, когда мы одни, и мы ночи проводим, говоря о любезной Польше и об Украине, которую он очень любит, но не так, как меня. Я его страшно люблю и им горжусь. Вообрази, он от меня ничего не берет, даже за свои рисунки. У меня их набрался целый альбом, и я их часто посылаю в «Дамский журнал» и другие иллюстрированные журналы. И даже за них он отказывается от платы; по меньшей мере я ее насчитываю до четырех тысяч франков. Это просто несносно, и у нас часто до ссоры доходит. Ты знаешь, я и ты, мы очень редко щедры. Он очень беден, надо ему помочь, и я не знаю как? Я ему сделала бархатную, зеленого цвета, очень богатую шубу, обшитую золотым галуном, красный контуш с золотыми галунами – вот и все. Шубе и контушу он был рад. Он любит щеголять и рад был надеть свой национальный костюм, что у них князь Паскевич не особенно долюбливает. В боковой карман контуша я ему положила в зеленом бархатном портфеле, шитом золотом, тысячу франков. Он мне возвратил деньги с портфеле-

лем: «Вы, вероятно, ошиблись». Он мне сказал «вы». Я навзрыд зарыдала, говоря, что я сама его вышивала. Он остался неумолим. Правда, он так жарко целовал меня и утирал слезы, что я невольно усмехнулась и предалась в его объятия. Как ему помочь? Отвечай, пожалуйста.

Я весь апрель и, может быть, май пробуду в Екатеринославе. Мне там обещают массу наслаждений, но в случае, если будет скучно, то вернусь и ранее, разумеется, в Аделаидино. Пиши генеральше Марковой для передачи г-же Оммер де Гелль в Екатеринослав, в ее собственный дом, А там я велю оставить мой адрес, куда я уеду. Я оканчиваю письмо бедной вдовой. Мой чичисбей, наконец, уехал в Екатеринослав, точно таким же, каким приехал, и я его провожала верхом до границ моего поместья. Я дописываю письмо и ожидаю Ольшанского. Что он так долго не идет? Я заезжала верхом сама его звать, уже будет с полчаса. Он, верно, пишет масляными...

№ 104. «Г-ЖЕ ДЕЛОЖ»

Екатеринослав. Понедельник, 8 апреля 1839 года

Я немного опоздала и приехала 7 апреля вечером, в самый праздник по русскому счету. Ольшанский довез меня в Екатеринослав. Я так устала, так утомлена, так огорчена его отъездом, что пролежала весь понедельник на моей кушетке и велела запереть двери, чтобы никого не впускать, кроме его превосходительства Андрея Александровича Певутина, екатеринославского губернатора. Я ему послала с моей карточкою привезенные к нему письма. Он явился около двух часов и просидел у меня два. В самый интересный момент влетела без доклада генеральша и поспешно удалась, пригласив меня завтра в двенадцать часов. Певутин так был взбешен, что, по моей просьбе, велел выпороть моих двух косцов в части. Оплошность непростительная. Барон Франк прислал мне свою карточку с извинительным письмом. Каков? Как тебе это нравится? Его служитель, обождав немного, когда моя служанка вышла, вручил мне довольно тяжеловесный пакет. Это меня успокоило, и я сожалела, что обошлась в Аделаидине немного сан фасон. Он мне ужасно надоел, и я рада была иметь хоть день отдыха. Проводив его, я все, по-видимому, исправила. Дело в том, что он довольно стар, а объявляет себя влюбленным в меня с первого взгляда и объявляет себя моим чичисбеем, моим кавалье серван-

те и ничего больше не просит. Ты скажешь, он подарил тебе имение. Душа моя, это пустяки, за мою любовь платят дороже. Он видный мужчина лет пятидесяти, одевается безукоризненно, т. е. для Екатеринослава, завит, надушен, в лакированных сапогах – это все имеет свою прелесть, особенно здесь. Но он действует так медленно и наводит на меня такую ужасную скуку своею нерешительностью. К счастью, дела его не позволяют засиживаться. Он постоянно бывает в разъездах. Я этим далеко не оскорбляюсь, напротив того. Я от него ожидаю сто тысяч франков, не считая пятидесяти, которые он мне прислал вместо красного яйца на праздник, но больше ради скуки, которую он нагнал на меня в Аделаидине. Прощай, красавица, ты, верно, при муже очень похорошела и, наверное, меня, бедную, вполне апробуешь. И ты, наверное, так поступила бы, если бы не родилась с миллионами. Смотри, отвечай, положи руку на сердце. Я сейчас увижу, если ты врешь.

№ 105. «Г-ЖЕ ДЕЛОЖ»

Екатеринослав. Вторник, 9 апреля 1839 года

Я приехала к генеральше. Они были за роскошно сервированным завтраком. Мне было так совестно, что я едва решилась войти в зал. Это, говорят, общий обычай в России, чтобы накрытый стол накануне пасхи не снимался вовсе в течение недели. Генеральша, уведомленная о приезде моем, выбежала мне навстречу и втащила меня за руку. За столом было человек до тридцати. Князь Б., брат генеральши, взял меня под руку и посадил рядом с ним. Князь продолжал начатый разговор, мне его вкратце повторив. Я не знала, куда мне деться, слушая его рассказ: я поминутно краснела, так мне все было диковинно, но я, однако, слушала обоими ушами. Сама генеральша на вечерах у Воронцова приучала меня к очень нескромным вещам. Я в первый раз слышала, чтобы о подобных вещах говорили при девушках шестнадцати и семнадцати лет, при юном Маркове, при гувернантках, гувернерах. Ты себе вообразить не можешь, будь уверена, что я недаром конфузилась. Князь Б. начал свой анекдот:

– Мистрис Сквейрс, которая держит свой белошвейный и модный магазин здесь в переулке, была завалена заказами к светлому празднику. Наступил праздник, заказанное белье было не готово, работницы отказались от работ или потому, что не хотели вовсе работать в субботу, на самое светлое

Христово воскресенье, или потому, что были действительно изнурены. Англичанка их перехлестала хлыстом, и, в силу своего права заставлять их работать, как и когда ей угодно, она принудила их очищать ямы, т. е. употребила своих работников в качестве золотарей.

– Мы так и пишем контракты, – сказала генеральша, – с дамами, содержащими значительные магазины, которые рассчитывают на уважение. Я никогда не составляю другого контракта, когда я им доверяю моих девок. Контракты не знают никаких исключений. Если мистрис Сквейрс потребовала, чтобы они в ночь на светлый праздник занялись работой золотарей, то это, стало быть, так и нужно было. Для них нет никаких праздников. Работа к спеху – ну и делай без оговорок.

– Вы вернулись в вашу комнату, – продолжал князь свою речь, – и я вошел за вами. Мы подошли к открытому окошку: масса девок, с запачканными лицами, все тело покрыто нечистотами; они бежали вразброд по двору. Мистрис Сквейрс бежала вдогонку за ними. Ее сопровождала мать ее, мистрис Жаксон, с двумя англичанками, подмастерьями, все четыре вооруженные железными аршинами. Шесть дворников и кучеров с кнутами и палками в руках их жестоко валяли по спинам и по плечам. Мисс Пенелоп подбежала, как Тальони в «Сильфиде», юбка из белого муслина, поднятая до колен, – это чрезвычайно было кокетливо, я вам даю слово, – порхая своими чудными ножками, обутыми в черный атлас

и, чтобы их не загрязнить, перелетая на цыпочках. Она ударяла работниц по головам своим волшебным жезлом и стремительн о накидывалась на них, как арабская кобыла, когда забьют тревогу. Она скоро собрала всю разбежавшуюся массу своим пастушеским посохом, и девки, прихрамывая, пошли на работу, разнося по двору страшное зловоние.

– Мистрис Сквейрс меня предупредила, – перебила генеральша, – с вечера, я тогда и пригласила вас войти в мою спальню, чтобы лучше видеть. И тогда же отдала приказ, чтобы ворота были заперты и чтобы дворники и кучера были бы наготове с своими кнутами. Я весь дом подняла на ноги. Мои люди мне так преданы.

– Я вижу, что моя сестра начинает сердиться и что она бросает на меня осwirепелые взоры. Я тороплюсь добавить, что я преклоняюсь перед миловидной мисс Пенелоп от всего моего сердца и что я с того дня из числа ее поклонников.

Мисс Пенелоп очень мило улыбнулась князю, давая ему чувствовать, что речь его вовсе не неприятна. Племянницы генеральши, две молодые девушки пятнадцати лет (они были двойчатки), очень красивые и весьма щеголевато одетые, смеялись до упаду и поддразнивали князя своими вопросами. Мисс Пенелоп сидела рядом с князем по другую сторону, я сидела между князем и сестрою. Завтрак совершается запросто, сидят как попало. Мисс Пенелоп сказала очень дружески, обращаясь к князю:

– Я не думаю, чтобы закон запрещал понуждать работниц,

служителей и служанок работать по праздникам. Такой закон существует, но он только относится к крестьянам и едва ли когда-нибудь исполняется, по крайней мере в здешней стране. Здесь по обычаю крестьяне работают три дня в неделю, а праздники пополам. Во всяком случае, здесь первую роль играет необходимость. С великой пятницы княжны ждут своих бархатных шотландских салопов, которые вы подарили им на праздник. И они все еще ожидают своих салопов. Что вы, князь, на это скажете? Кажется, они заслуживают примерно-го наказания?

– Надо их кнутом высечь, – закричали в один голос обе княжны, – пойдете вместе, дядюшка, их немного поторопить. Нам салопы нужны в четверг, как мы поедем на парад?

№ 106. (Г-ЖЕ ДЕЛОЖ)

11 апреля

... – Они справляли пасху, окуная свои головы в отхожих местах, – продолжал князь.

– Но перестаньте же, вы по крайней мере не говорили бы таких слов перед целомудренными ушами ваших же собственных племянниц, – сказала генеральша с глазами, сверкающими фосфорическим светом, и пятнами, покрывавшими ее лицо.

– Вы не должны себе позволять столь грязных выражений в моей гостиной, – повторила генеральша, указывая на своих племянниц.

Она встала из-за стола и увела меня в свой будуар. Я спросила у генеральши некоторых объяснений по поводу этого разговора.

– Нет, право, только слово «отхожие места» меня взорвало.

Она мне рассказала, вполне оправившись от сильного возбуждения (снова милая, с милой улыбкой и лицо сглаживалось, и темно-бурые пятна начинали пропадать на ее лице и на обнаженной груди):

– Я сидела на открытом окне, придя от разговенья и, в расеянности, оставила мою ножку в руках брата, который забавлялся ею по привычке, старый хрыч. Мы упивались ноч-

ным воздухом, приносящим нам запах распускающихся деревьев. Я так люблю запах распускающихся берез! Я их массу рассадила по двору. Я вам рассказываю вещи, как они в действительности были. Мы покинули окошко, совершенно против воли, когда девки разбежались по двору и наполнили воздух ужасною вонью.

– Но как вы примиряете ваши утонченные заботы о вашем чудном теле с такими грязными обычаями? Я не допустила бы, чтобы они дотрагивались до моего белья.

– Но я никогда не заказываю моего белья у мистрис Сквейрс. Я выписываю мое белье от Мейера из Дрездена, иногда выписываю из Парижа от Монтань Рюсс, иногда прямо из Лондона. Мистрис Сквейрс покидает Екатеринослав, чтобы переселиться в Ростов со всеми работницами. Это гораздо центральнее. Ее мать еще до устройства мастерской меня об этом просила; я тогда не согласилась, потому что была хороша с жандармским штаб-офицером. Мы с ним с тех пор стали на ножах. Пока его сменяли, я устроила в Ростове мой дом для раскаивающихся грешниц. Там жандармов нет. Это совершенно новое дело, и великая княгиня Елена Павловна, говорят, очень этим делом занимается. Я уже говорила о моей идее с Киселевым, находящим ее забавной: «мне не случалось на раскаивающихся денег тратить, но я заплатил порядочно за утопающих в грехах». Мы много говорили вздора по этому поводу. Он мне обещал озаботиться этим делом, принимая свое министерство. Великая княги-

ня, когда узнала, что дело у меня устраивается, прислала мне сорок крепостных девок для моего заведения, которое даст хорошие плоды, по ее уверению, а она очень умная женщина. Он снова приехал в мое имение, объезжая край. Он два дня и две ночи провел у меня, так ему весело было со мной, вспоминая старое доброе время. Бумаги уже получены из Петербурга с разрешением открыть заведение на имя мисс Пенелоп. Мать ее назначена помощницей. Это первое заведение такого рода в России, и я рада подарить мисс Пенелоп эту новинку. Официальное письмо призывало благословение господне на мое заявление; при этом приложена шаловливая записка. Я – почетная попечительница, мисс Пенелоп назначается попечительницею, мистрис Сквейрс – инспектрисой классов и мистрис Жаксон – по хозяйственной части. Таким образом, и мать и дочь у меня остаются. У них прекрасные манеры, они очень разговорчивы. Дочь чудо как хороша. Они обе мне много помогут в приеме гостей. Мне нужны помощницы. Я подарила мисс Пенелоп триста душ на булавки, которые значатся при заведении, но я их отдала на имя мисс Пенелоп, а не для этих гнусных преступниц. Я ей сверх того подарила сорок крепостных девок и приказала набрать еще двадцать от десяти до четырнадцати лет. Мистрис Жаксон займется этим делом. Она их приготовит как огурчики в уксусе и положит туда красного перца.

Она рассмеялась и показала свои десны настежь.

– Это произведет хороший эффект, в отчетах будет осо-

бая статья о девках, не достигших еще совершеннолетия и предающихся раннему разврату.

– Но каким образом у вас так много раскаивающихся девок и живущих в разврате при вашей строгости ко всему, что относится до нравственности ваших крепостных? Я не знала также, что мисс Сквейрс может владеть крепостными. Разве она дворянка?

– Мисс Пенелоп такая же дворянка, как и я: ее отец был в ранге полковника и был русским подданным, знайте это навсегда. Какой глупый вопрос вы мне задаете, простите великодушно за выражение! Мне все равно, распутные они или девственные, развратницы или святые недотроги, – это меня менее всего беспокоит. Дом называется домом раскаивающихся грешниц; они в нем заключены по жизнь, и мистрис Жаксон пусть их порет, сколько ей угодно. Кажется, достаточно, чтобы носить название кающихся грешниц? Хотите еще больше: я им велю зубы все вышибить и из их задниц сделать такой компот, – присовокупила генеральша, – еще ранее их прибытия в Ростов. Они будут иметь достаточное время для своих сокрушений и поймут, что не грызть орехи их отдали в смирительный дом. Я не мешаю мистрис Жаксон производить свое ремесло, упаси боже, вы понимаете, что тут название ничего не значит. Я захотела дать официальное положение моей искренно любимой мисс Пенелоп; я ей вполне доверяю и ее матери тоже, а бабушка их из простых, даром что англичанка. Они обе, я уже вам не в первый раз

говору, полковницы по чину отца и имеют полное право владеть крепостными. Мисс Пенелоп этим правом и пользуется. На здоровье моей милой. Она только заикнулась о продаже их врозь, как получила от крестьян сорок тысяч ассигнациями, ей поднесенных, чтобы сохранить при себе своих сыновей и дочерей; их было всего двадцать отцов семейств. Она думает, что, продав их сразу, она получит еще порядочный барыш, пожалуй, шестьдесят тысяч ассигнациями. Я, кажется, страшный промах сделала, ну да бог с ней – она такая милая. Мисс Пенелоп, разговаривая раз вечером, продала сорок душ Мозаранке на его сахарный завод. Я ей выговаривала: зачем торопиться? А она мне отвечала, смеясь: так будет лучше. Эти сорок душ, проданные невзначай, оказались отличным делом. Крестьяне поняли, что она не шутит, и принялись ей отсчитывать деньги. Она на днях уезжает в свое имение. Вы бы остались погостить у меня, пока она съездит. У ней останется, за продажей всех душ, чудный лес и земли до двух тысяч десятин. Идея ее прекрасна и вполне благородна: она не желает, чтобы на ее земле жили рабы. Идея совершенно либеральная и совсем английская. Она намерена купить мериносов и устроить свою собственную охоту. Новый екатеринославский жандармский штаб-офицер являлся к мистрис Сквейрс. Он привез очень дружеское письмо от генерала Дубельта. Он сначала ее уговаривал остаться в Екатеринославе, но решился сам ехать вместе с мисс Пенелоп, чтобы устроить ее дела с крестьянами. Он давно знаком

с мистрис Сквейрс и даже слывет за отца мисс Пенелоп. Я бы другому и не отдала бы. Но, пожалуйста, чтобы это было между нами. Жандармский полковник теперь сам очень хлопочет, чтобы мать устроилась в Ростове. У него будет там пристанище, и многое можно узнать под рукой.

№ 107. Д«ЕЛОЖ», УРОЖДЕННОЙ МЮЕЛЬ

12 апреля 1839 года

...Она вдруг начала мне говорить с самодовольством про свои милые ножки, которые обуты были в очень тесные башмаки, так что башмаки врезывались в кожу и производили сильное давление: кожа так и выступала с обеих сторон. Ноги ее не прельщали никого, разве очень юных людей, которые засматривались на них. Ей было около сорока лет и, пожалуй, с хвостиком.

– Я тогда прекратила разговор, завязавшийся совсем неловко, – признайтесь сами, – в присутствии милейшей мисс Пенелоп, не знавшей, где укрыть свою голову, потому что ее английские идеи о равенстве, о личной свободе слишком живо сохранились у ней при ее английском воспитании.

– Но прежде всего я не терплю, чтобы все говорили о моих ножках. Они в самом деле очень хороши, даже говорят, что они очень умны; многие находят, что у них своя физиономия.

Я приподняла в эту минуту ее ножку, шаловливо улыбающуюся в своих черных атласных башмачках, и положила сперва левую ее ножку, а потом и правую на мои колени. Странную вещь я заметила в ногах: ноги двигались свобод-

но, как следовало, но вокруг ноги башмаки, спиравшие ее очень туго, были пришиты к чулкам.

– Мой брат бывает очень нескромен, особенно когда он пьян. Он очень был возбужден, он осушал коньяк флакон за флаконом, – вы сами видели, что тут скрывать? – он желал помочь пищеварению, он наелся пасхи, красных яиц, съел два куса паштета, очень большой кусок ветчины. Завтрак этот остается вплоть до воскресенья фоминой недели. Он наверное стал бы говорить глупости и завираться насчет моих ног. Я уж его наизусть знаю, и я терпеть не могу, чтобы о них говорили, особенно в присутствии сына, становящегося уже мужчиной. Сын мой все смотрит на мои ноги и очень ревниво относится к неуместным шуткам своего дяди. Я иногда думаю, что он влюблен в меня.

Мы можем помочь делу. Ведь брат ее был в связи с ней еще до свадьбы ее, она мне сама говорила. Она сознается в шести любовных связях, если ей можно верить. У ней наверное было по крайней мере в шесть раз более. Она постоянно повторяет имена графа Самойлова, графа Адама Ржевусского, командующего чудным кирасирским полком принца Альбрехта; она постоянно повторяет: «Когда я была с Самойловым; тогда я жила с Ржевусским; это было во времена князя Льва Радзивилла; тогда я была с Безобразовым, как весело было тогда в Варшаве! Он был маленьким офицером в желтых кирасирах. Еще так недавно я жила с Иоасафом Нелидовым», – и больше всего и чаще всего она говорила с

увлечением о князе Сергее Трубецком. Она его любит еще и теперь. Она навзрыд плакала, говоря о Трубецком: «Мне его Самойлов привез в Вознесенск. Мы расстались в прошлом году. Я очень боялась, чтобы он мне не дал дурной болезни. Он связался с Мусиной-Пушкиной». Вот я и насчитала их восемь. А толстый адъютант ее полуживого мужа, который рта не разжимает и смотрит за конюшнями? Я голову отдаю, что он ее любовник. Мисс Пенелоп его ненавидит.

Князь вошел в комнату с двумя племянницами. На них надеты были их бархатные салопы, сшитые на живую нитку; вместо аграмантов пришиты были белые бумажки. Она во все не убрала своих ног с моих колен. Брат подошел и прислонился к ее ногам, поцеловал их, опираясь почти невежливо своими руками о мои колени. Он, впрочем, очень искусно вывернулся из этого деликатного положения, сказав: «Чудная ножка моей сестры так мило покоится на своем жертвеннике, что надобно быть неверным, чтобы перед ним не преклониться». Племянницы просили позволения идти с дядей в мастерскую поторопить работу.

– Весь мой магазин и все мои работницы к вашим услугам, – сказала, показываясь в дверях, мистрис Сквейрс, еще очень видная женщина, хотя и с проседью (ей было около тридцати восьми или сорока лет, но не больше); с манерами очень утонченными, она выглядела совершенно леди. Она сохраняла звание и жалованье гувернантки племянниц генеральши.

№ 108. «Г-ЖЕ ДЕЛОЖ»

Суббота, 13 апреля 1839 года

Мистрис Сквейрс пришла донести о важном происшествии: мои работницы все до одной перепились. Бочки с вином в соседнем подвале лопнули, и водка так и течет в скважины и льется в грязный ручей. Они все устроились к водке и стали ее лежа пить. Это было сегодня утром. Их шумные крики подняли нас всех на ноги. Сами княжны прежде всего встрепенулись и подняли народ, чтобы их унимать. Их насилу могли собрать и ввести в мастерскую, где они получили должное.

– Bravo, – сказала генеральша, – мои племянницы, право, молодцы, у них, видно, в жилах аристократическая кровь, – и, подозвав, поцеловала их, – да мы все вместе пойдем, – сказала генеральша, – если вы желаете посмотреть, – и сделала знак, чтобы племянницы надевали свои шляпы.

– Мне очень любопытно ознакомиться с обстановкой мастерской, – сказала я, – но только с условием, чтобы полиция присутствовала при этом, нам нужен надежный эскорт. Я очень боюсь взбунтовавшихся женщин, особенно пьяных.

Мисс Пенелоп пошла предупредить полицию. Князь мне предложил свою руку, что я с большой охотой приняла. У него такое славное лицо. Пословица говорит верно: большой нос не портит красивого лица. Он азиатского происхожде-

ния и, кажется, грузин или армянин, как равно и сестра его. У ней тот же нос и вовсе не безобразен. Князь смотрит по прямой характера более грузином, а генеральша смахивает на коварного армянина: у нее нос в рот просится. Портреты, висящие в гостиной, объясняют эту игру природы. В середине висит портрет чудной женщины правильного греческого типа: это мать обоих; налево висит портрет старого князя в гусарском мундире, с Георгием в петлице, времен Екатерины; направо от дамы, в красном мундире с черными бархатными обшлагами, с мальтийским орденом, висит портрет приятеля дома, очень богатого заводчика, весьма красивого мужчины, несомненно, армянского типа. Она от него и получила большую часть своего состояния.

Генеральша шла, опираясь очень нежно, даже тяжеловесно на сына. Это легко было заметить. Она нагибалась очень кокетливо к сыну.

«Надо за ними замечать», – сказала я мысленно.

Княжны шли впереди, болтая без умолку.

– Боже мой, какие чудные ножки, и все шесть обутое в бронзовые башмаки, и какие прелестные шелковые розовые чулочки, какие чудные узоры!

– Милостивая государыня, поберегите ваши маленькие ножки, обутое в черный атлас, и ваши ажурные черные чулки! Они очень боятся холода и сырости. Ведь это, право, жаль – земля еще так сыра.

– Парижанка никогда не мочит себе ног, знайте это, гене-

рал, – сказала я моему кавалеру, проходя по камням целые лужи, отделявшие нас от помещения англичанок.

Мы только что успели войти, как уже полиция стояла у дома. Частный пристав, квартальный надзиратель и десять человек полицейских служителей нам сделали под козырек. Оба офицера, только без усов и эполет, выглядят как военные. Генеральша, входя в дом, очень жаловалась на работниц, которые напивались допьяна и становились предерзкими; просто открытый бунт, шутить невозможно. Племянницы рассказали, как они шумом были пробуждены. Мы вышли из комнаты, чтобы дать простор полиции. Генерал один остался при экзекуции. Он как бы председательствовал в комиссии, будучи генерал-лейтенантом. Мы, по-настоящему, из комнаты не выходили, а скрылись за ширмами. Я села напротив генерала как бы за перегородкой и выставила мои ноги, перекидывая их попеременно с одной на другую. Меня очень забавляло, что князь с них не спускал глаз и очень внимательно за ними следил, отдавая надлежащие приказания. Племянницы постоянно подходили к ширмам, и так близко, что едва не свалили их, и глядели в скважины ширм на обнаженные тела поротых работниц. Они выставляли свои толстые, неуклюжие ноги на вид. Они были обуты в розовые чулки, но такого невозможного тона и точно наклеенные с их богатым узором, но без всякой изысканности. Ноги их утрачивали прирожденную элегантность, которая бы отличала их, если бы они поскромнее держали себя и не име-

ли печати вульгарности. Я тысячу раз более любила ноги генеральши; они обуты были в розовые чулки, переходящие в фиолетовый оттенок; сеть их была прозрачнее, воздушнее, и нога казалась элегантнее, стройнее; как можно сравнивать! Она сидела в другой комнате, позади меня и не принимала никакого участия в расправе, как и сын ее. Я, конечно, не ревновала к этим чересчур провинциальным барышням. Мои черные шелковые чулки имели сеть до такой степени тонкую, что можно было думать, что их свил паук; они так были прозрачны, что мое тело из-под чулок виднелось как бы покрытое черными полосами, которые тут были, чтобы показать белизну моих ног, и сеть, заключающая мои ноги, как бы не существовала. Их дюжину подарил мне герцог Орлеанский; они нарочно заказаны были для герцогини Беррийской. Ноги были обуты в черные атласные башмаки, тесемки вились около моей ноги и обрисовывали и подчеркивали подъем чистокровной парижанки. Я обворожила князя. Я его так подогрела, что он готов был вспыхнуть. (Воскресенье, 14 апреля.)

№ 109. «Г-ЖЕ ДЕЛОЖ»

Понедельник, 15 апреля 1839 года

...Скрестив ноги одна на другую, генеральша сидела, раскачиваясь, на американском плетеном кресле, сосредоточивая жадные взоры своего возлюбленного отрока. Они оба были красны, как два вареные рака. Я себе на ус намотала, что мне надобно будет съездить к ним в деревню и там на просторе исследовать это дело досконально и помочь их простоте. Пока еще ничего дурного нельзя было заметить. Генеральша нехотя приподнялась с кресла, просила меня ей разменять пятидесятирублевую бумажку, что я охотно сделала. Она отдала майору двадцать пять рублей с выражением живейшей благодарности, пятнадцать рублей квартальному надзирателю и десять рублей ассигнациями для нижних чинов. Я очень благодарила мистрис Сквейрс, что она велела прийти полиции.

– Помилуйте, за что же? Я полиции очень рада, она у нас бывает изредка, и ее присутствие поднимает значение дома, только с условием, – сказала она, смеясь, – чтобы не мне приходилось платить. Оно больно накладно. Все работницы, мне доверенные, не имеют права выходить из дома; только разве для сопровождения наших мамзелей, чтобы что-нибудь снести. Я не понимаю, откуда они набираются духом своеволия. Я уже третьего дня призывала квартального надзирате-

ля и вчера опять принуждена была наказать двоих. Майор мне обещал обратить на них внимание. Вот видите, мне самой пригодились. Я их, правду сказать, немного бесчеловечно отделала. Я очень рада, что полиции пришлось их опять наказывать. Вы знаете, здесь город. Если что случится, я не буду в ответе. Хотите их посмотреть? Новоприезжим в Россию бывает всегда интересно посмотреть наши порядки.

Девки эти были в беспамятстве; однако тяжело дышали. Пятеро, казалось, еще более страдали.

– Через пятнадцать дней они все примутся за работу как ни в чем не бывало, – сказала мне мистрис Жаксон. – А две остальных скоро прикажут долго жить. Посмотрите сами, – прибавила она, переворачивая их очень бесцеремонно.

Она несколько раз повторяла эту операцию: обе девки падали, не давая никаких признаков жизни, они падали как какие-нибудь мешки, и казалось, что пол, на который они падали, не причиняет им никаких ощущений при столкновении с их избитыми телами.

– Они не ранее двух-трех дней издохнут. Эти полицейские солдаты знают свое дело, у них наказанный всегда может встать и умирает не ранее трех дней; оно и выходит, что совершенно согласно с законом.

Мистрис Сквейрс обратилась с угрозой к двум сестрам умирающих и отправила их на работу. Я, признаться, нашла, что мистрис Сквейрс слишком снисходительна, слишком либеральна и что она все думает, что имеет дело с благородны-

ми девицами. Мисс Пенелоп, которая гораздо энергичнее, только спросила княжен, прежде чем отдать приказания; обе девушки были их крепостные. Княжны обе бросились целовать мисс Пенелоп.

– Прикажите их наказать, но ради бога, чтобы мы могли надеть наши салопы к гулянию в четверг.

Квартальный надзиратель с четырьмя солдатами принял-ся за наказание. Княжны вернулись за ширмы и, став передо мной на колени, стали целовать мои ножки и забирались выше колен. Я им не воспрещала это делать, потому что щекотало мое самолюбие видеть двух настоящих княжен, имеющих три тысячи крестьян, у моих ног.

Княжны, по окончании наказания, вручили квартальному, улыбаясь и приседая, каждая по двадцати пяти рублей. Квартальный, пылая новым рвением, принял-ся с четырьмя служителями их «девок» кормить тумаклами. Мисс Пенелоп к ним присоединилась. Княжны этому обрадовались, приветствовали ее криками: «еще, еще!»

Генеральша отвела меня в сторону и сказала мне, что брат ее очень любит и очень влюблен в меня.

– Вы ее никогда не будете иметь, – сказала она брату, – пока не накажете наложницу свою и не прогоните ее. Вы, всего лучше, подарите ее г-же Гелль, пусть она с ней делает, что хочет. Эти девки бог знает что о себе думают: они воображают себя дамами. Продайте мне ее. Я вам дам за нее тысячу франков. Я ее отделаю как следует. Вы не знаете, какая

ужасная история? Девки, которых я велела выпороть и которые перед тем напились пьяными, – это все одна история: наложница брата и сестра ее, вдова, выпустили водку, чтобы напоить моих работниц. Вообразите себе, что за смелость! Наложница моего брата не хотела, чтобы моим племянницам сшили их салопы к четвергу, вообразите. Я уже вдову велела задержать и привести с младшей сестрой, чтобы их как следует выпороть и потом допросить под розгами. Пойдите к брату и упросите его подарить вам его наложницу, я совещусь ее силой брать, хотя она моя крепостная. Главное для меня – не выпустить ее из рук. Она обманывает брата, а он не хотел верить, когда я это ему говорила, но, благодаря вашему влиянию, он уже совсем сдается. Вы не знаете, как эти девки дурно себя ведут! Они отвратительны, все заражены дурною болезнью или накануне заражения. Подите, душа моя, и присылайте мне ее скорее. Мне не терпится, чтобы она была в моих руках, побывав у вас под ногами. Дайте слово ее не шадить. Смотрите, как я из-за вас хлопочу, ради ваших прекрасных глаз. Ступайте и не засыпайте среди торжества.

Я поцеловала ей руку, она страстно обняла меня.

– Жюли вас дожидается уже у дверей. Она вас проведет кухнями. Вам приличнее идти к брату в сопровождении вашей соотечественницы, которая имеет весьма презентабельную фигуру. Она уже занялась переноской вещей из вашей гостиницы и все приготовила здесь, в ваших комнатах. Мой метр-д'отель, Жиовани, уже на месте и за всем смотрит;

Жюли прибежала сюда и рассказала обо всем, что там происходит. Люди моего брата – все воры и мошенники. Знайте это и держите себе на уме. Я не хочу, чтобы он жил с этой салопницей, это уже продолжается более трех месяцев, и она у него таскает, что захочет. Брат вас с нетерпением ожидает и мне разрешил поступать с ее сестрами, как я пожелаю. Я вам уже сказывала или нет, что вдова была прежде любовницей брата, и он ее и теперь отличает. Ужас, что за свинья, право, мочи нет! Вообразите, что эти потаскушки вздумали соперничать с англичанками, которые мне ежедневно твердят, как опасно будет для всех нас, когда они станут разъезжать в колясках, в шляпах с перьями. Надо запустить брату блоху в ухо. Если им дать теперь потачку, то через десять лет будет конституция. Блоха уже у меня в руках и даже две. Я от вас ожидаю его настоящую наложницу; она преопасная bestия. Вы мне окажете настоящую услугу. Ваше влияние на брата так сильно, что вы не допустите ему долее оставаться с дурными своими привычками. Вы – мой чудный жемчуг, который я осыплю бриллиантами. Мой брат живет с тремя сестрами и тратит на них чертовские деньги. Я двоих из них привела к сознанию. Я желаю, чтобы ваше торжество было полное и чтобы вы получили за это солидную награду.

Она, право, чудесная женщина и так дорожит интересами своих приятелей. У нее что на словах, то и на сердце; но смех ее какой-то странный, и я с трудом к нему привыкаю: она раскрывает рот до такой степени, что обнажает свои десны и

скалит зубы, как хищный зверь. А она очень часто смеется, и все тем же злым смехом. Я убедилась, что это только дурная привычка. Она любит смешить, и я не думаю, чтобы ее натура была действительно испорчена и что она сохраняла лишь внешность цивилизованной женщины. Я ее со всех сторон пробовала: все в ней было любезно и достойно любви; она держала себя превосходно, ее руки, ее ноги были бы достойны изучения скульптора. Она была с друзьями всегда ровного характера, ни малейшей запальчивости ни в ее характере, ни в привычках нельзя было заметить. Она была бой-баба и прямо годилась бы в министры. Если бы она мне сказала выпрыгнуть из второго этажа, я, не колеблясь бы, это совершила: такова вера была в ее непогрешимость. Только один ее смех раздражал мне нервы именно тогда, когда не было никакой причины смеяться, ее смех с пронзительными нотами; рот раскрывался донельзя, я видела ее десны – и вид десен был крайне непривлекателен. Мне брат ее часто говорил, что ее бы сечь надо, чтобы отучить так смеяться. В ту минуту, как она заливалась непомерным хохотом, ее ножки наигрывали свою игру самым привлекательным образом и мирили с ее невоздержанным смехом.

– Раз ко мне, – рассказывала она мне, – пришла из деревни (мне тогда было четырнадцать лет) женщина, жаловавшаяся на глаза. Моя мать ей дала шпанских мух. Она, вместо того, чтобы приложить их к затылку, наложила прямо на глаза. На другой день, когда мы зашли в избу, у этой женщины,

разумеется, оба глаза лопнули.

Рассказывая мне это и помирая со смеху своим нестерпимым смехом, она передвигала ножки и подымала их в уровень с своими глазами, опускала их на пол и била каданс.

– В другой раз, в том же году, пришли просить о больной ноге, мать дала для натирки ноги ртутиальную (ртутную – *Д.Т.*) мазь. Больная женщина приняла всю мазь эту сразу внутрь; рвота и ужасные колики не замедлили явиться; она страдала ужасно. Моя гувернантка пришла осмотреть ее и решила, что больная отравлена. Еще бы! Молодая женщина умерла в престарелые годы, страдая, правда, часто желудком и зубною болью. Я ей, Христа ради, велела за птицами смотреть. Она получала по смерть свою месячную порцию. Мне мой приказчик сказывал, что она очень хорошо умерла: накануне была у причастия.

Генеральша набожно перекрестилась.

Я, кажется, вовсе забыла сказать о ее наружности. Она была смугла, но живой румянец освещал ее лицо, ее черные глаза выражали страстность ее натуры; тело ее было сплошь покрыто темными и вьющимися волосами: плечи, грудь, спина, руки – все было сплошь покрыто волосами, кроме лица и кистей рук. Говорят, что это признак ее горячего темперамента.

Я пошла к моему князю и каюсь в тех неистовствах, которые я производила. Я не от злого сердца им предавалась – такова была вся обстановка, как-то было неловко иначе дей-

ствовать. Сначала я только смотрела...

Я несколько раз переходила из моего нового апартамента в помещение г-жи Жаксон. Генеральша все там заседала. Я шныряла взад и вперед. И в новом моем помещении мне было интересно оставаться и осмотреть все, что я там находила, но сама генеральша представляла для меня животрепещущий интерес. Она была покрыта багровыми, бурыми пятнами, глаза ее блистали сверхъестественным фосфорическим светом. Мистрис Жаксон надевала железа на большой палец только что разжалованной наложницы. Она очень скоро созналась во всем: греческий негоциант три раза приходил к вдове, и она посылала тогда за сестрой; они обе получили тогда четыреста пятьдесят рублей ассигнациями, которые и поделили вместе. Мистрис Жаксон ее спросила, знала ли она, что грек обращался наперед к ней самой. Игра наручников скоро ее заставила отвечать, что – да. «Значит, ты знала, что это воровство», – и несколько раз ударила ее нагайкой по голове и плечам. Она стала допрашивать вдову, но, воля твоя, у меня духа не хватает все эти ужасы тебе передавать. Я снова пошла к князю. Вообще я все шныряла взад и вперед.

Князь был видимо доволен, что развязался с тремя сестрами, и передавался своей новой страсти с пылом юноши. Я перебрала целый магазин, который был навален в сундуках. Очень дорогие платья лежали в кусках, три очень драгоценные шали, золотые цепи, браслеты и даже бриллианты попадались, но редко. Князь отправился в клуб. После обеда я

прибрала немного в комнатах и писала мои письма. Вошли княжны, я у них спросила, что делает генеральша.

– Она заперлась с своим адъютантом и читает набожные книги, – сказала одна из племянниц и залилась громким смехом.

На другой день княжны пришли меня будить в девять часов. Мы вошли к генеральше около половины одиннадцатого, она уже была почти одета. Красивый адъютант, очень похожий на быка, сидел у нее с книгой в руках.

– Майор мне читал св. Евангелие, ничто так не успокаивает. Он мне вчера вечером читал поэзию и отчасти романы. Он мне так предан...

№ 110. «Г-ЖЕ ДЕЛОЖ»

Екатеринослав. Вторник, 7 мая 1839 года

Я была очень рада сблизиться с мистрис Сквейрс: она так много видела достопримечательного. Она жила то в Париже, то в Лондоне; замуж она вышла в Париже в 1822 году, ей тогда было с небольшим двадцать лет. Они приехали в Харьков; он тогда же поступил в России на службу и сделался профессором английского языка в чине полковника.

– Нас привез граф Головкин. Мы отправились в Одессу к графу Воронцову в 1824 году. От этих переездов мы не стали богаче, и я должна была поступить в гувернантки при молодой Н. Это было в 1826 году. Потом я была гувернанткой у графа Потоцкого и при маленьких графинях Паленых. У графа Потоцкого счастье мне улыбнулось: я много тратила денег и ничего себе не нажила. Теперь я состою при княжнах и помогаю моей матери и дочери. Мы живем, слава богу, в довольстве.

Генеральша прервала наш разговор; она вошла в сопровождении мистрис Жаксон. Мистрис Жаксон начала расценивать вещи и предложила мне десять тысяч франков за все. Генеральше предложила двадцать. Тут было на пять тысяч одних платьев в кусках, масса кружев, золотые цепи, серьги, браслеты. Я оставила за собой немного кружев, салоп бархатный, только что принесенный, два канделябра из Триано-

на, чудо из чудес. Они принадлежали королеве Марии-Антуанетте. Тут вошел князь, который мне вручил половину своего выигрыша. Он меня на счастье заинтересовал в своей игре. Это были десять тысяч франков, которые мне слетели с неба. Я кинулась целовать князя, но генеральша не того была мнения; она ему решительно сказала, что это мне не цена и что я стою гораздо более.

№ 111. «Г-ЖЕ ДЕЛОЖ»

Понедельник, 13 мая 1839 года

Князь у меня спросил, помню ли я, что ему обещала ужинать у мистрис Жаксон. Я ему отвечала: вы, верно, чересчур богаты? Он вынул пакет и передал его мне.

– Против таких сильных доводов отказа не бывает, – отвечала я ему, смеясь.

– Я непременно буду. Я вернусь из собрания в полночь. Я зайду за вами. Да не бойтесь же. Вы дрожите. Для вас ни малейшей опасности нет.

Я удалилась после обеда, ссылаясь на ужасную мигрень. Я разделась и села писать письма. Генеральша заходила узнать о моем здоровье. Девушка сказала, что я дремлю.

№ 112

Вторник, 14 мая 1839 года

Я видела ужасные сны, начинался даже бред. Я видела двух девок, зарезанных в моем присутствии, и вскакивала спросонья. От таких ужинов я навсегда отказываюсь. Я скоро начну воды пить. Мне пишут, что их привезли. Ольщанский мне пишет и зовет домой. Меня кое-какие дела еще задерживают здесь.

№ 113. «Г-ЖЕ ДЕЛОЖ»

Понедельник, 29 июля 1839 года

Я получила письмо от Михаила К.; он меня звал в Одессу, лежа на смертном одре. Я к нему была очень привязана и очень его любила. Он в субботу на пасху занемог и потерял много крови. Я не осталась с ним потому, что г. Гелль не выносил его. Дурные толки ходили на наш счет. Он мне писал письмо за письмом в течение четырех месяцев, но я все время не верила в его болезнь и не торопилась приехать. Когда я увидела его, была только тень его. 23 июля он скончался. Я вернулась в Аделаидино и никого не принимала. Я занималась исключительно моим хозяйством и моими делами. Я весь свет возненавидела. Один Ольщанский делал исключение.

№ 114. Г-ЖЕ Д«ЕЛОЖ», УРОЖДЕННОЙ МЮЕЛЬ

Аделаидино. Суббота, 3 августа 1839 года

Я снова возвращаюсь к тени моего любимого К. Г. Гелль понапрасну препятствовал моей любви. Я его еще больше люблю мертвого, чем живого. Он требовал развода и приготовил двести тысяч франков, чтобы мой муж дал согласие на развод. Мы должны были обвенчаться в Молдавии. Я бы теперь владела состоянием, которое оценивают в три миллиона франков. Вместо их я сохраняю лишь двести тысяч франков. Я проиграла мою партию. Я так глупо играла.

№ 115. ПОЛИНЕ ДЕЛОЖ

Кисловка. Пятница, 9 августа 1839 года

... – Все мужчины скверного поведения, они что ни на есть выеденного яйца не стоят. У меня большой дом и от господ до слуг все ужасно распутные. Вот уже год, что я с вами часто и довольно часто вижусь, вы меня теперь довольно знаете, знаете, что я очень добра и что я не люблю тиранить моих людей. Но я не переносу, чтобы девки, находящиеся в моем услужении, были бы брюхаты. Мои горничные девки, мои прачки, мои швейи стоят под тем же запрещением. Они дотрагиваются до моего белья, и довольно. Они не ждут от меня пощады. Я их наказываю беспощадно; я велю их пороть четверо суток. Таков порядок в моем доме. Я их сначала наказывала сама, это меня чрезвычайно утомляет. Я их прежде ссылала на кирпичный завод, потом я их употребляла на делание пакли, вить канаты; говорят, что это наказание очень строго, раны, производимые паклей, не излечивались, напротив сделалась вольным домом.

– Как же вы такие слова сочетаете вместе? Произносить имя бога и говорить о таких мерзостях! Да и само выражение неправильно, и оно не по-французски. Посмотрите в Буаст, надо сказать – исправительная тюрьма.

– Оставьте меня в покое с вашим словарем Буаста, он где-то валяется в комнате моего сына; если вы желаете, так сту-

пайте туда и поищите его.

Она очень сожалела о своей неприличной выходке и старалась ее исправить.

– Но замужние женщины, как же вы с ними поступаете?

– Я им вовсе не позволяю жить со своими мужьями; это наистрожайше им воспрещено. Муж, который был бы застигнут вместе с своей женой, был бы сослан очень далеко, куда вороны костей не заносят. Я никогда не прошу доказательств, донесут – тут и расправа. Замужние женщины подчинены тем же правилам, что и прочие, с тою лишь разницею, что их никогда вместе с мужьями не следует заставить. Если только есть подозрение, что их видели вместе, то их секут по нескольку раз в день, четверо суток кряду, и отправляют на тяжкие работы до самой смерти. Мужей я отсылаю на самые тяжкие работы на фабрику, которая отсюда отстоит на пятьдесят верст. Я ее отдала в арендное содержание очень богатому греку. Он мне за них платит очень хорошие деньги, и я туда ссылаю всех негодяев, и он за них мне платит с каждого человека, сверх аренды. Между прочим, это весьма редкий случай, потому что в девичьи поступают лишь незамужние женщины. Я этого никогда не допускаю. Разве какое наследство я получу, что попадетсЯ какая-нибудь прачка, очень хорошая, которую надо взять в девичью.

– Это очень жаль. Я думала, что выпороть брюхатую женщину дело вовсе не диковинное.

– Погодите немного, денька два или три, мне нужно рас-

порядиться о двух швеях. Они вчера выбегали ночью из дома и шлялись в саду. Я хочу доведать, не с сыном ли моим они изволили забавляться.

Генеральша очень раскраснелась, и бурые пятна начали уже появляться по ее лицу. Я отклонила ее предложение пойти смотреть, как допрашивают.

– Если вы желаете, то не иначе как после завтрака. Я вовсе не желаю являться пред всеми с разгоревшимся лицом.

– Какая вы кокетка, – и, посмотрев в зеркало, заметила пятна, покрывающие ее лицо. Я начала их целовать и сказала:

– Я вас безмерно люблю с вашим оживленным лицом.

– Мой сын также меня находит особенно красивой, когда я оживлена.

№ 116. ДЕЛЕССЕРУ

Аделаидино. Четверг, 17/29 сентября 1839 года

СОВЕРШЕННО КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

Я предвидела плачевную кончину султана и не решалась писать вам раньше его кончины; теперь можно говорить поткровеннее. Я видела покойного довольно часто в моей школе. Он держал себя всегда прилично и со свойственной туркам сдержанностью; но мне не нравилось, что он то одну, то другую требовал в свой гарем. В начале 1838 г. он уже стал звать по несколько из моих девиц. Он сначала, предаваясь своему бешеному исступлению, жестоко истязал некоторых и потом, в порыве *delirium tremens*, велел связать себя и нещадно бить жгутами из полотенец. В мае 1838 г., к счастью, кончался трехлетний контракт, который меня самое связал по рукам и по ногам. Все вспоминаются его умные, пронизательные глаза, несмотря на пятидесятилетний возраст, который ему уже было близко достигь, когда его смерть внезапно похитила. Это мне пишет г-жа Г«рациани», жена Н., драгомана, которая близко стояла к делу. Кададьен, наш константинопольский почт-директор, вам близко известный, меня извещает совершенно конфиденциально о случившем-

ся несчастии.

В ту ночь, когда он погиб, все служители были удалены по его приказанию, как это уже давно водилось. Его поутру нашли мертвым. Г-жа Грациани с двумя прислужницами должна была уехать в Сиру, куда все успокоится. Бедные девушки (их было четырнадцать) погибли все среди ужасов, произведенных рассвирепевшими служителями. Дело не подлежит огласке. Все меры приняты, чтобы оно не вышло наружу, несмотря на то, что Капитан-паша поднял тревогу. Что касается до ваших личных, интересов, то вам беспокоиться нечего. Лапьер уже говорил с Решидом-пашой. Вам необходимо написать частное письмо на имя Решид-паши, который приехал и вступил в должность. Пришлите подлинный контракт. Ваше дело в дружеских руках с приезда Решиды, а то пришлось бы ждать и не дожидаться. Он 3 сентября вернулся из Парижа и расспрашивал Лапьера о вашей судьбе и о вашем деле. Мне пишут, чтобы я не торопилась приезжать в Константинополь. Я пока блаженствую на берегах Буга, который древними назывался Гипанисом, так же, как и Кубань. Капитан-паша знал, что делает, когда передался со своей эскадрой Меглит-Алию. Не пеняйте, что мои известия запаздывают. Вот я переберусь в Одессу и напишу, когда узнаю что-нибудь новое. Бумаги доставлены епископу в Тифлис. Ленуар был у меня в Аделаидине. Он опять отправляется в горы. Я ему дала вид на проезд в Пятигорск для заработка. Он выглядит чистокровным русским мужчи-

ком, т. е. очень грязным. С ним едут двое и Игнат Казаков. Я их снабдила видами. Решид меня известил, что мне еще рано возвращаться в Константинополь, а деньги уже переданы Аллеону. Это главное. Здесь все готово и ожидают со дня на день графа Орлова. Пятый корпус совсем наготове к отплытию. Я еду в Алупку с графинею Воронцовою и там возьму мои сорок морских купаний. Я получила известие о смерти султана одновременно с его постыдным поражением при Незибе. Если что узнаю у Воронцовых, то непременно вам тотчас напишу.

№ 117

Екатеринослав. 20 июня 1840 года

Пока графиня В~~оронцова~~ ездилa в Константинополь на «Полярной звезде» в первых числах мая с г-жами Мипчиаки, Фонтон и Фролинг, мы отправились с графом на пароходе «Петр Великий». Графиня вернулась со своей эскадрой 18 июня на пароходе «Император Николай». Воронцов вернулся 14 июня. Я успела съездить в Ростов и простилась с ним в Екатеринославе 6 июня. Я забыла тебе сказать, что пароходом командовал лейтенант Барановский. Графиня его считает своим предметом; только это между нами. Его граф услал в Константинополь на три года.

№ 118

Среда, 24 июня 1840 года

Наша первая остановка, проезжая Днепровские пороги, была у одного управляющего имением; в нем совершенно неожиданно мы узнали француза с чистейшим парижским акцентом, какой мне редко приходилось слышать. По правде сказать, это не было для меня неожиданностью. Я получила письмо за письмом от одной генеральши, моего лучшего друга, и в продолжение полутора месяцев много слышала об этом парижанине как от генеральши, так и от соседних помещиков. Он был женат на малороссианке и занимал уже два года должность приказчика (управляющего) одного из имений генерала или, вернее, его жены. С полной готовностью он предоставил в наше распоряжение весь дом, из чего было видно, с каким удовольствием он принимал своих соотечественников. Превосходный мед, сливки и арбузы были поданы в изобилии, но, несмотря на все наши просьбы, мы не могли склонить управляющего разделить с нами эту закуску, что произвело на нас тяжелое впечатление. Этот человек, рожденный в стране, где кастовые предрассудки почти не существуют, добровольно унижал себя в наших глазах, считая недостойным сесть рядом с нами, как будто бы он был крепостным и привык к рабству с самого детства. Он вкратце рассказал нам о своей печальной жизни, полной неудачи,

бедности, о своей горячности и буйстве, свойственных ему, как сыну Парижа, о своих усилиях и надеждах и о разных вещах, которые должны были вскоре исчезнуть из окружающей его обстановки жестокостей и оскорблений, способных вызвать даже любовь к отечеству. Этим и объясняется его отношение как к помещикам, так и к крестьянам; он сделался так же груб, жесток и эгоистичен, как самый закоренелый русский, в чем он сам признавался с цинизмом, который нас возмутил.

Я имела случай видеть мимоходом, но так близко, как только возможно, деяния и подвиги представителя нашей прекрасной Франции, обладавшего способностью держать в ежовых рукавицах своих многочисленных подчиненных и в течение двух лет окончательно навести на них ужас. Вся деревня приходила в изумление от наказаний, ежедневно налагаемых им за малейшие проступки, в чем мы имели очень осязательное доказательство вскоре же после нашего приезда. В то время, как он разговаривал с нами, пришли доложить управляющему, что, согласно его приказанию, две женщины и трое мужчин были приведены на место наказания, чтобы получить по несколько ударов кнутом. И что же? Несмотря на ужас, внушаемый нам подобною казнию, несмотря на наши просьбы, он приказал каждому дать по пятидесяти палочных ударов и вдвое увеличить, если будут сопротивляться. Его уклончивость и в то же время самодовольство делали его невыносимым; маленький его рост, вы-

сокие каблуки и в особенности большой хохол *a la girafe*, который всегда носит наш добрый король Людовик-Филипп, делали его окончательно смешным. Он удалился, сказав, что идет распорядиться наказанием, и, уходя, бросил взгляд знатока на мои маленькие ноги, обутые в голубые, небесного цвета туфли, вышитые золотом, которые я держала напоказ и с нетерпением передвигала ими. Он и обратил на них внимание, отвешивая нам свои поклоны.

Мы остались втроем с женою управляющего, которая болтала без умолку. Она нам рассказала, что была вдовою смотрителя смиренного дома в Киеве. После смерти мужа она оставила свой дом, которым сама управляла. Генеральша, принявшая в ней участие, взяла ее к себе, и вот уже шесть лет, как она управляет домом.

– Мы дворяне, и я имею крепостных, доставшихся мне в наследство от отца и мужа, который был русский дворянин; он должен был купить несколько крестьян, чтобы продавать правительству как рекрутов. Если бы он не был дворянином, то не мог бы продавать их от своего имени. Но, видите ли, все французы обладают страшным честолюбием. Госпожа не позволяет нам садиться в ее присутствии – ни мне, ни ему. Мы даже и подумать-то об этом не смеем. В Польше, где я провела свое детство, большие паны вообще обходятся с бедными дворянами, как со слугами, между тем как они сами имеют крестьян. Я бы у вас охотно купила Марусю. Это товар, легко сбываемый, пока он молод. Я вам дам за нее 700

рублей ассигнациями, но надо ехать в Екатеринослав. Если же до тех пор вы выбьете ей зуб – за нее не будет и полцены.

– Об этом мы поговорим после, – сказала я, чтобы прекратить разговор.

Таким образом, несчастный вымещает на мужиках то, что русская аристократия заставляет его выстрадать, и это печальное отмщение, в своих собственных интересах, не должно чересчур раздражать крестьян, которые мечтают время от времени об ужасном возмездии.

– Несколько раз, – сказала нам жена управляющего, – покушались его убить, и хотя виновные дорого платились за свою дерзость, однако когда-нибудь он может сделаться жертвою ненависти, более ловкой и счастливой. За неделю до нашего приезда была такая попытка, – и она рассказала со всеми подробностями об этой более смелой, чем все остальные, попытке со стороны одного крестьянина, уже давно бывшего его врагом. Однажды, после продолжительного обхода по полям, управляющий сел отдохнуть в глубине оврага, осененного несколькими деревьями. От усталости и жары он начал засыпать, положив около себя два пистолета. Но инстинктивный страх, преобладавший в его сне, позволял ему слышать малейший шум вокруг себя: тело, было объято сном, но душа бодрствовала. Вдруг подозрительный шорох поразил его слух; он тотчас же открывает глаза и видит перед собою мужика, который наклонился поднять один из его пистолетов. Взгляд крестьянина обнаруживал такую

свирепость и движения его – такое спокойствие, что нельзя было сомневаться в его намерениях. Управляющий, полуприподнявшись на локтях, с удивительным хладнокровием, зевая, его спросил: что он хотел делать с пистолетом? Мужик, трусливый, как вор, тотчас же принял глупый и лживый вид, свойственный только русским крепостным, и отвечал, что интересовался устройством его. Говоря это, он передал оружие хозяину, не выказав при этом ни малейшего смущения. Этот несчастный чуть было не умер под кнутом. – Малороссиянка прибавила к этому рассказу с совершенно русскою наивностью, что ему было бы гораздо лучше умереть сейчас же, на месте.

Боясь помешать занятиям г. де Гелля, я ушла с женою управляющего в маленький соседний зал. Между прочим спросила у нее, не удивится ли ее муж, если бы мне вздумалось присутствовать при наказании, которое мне так хотелось видеть хотя бы один раз.

– Будьте уверены, сударыня, что мой муж ждет ваших приказаний и начнет не иначе как только в вашем присутствии. Они назначены нарочно для вас; мой муж наскоро собрал людей отовсюду. Боюсь только одного: останетесь ли вы нами довольны?

Я постаралась разубедить ее и продолжала дружески беседовать с нею о разных разностях. Мне не было необходимости слишком торопиться и, кроме того, многое надо было выяснить. Я вовсе не желала, чтобы кто-нибудь вообра-

жал, что дело это было улажено. Г. де Гелль занялся у стола приведением в порядок своих заметок, на что имел для этой работы более двух часов. Лошади были заказаны к половине шестого и должны были возвратиться еще с поля. Эти лошади исполняли барщину. Я захотела покататься на них, допустив себе подобную роскошь. Я предупредила ее, что моя прогулка по деревне имеет целью попытаться еще раз походатайствовать перед управляющим за виновных или, по крайней мере, облегчить им наказание.

Нескромная болтливость жены и хвастовство мужа меня сильно озадачили. Он посвятил нас слишком скоро во все подробности своего управления. Всякая администрация, какая бы она ни была, имеет свои секреты и не выставляет их напоказ. Сохранять благопристойность необходимо. Странствуя по России в продолжение двух лет, я принимала довольно деятельное участие в административном управлении с целью ближе познакомиться с первоначальными основаниями хозяйства. Это не было в обычае, и я невольно чувствовала фальшивую ноту. Конечно, никто не станет надевать белых перчаток, чтобы пороть мужиков, и отнюдь не будет разглашать об этом. Наивность его жены заставила меня надолго призадуматься. Засечь до смерти – скверное дело и всегда влечет за собой хлопоты и расходы. Странно, почему она жалела того мужика, который хотел убить из пистолета ее мужа, за то, что он не умер под палкой? Путешествие по Сибири, которое ждет его с сотнями палочных ударов и вырванными

ноздрями, конечно, есть казнь, могущая вполне удовлетворить ее.

Позднее причина этого была объяснена мне очень просто: дела с судебными властями причиняют большие убытки, которые не могут быть отнесены на счет господской конторы. Я знала из достоверных источников, что управляющий был на очень хорошем счету у генеральши. Генерал, с своей стороны, имел к нему неограниченное доверие. Впрочем, он не играл большой роли, как будет видно из дальнейшего рассказа. Генеральша сама командовала полком, бригадой и дивизией, и ею все были очень довольны. Его адъютанты, между прочим, обязаны были прислуживать ей, и надо сказать, что генеральша всегда умела отлично выбрать их и даже с двойкою целью. Я знала формулярный список генеральши от ее родного брата. Эти злые намеки на нее исходили от брата. Не берусь отвечать за это. Многие соседние помещики отзывались мне с похвалою об управляющем, как о человеке сведущем в делах и очень исправном в отношении соседей. Он был очень строг к крестьянам и не прощал им ни малейшей оплошности.

– Он иногда слишком суров и слишком требователен, он только что заставил меня высечь рукою палача трех человек, которые должны были идти в сибирские рудники, – сказал мне сам губернатор, – улики против крестьян были очень слабы, но все же принцип власти восторжествовал.

Я похвалила его за быстрое и справедливое правосудие

к французу, окруженному врагами. Я играла ногами, желая подразнить его.

– Ваши маленькие, хорошенькие ножки с убедительным красноречием ходатайствуют за вашего соотечественника. Я готов сослать шесть других, будь они невинны, как только что рожденные слоны, – сказал он с грубой, довольно глупой улыбкой.

Я окончательно очаровала губернатора; я имела этого честного человека в кармане, в чем позже убедилась. Он долго не хотел расстаться со мною и возобновил разговор, сказав:

– Все у него в порядке, и порядок этот, в самом деле, удивительный, место исправника всегда к его услугам, я ему говорил об этом.

«Боже мой, – чуть не вырвалось у меня, – да я его совсем не знаю и нисколько не интересуюсь им». Но, к счастью, промолчала.

При прощании он просил позволения посетить меня.

– Уведомьте меня только заранее, и я готова принять вас во всякое время дня и ночи.

Зачем это пустословие и жалобы против аристократии, которая так далека от мысли оскорблять честолюбие управляющего и с удовольствием смотрит на увеличение его капитала?

От самого Екатеринослава длинная дорога прошла незаметно; я только и слышала похвалы своему соотечественни-

ку. Право, я этим возгордилась. Я не имела обыкновения посвящать своего мужа во все мои поступки и цели и часто удлиняла наш предполагаемый путь. Также скрыла от него и удивление относительно нашего милого и любезного парижанина. Генеральша, приглашая меня посетить ее пороги, говорила об управляющем, как об оригинале, извлекавшем пользу из распутных девок, которых она время от времени посылала ему в заточение. Я ей это обещала. Едва прошло три недели, как наш маршрут был установлен, Я не замедлила известить ее об этом. Я не знала, дошло ли мое письмо по назначению. Я только что получила два письма от милой генеральши.

...Все воспоминания сбивчиво проходили передо мною и наполняли мою бедную голову. Мне едва было девятнадцать лет...

Мы мигом приехали к нашему соотечественнику. Как теперь слышу громкое ржание заводских лошадей, которые оглашали воздух своими призывами. Не показывает ли это, что все эти растения и животные, которые спешат возродиться, предчувствуют непродолжительность весны? В ожидании любопытство мое было искусственно возбуждено. Я сильно жаждала вкусить плода от древа знаний, так как уже сорванные мною были очень вкусны. Говорят, аппетит приходит во время еды. Это неправда, я страдала от недостатка пищи. Мне дали искусственное возбуждение, что было далеко от моих расчетов. Я хотела наблюдать природу, изучать живое,

а меня заставляли сделать, по крайней мере, 50 верст кругом, чтобы присутствовать на театре марионеток.

Болтая все время с женою управляющего, которую, наконец, удалила своею рассеянностью, я удостоверилась, что доверенный генеральши не мог быть простым скоморохом. Мои сомнения исчезли пред очевидностью. Это был, действительно, человек серьезный и добросовестный, прежде всего, человек долга, а я-то воображала его не иначе, как римским проконсулом с обликом парижского парикмахера, с вывескою: помещение для любви как днем, так и ночью. Вся его фигура изображала девиз его вывески: к удовольствию дам. Его физическая сила соответствовала его профессии. Он был очень хорошо сложен, хотя и небольшого роста, плечист, но немного тучный для своих лет, нос чересчур длинный (говорят, длинный нос никогда не портит красивого лица) и прекрасные волосы. К тому же он носил большой хохол *a la girafe*, как у нашего доброго короля Людовика-Филиппа, очень тщательно завитый, приподнятый чуть не до небес. Я никак не могла привыкнуть к его хохлу. У него были прекрасные глаза; взгляд его скорее был жестокий и сохранял это выражение даже в то время, когда глаза его принимали ласковый вид; взгляд был пронизывающий. Он казался задумчивым, хотя смешная походка никогда не оставляла его. У него были великолепные зубы, прелестные руки, которые он выставлял с грацией, и ноги, напоминающие парижанку.

Жена управляющего, наконец, заставила меня решиться

на приключение, сделав все возможное, чтобы разгорячить мое воображение. Она вселила в меня дьявола. Одну минуту мне даже казалось, что она хочет бранить своего мужа, сообщив о нем подробности, которых нельзя повторить, хотя я и позволяю себе многое. Я читала четверем умным людям, философам, привыкшим к легкой литературе, к которым отношусь с доверием, – и что же? Они сказали в один голос, что эта глава невозможна и что ее следует совсем переделать. Одна содержательница большого пансиона, находящегося в Елисейских полях, где воспитывались мои подруги, сказала мне, что напечатанную главу из Екатеринослава до Ростова надо исключить. Мне следовало бы сделать им возражение.

Слушая рассказы жены управляющего, мои мысли все время неопределенно бродили. Я не забыла ничего интересного. Ее разговор был очень занимателен.

Между тем мой план созрел. Моя горничная ожидала меня уже две недели и провела дурные четверть часа.

Я должна была выставить напоказ мою маленькую роскошь также и для управляющего. Против моей воли он занимал мои мысли уже 40 минут и даже более. Время, однако, не ждало, следовало кончать.

Воспоминания сбивчиво мешаются в моей голове. Я, кажется, уже говорила, что мне было девятнадцать лет. Управляющий держался прямо, как будто на карауле перед дверью комнаты, где были мои сундуки и которая служила мне уборной. Он доложил мне, почтительно раскланиваясь, вы-

слушал мои распоряжения относительно наказания, предупреждая меня, что виновные были гораздо преступнее, чем можно было предположить из первого рапорта. Я окончательно убедилась, что мои увещания и мои мольбы будут тщетны; мой муж предупреждал меня об этом заранее. Я мельком прочла рапорт, который держала, как памятную записку. Я ему ласково сказала, что все, что бы он ни сделал, будет прекрасно, и в этом я заранее уверена. Он мне представил молодую девушку, которой я уже отдала несколько вещей, выходя из коляски, и обращался с ней, как с прислугой, несмотря на ее бриллиантовые серьги и прекрасное платье. Я ее видела мельком, как только приехала, и предупредила г. Гелля, что она назначена сопровождать меня на 2 или на 3 дня и более, если она мне понравится. Генеральша подарила ее мне. Если же бы она меня стесняла, то всегда можно выгодно продать ее. Жена управляющего предложила устроить для нее хорошенькое местечко позади нашей брички, поместив ее сверх сундуков. Я часто встречала во время пути сидящих таким образом; вид, действительно, был очень смешной. Мне любопытно было видеть ее фигуру, взобравшуюся на сундук. Я не отдавала себе хорошенько отчета. Конечно, подобное путешествие было для нее очень неудобно, тем более, что оно могло быть продолжительным. Я, кажется, уже упомянула, что она говорила по-французски так же хорошо, как и ее сестра, которая была одна из заключенных в деревне, пользующаяся особым покровительством. Я обещала

навестить ее. Моя новая горничная дрожала от страха, как осиновый лист, и казалась скорее мертвою, чем живой. Я не люблю этого и всегда делаюсь нетерпеливою; я подтолкнула ее, чтобы придать ей немного бодрости. В это время управляющий передал мне бумагу: это была на мое имя дарственная запись, в которой генеральша выражала волю своим наследникам, что девица Мария Ивановна переходила ко мне в вечное владение со всем своим потомством.

– Эта дарственная запись совершена законным порядком, – сказал управляющий, – и засвидетельствована гражданским судом.

С очаровательной улыбкой я попросила его войти и велела девушке следовать за мною. Про свои два свидания с генеральшей я не проронила ни слова; следовало безусловно, чтобы они вышли из ее головы. Я вспоминала, что как будто видела ее на одном из вечеров генеральши, который давался ею в честь нашего приезда; я видела ее развязно вальсирующею с красивым гусаром. Этот красивый гусар был сын генеральши, он был так дерзок, что не представился мне, для которой дан был этот вечер. Хотя он был и невежа, но очень красивый мальчик, и мне ужасно хотелось познакомиться с ним. Я помню, что была сильно оскорблена и даже более – очень раздосадована. Она дорого поплатилась за нанесенные ей сердечные раны, которые не успели еще затянуться. Мысль о прекрасном гусаре неотступно преследовала меня все время моего переодевания. Еще были видны шрамы, ко-

гда я поместила ее в Ростове, сдав на руки обязательной мистрис Сквейрс.

Кажется, что старые обиды забываются гораздо скорее новых; что же касается ее воспоминаний о прекрасном гусаре, то к ним присоединились еще новые обиды, которыми я щедро осыпала ее. Я строго напомнила ей о вальсе с сыном генеральши.

– Мы не любим этого, – сказала я, – надеюсь, что на будущее время вы не позволите себе ничего подобного, да и кроме того, ваше место уже определено.

Затем крепко выдрала ее за ухо, которое сделалось красным, и ударила несколько раз довольно сильно ручкой веера из кедрового дерева, который носила с собою как сувенир. Взяв за другое ухо и выдрав его немилосердно, я с жестокостью наклонила ее голову к земле, приказала встать перед собой на колени и целовать ноги в знак покорности. Она упала к моим ногам, униженно прося прощения, и, со слезами в голосе, умоляла быть терпеливою и снисходительною к ней, уверяла, что она будет стараться изо всех сил, что я ее единственная госпожа перед Богом, что она никого не имеет, кроме одной меня, и что должна повиноваться мне до последнего издыхания.

– Вы можете просить Бога, чтобы он послал мне терпения, так как у меня его вовсе нет; но знайте, негодная, я не люблю, чтобы мне говорили об этом.

Я спросила ее, от кого она получила эти бриллиантовые

серьги.

– Их дал мне князь.

Я была этим сильно оскорблена. Князь, между различными, довольно дорогими безделушками, которыми осыпал меня, подарил мне кожаный ремень с украшениями из накладного серебра кавказской работы, довольно простой, но зато очень солидный. Скажите, эта девушка была моя соперница! Я схватила ремень и стала бить ее по плечам и спине, что порядочно утомило меня. Управляющий, всегда очень обязательный, помог мне в этой тяжелой работе, взял ремень и долго бил ее по плечам и спине. Он как будто находил удовольствие стегать ее моим поясом, который я только что сняла с себя. Я горячо благодарила его. Конечно, я не ревновала этого донжуана, но испытала на себе, как тяжело сдержаться женщине, когда дело идет о наказании ее подчиненных, в особенности же, когда женщина находится под впечатлением ревности, как бы ничтожна она ни была.

Бедняжка тронула меня своим кротким и покорным видом; ее глаза и губы не переставали молить о помиловании и призывали на меня все благословения с неба. Управляющий сделал мне знак, чтобы я не показала к ней слабости. Кажется, он был сильно обрадован и доволен моею маленькою речью и первым уроком, правда, немного строгим, но в котором мы вместе участвовали. С своей стороны, я дала ему понять» что очень ценю это сближение, но что ему следовало бы быть почеловечнее, хотя бы ради этого кушака, который

так сблизил нас. После мне казалось, что эта фраза не имела никакого здравого смысла. Он прекрасно понял мой сильный гнев при воспоминании о безделушках, подаренных мне князем. Могла ли я терпеливо переносить подобное оскорбление? Воспоминания о вальсе с прекрасным гусаром волною нахлынули на меня. Если бы они не были так часты, эти удары, которыми я хлестала по прелестным плечам, воспоминания о гусаре были бы менее резки; но воспоминания эти горечью наполняли мое сердце. Она заплатила за себя и за других, до которых я не могла добраться в моменты сильной ревности, разрывающей мое сердце.

Я уверила управляющего, что вполне ему доверяю и что не прочь бы поближе познакомиться с ним. На мне была шелковая юбка пепельного цвета и рубашка, обшитая валансьен. Во время своих путешествий я никогда не носила корсета. Я сняла с себя кофту и накинула на голые плечи черную кружевную косынку, скрестив на груди ее концы, которые девушка снова завязала на спине. Вынула из мешка прелестные маленькие туфельки из бронзовой кожи, вышитые золотом и шелками: розовым, голубым, зеленым и множеством других различных оттенков. Когда она снимала с меня шелковые чулки, одного цвета с костюмом, на подъеме с вышивкою, я приказала надеть их сверх рубашки. Я никогда не ношу подвязок, они портят ногу. Эти туфли, которые были у меня на ногах, были на мне когда-то и принимали участие в танцах. Француз, от природы учтивый, нежный, услужли-

вый, поспешил окончить эту трудную работу. Я протянула ногу, чтобы девушка меня обула, она сделала мне больно, и я проучила ее туфлей.

В то время, как мой соотечественник столь любезно обувал меня, я время от времени била девушку ногой в грудь, та была в недоумении, но глаза ее по-прежнему выражали бессмысленную улыбку. Он покрывал поцелуями мои ноги и выражал одобрение моим ударам башмаком. Мы болтали о разных разностях в то время, как девушка приводила в порядок мои волосы и приготавливала воду. После некоторого молчания девушка напомнила мне о щипцах, которые она держала на огне. Что это была за история, я в ней ничего не поняла. Ее занимало завивать меня и пробовать щипцы, не были ли они слишком горячи, я же забавлялась тем, что щипала за уши то девушку, то мальчика. Я сожалела, что со мною не было локонов. Но он скоро переменял предмет разговора, на который, должна сознаться, часто наводила его, но безуспешно. Он начал говорить о полевых работах и уверял, что крестьяне имели только такой участок земли, чтобы прожить, но никак не более. Бедные французские рабочие не уверены в заработке на следующий день.

– Но свобода, – сказала я, – что вы об этом скажете?

– Если они ее достигнут, то перестанут быть выучными животными, но вопрос – всегда ли они будут иметь кусок хлеба, как нынче?

Его ответ привел меня в восхищение.

– Жена моя помогает наблюдать за работами и надзирает за ними постоянно и гораздо лучше меня. Я думаю, что эти разбойники, мужики и бабы, обкрадывают меня; если они не могут украсть чего другого – воруют хлеб и пшеницу, которая ценится очень дорого. После каждого рабочего дня находят разные погрешности. Моя жена нашла большое количество пшеницы, собранной в соседнем овраге. Согласитесь, сударыня, должен же я был наказать их палками, будь они виновны или нет. Не беда, если между ними попадаетея и несколько невинных; вначале же надо их обуздать и подавить.

Мне не на что было возражать я взяла его руку и долго держала.

– Мы долгое время изучали крестьян и наблюдали за ними. Главным образом виновными были женщины: они подбирали рожь и пшеницу в свою грязную и вонючую обувь. Я приказал засечь их до полусмерти, заставил их ходить босыми и только зимой, когда начались морозы, позволил обертывать ноги онучами. У мужика нет легких провинностей, если даже, по его мнению, они и незначительны, то во всяком случае ведут за собой потерю времени, и если я с первого взгляда кажусь вам жестоким, то это потому, что нахожусь вынужденным прибегать для их же исправления к бесчисленным палочным ударам и кнуту. Я могу оплакивать эту дилемму, но разрешить ее иначе, как только посредством кнута, невозможно. Они должны работать на меня сколько сил

хватит. Все, что они не доделают, является кражей. Прежде всего, надо их обуздать – и затем уже подавить.

За эту прекрасную речь, произнесенную с восторженностью оратора, который сознает свое призвание, я схватила его за руку и прижала к груди.

– Я так жесток потому, что защищаю свои собственные интересы.

В то время, как горничная ухитрялась украшать меня для посещения моих подчиненных, мы продолжали рассуждать о политической экономии и полевых работах. Я вынула из кармана очень хорошенькую брошку с сапфиром, украшенным бриллиантами, точно таким же, как на косынке. Он узнал в ней брошку, принадлежавшую прежде генеральше, и оценил ее в 40 000 франков. Я не знала, что она такая дорогая. Он убедил меня поскорее же отделаться от нее на том основании, что небезопасно ездить по большим дорогам с такими драгоценностями. Он предложил остановиться в Таганроге, чтобы оценить эту вещь. Я согласилась и назначила ему свидание в Ростове, чтобы покончить это дело, если только мы сойдемся. Он сказал мне, что генеральша в восторге от меня. Вероятно, я оказала ей большую услугу. Она ежедневно посылает своих курьеров, старательно заботясь о том, чтобы мне было так же хорошо, как и ей, даже лучше. Ему принесли для меня покойную мебель, которая впоследствии осталась у него. Я вынула из кармана футляр с булавкой, украшенной большим рубином, который и оставила на столе. Он недав-

но продал ее за 15 000 франков вместе с двумя дюжинами ажурных шелковых с вышивкою чулок, дюжиною таких же фильдекосовых и двумя дюжинами туфелек. Оказывается, что их купил старый барон. Это было с его стороны мило и любезно; меня это очень тронуло. Он не признал очень хорошим ни мой жемчуг, ни превосходный фермуар в старинной оправе. Он мне передал их, когда я уже садилась в коляску. Он оценил эти вещи по-дружески в 20 тысяч франков».

Барон рассказал мне просто, без хвастовства, что он был самостоятельным и неограниченным владельцем 700 с чем-то душ, судьба которых вполне от него зависела, и стольких же женщин, которые в России не считаются, хотя они не менее других способствовали его обогащению: кроме полевых работ, они в зимнее время снабжают его пенькой, пряжей, полотном и мотаной шерстью. Благодаря своей значительной словоохотливости, он успел мне сообщить о себе много других подробностей. Одеваясь, я узнала, что торговля, которую он вел, была прибыльна; я уже вовсе не удивлялась, что он был так добросовестен относительно генеральши. Он продавал французские вина, драгоценности, шелковые и парфюмерные товары и, между прочим, башмаки для генеральши, никогда не платя таможенной пошлины. Он получал уже большую прибыль на одной только таможенной пошлине, которая оставалась у него в кармане, да и вообще имел дела почти со всеми в этой местности. Он назначал более дешевые цены, чем в Одессе, которая была порто-франко. Один

счет генеральши превосходил в 3, даже в 4 раза сумму, которую ему приходилось выплачивать за хлеб, получаемый с ее земли. В нем было что-то очаровывающее и увлекающее. Это был настоящий гений и очень честный человек, я в этом убедилась. Скажи он мне, чтобы я выбросилась из окошка, я бы это исполнила, не поморщась.

Уже прошло около 40 минут, как я занималась своим туалетом. Я надевала соломенную шляпу и длинные шведские перчатки, Я положила часы перед собою на стол, чтобы не забыть время. Сопровождаемая проконсулом, я приказала горничной следовать за собою и нести мои пожитки: дождевой зонтик и верхнее платье. Погода казалась дождливою. Я наскоро пробежала рапорт. Прочтя его и ознакомившись с виновными, дала себе слово в точности придерживаться этого рапорта. С ним уже нельзя было ни играть ногою, ни устроить телеграфа. Управляющий был одарен всеми качествами министра. Я спросила своего соотечественника, может ли девушка присутствовать при наказании? После его согласия я обратилась к ней с следующими словами:

– Вы будете присутствовать при наказании виновных. Я уверена, вы заметите, насколько я сохраню спокойствие при самых жестоких наказаниях. Моя мать креолка; она также имела крепостных. Вы увидите, что я умею обходиться с ними.

Два молодых человека были пойманы на месте преступления; каждому из них присудили по 100 палочных ударов

и более 25 кнутом; это был отец того самого молодого человека, который открыл виновных. Два человека были захвачены в поле во время воровства арбузов; один из них был присужден к 125 палочным ударам; другой заслуживал примерного наказания: он был поставлен сторожить поля с арбузами и, за злоупотребление доверием, занесен в список и должен был получить 150 палочных ударов и 40 – кнутом. Этот бедный старик был очень жалок. Но я поставила себе в обязанность не вмешиваться. Последний или, вернее, последняя была женщина 40 лет, вдова деревенского кучера, умершего полгода тому назад. Эта женщина была вне всякой дисциплины: предавалась пьянству и скрыла капитал, не заявив о нем; будучи по рождению своему из чужого села, она не менее других, подчинялась тем же правилам. По распоряжению она была снова отправлена в деревню. Ее присудили к 140 палочным ударам и 60 – кнутом; но в то же время по листку ей назначалось 350 палочных ударов и 120 кнутом. Последний столбец списка был просто озаглавлен словом «упрямство». Этого было достаточно для объяснения, в чем дело. Тут нечего было колебаться. Я дала себе слово и сознавала, что достоинство мое требовало молчания.

Чтобы войти в контору, я должна была перейти двор, обнесенный палисадником. Едва только управляющий отворил дверь, как пятеро осужденных все разом бросились к моим ногам. Я прошла сени и велела привести молодую осужденную и 2 пожилых женщин. Одна из них начала молодую

сильно бить довольно толстою и сучковатою палкою. Они менялись по очереди. Это предупредительное внимание относилось ко мне. Услуга всегда делается мужчинами. Явился на сцену кнут и начал свое ужасное действие. Я подошла к наказываемой и к великому удивлению узнала, что она еще девушка. Она бросилась к моим ногам и горячо благодарила меня. Ее увели в сени. Комната мне показалась очень хорошо меблированной: два кресла красного дерева, с подушками из зеленого сафьяна, называемого Гамбс, по имени изобретателя, диван, обтянутый зеленым сафьяном, три стола, покрытые зеленым сукном, ширмы, графин с холодною водою и флакон одеколона, который заставил меня улыбнуться. Горничная, которой не нужно было соблюдать тех же осторожностей, как мне, прошла в сени. Я советовалась с моим оракулом; он сказал мне, что это необходимо.

Короткая расправа проконсула шла своим порядком. Трое были уже наказаны, в том числе и девушка, не испустив ни малейшего крика. Право, это было удивительно! Я вышла в сени, чтобы принять обычную благодарность. Они бросились к моим ногам и благодарили за наказание, заслуженное ими. Я приказала войти в комнату женщине 40 лет, которая по своим годам очень сохранилась и была красавицею: у нее были прекрасные зубы и красивый рот. Она бросилась к моим ногам и во все время, как ее жестоко наказывали, не проронила более ни слова. До наказания она была как бесноватая и страшно бранилась. Она снова бросилась к моим но-

гам и не имела более сил подняться. Я сделала знак моей горничной поднять ее. Я хорошо изучила выражение лица моей горничной; она была очень бледна и сильно дрожала, но превосходно сдерживалась. Две разбитые бабы подошли помочь ей унести умирающую.

Двое молодых людей, которых я только что благословила, пришли к управляющему узнать о решении вопроса о их свадьбе. Девушка была сосватана отцу молодого человека, а молодой человек – вдове. Она имела корову и двух свиней. Это была очень хорошая партия. Вдова выглядела прекрасною и сияющею, она бросилась к моим ногам, совсем ослабевшая и помертвевшая. Старик отец, 60 лет, имел зловещий вид висельника; он был старшиною в деревне и на коленях благодарил меня за союз с нею. Я оставила свою горничную присутствовать на таких же двух наказаниях, а сама в сопровождении управляющего, пошла отдохнуть на диван, который мне показался очень удобным. Я сидела на нем в продолжение трех наказаний и по очереди принимала благодарность с обычным коленопреклонением. Много было такого, к чему можно было придаться! Постановка сцены оставляла много желать. Все это было слишком грубо и устроено старшиною деревни, который был в одно и то же время и судьей, и ответчиком. Он воспользовался обстоятельствами, чтобы забрать себе эту молоденькую бабенку. У него был недурный вкус, потому что она была очень красива; он получал хорошее приданое для своего сына.

Я расточала свои милости. Двое стариков были только для числа. Чтобы не сделать неприятности своему соотечественнику, я ничего не сказала ему об этом. Мы выпили с влюбленными по стакану холодной воды и съели по большому ломтю арбуза, который в ожидании нас стоял на столе, очень красиво сервированном, о котором я совершенно позабыла, рассматривая комнату главного конторщика. Так называемый в деревне «главный конторщик» был в отсутствии.

Я прошла через контору к месту заключения. Там я увидела одного из каторжников с тяжелыми цепями на руках и ногах, с железною цепью на шее и толстым железным прутком в ногах. Мужик, покушавшийся на жизнь управляющего, оберегался строже. Суд в России очень быстрый, и, конечно, это есть верная защита для честных граждан. В своей книге я уже говорила об этом не один раз. Обвинение читалось перед судом. От господ управляющих, или вообще лиц, которым вверялось управление, требовалось удостоверение своею подписью важнейших фактов. Крестьян же допрашивали только о том, кормили ли их каждый день и не притесняли ли их. Если они говорили, что голодны, то палочными ударами убеждали их в противном. Если же они жаловались на несправедливость, то это считалось бунтом, и судья или управляющий подвергал их наказанию розгами, которое есть настоящая благодать. Чиновник судебного ведомства тотчас же являлся и брал бунтующих крестьян. Это называется в стране «повальным обыском». Двум каторжникам предстоя-

ло идти в Екатеринослав для наказания плетьюми, затем – вырывание ноздрей и ссылка в Сибирь на всю жизнь. Я оставалась у них не более минуты, я просила его «управляющего» со слезами на глазах щадить себя из любви ко мне. Он казался очень тронутым. Это было для меня очень приятно.

Губернатор, узнав, что я буду у своего соотечественника, дал приказание ускорить суд. Губернатор поторопился наказать их в присутствии знаменитых путешественников. Мы слышали, что власти в России следят по стопам путешественников. Они к ним очень внимательны, но не скрывается ли под этим вниманием полицейская подозрительность, которой они проникнуты?

Выходя из тюрьмы, я взяла руку управляющего.

Мы возвращались от наказанных под руку, и все время беседовали о разных разностях; он рассказал один эпизод, который был мне немного известен еще в первой части моего рассказа.

– В одну прекрасную ночь, в последних числах марта месяца, привезли ко мне в хозяйской телеге, запряженной горячими лошадьми, молодую, 19-летнюю девушку, незаконную племянницу генеральши.

– Это была старшая сестра моей горничной, – перебила я его, – я думаю, и мать находится между вашими клиентками?

Он сделал знак согласия и затем продолжал рассказ:

– Эту молодую девушку следовало позорно высечь. Я

встал с постели, чтобы помочь ей выйти из телеги. Следы наказания свидетельствовали, что по крайней мере ее секли 4 дня по нескольку раз. Я дал ей заметить, что это было мне известно. Я также увидел, что она была в таком положении от 4 до 5 месяцев. Я знал, что это все значит. Не в первый раз присылали мне подобный товар, и что делать в подобных случаях, мне было хорошо известно.

– Вы удвоили порцию и в то же время сделали ее сильнее, – сказала я, смеясь. – Вы их сечете на ночь, после того, как они вам служат за завтраком, как это делает генеральша.

– Вы сказали, сударыня, совершенно верно. После того, как ей дали 30 ударов плетью, я ее запер в чулан. После этого я снова пошел спать и на следующий день распорядился дать ей еще 25 розог по заведенному порядку, после чего я начал ее расспрашивать. Она молчала. Я снова распорядился высечь ее плетью: язык стал более развязным. Она мне призналась, что находилась несколько времени в связи с сыном генеральши, который только что был произведен в офицеры, что он один входил в ее комнату, когда ему было угодно. Генеральша с удовольствием смотрела на это и сама поощряла молодых людей, предоставляя им полную свободу. Однажды молодой человек, катаясь с гор с нею и ее сестрой, упал и расшибся. Он не выходил из комнаты около 8 дней. Генеральша приставила к нему молодую девушку, приказав ей ухаживать за ним день и ночь, в случае же сильной усталости заменить себя сестрою.

«Мы остались почти одни, и однажды ночью молодой человек воспользовался моей слабостью. Я не смела отказать ему, – сказала молодая девушка. – Ей-богу, я думала о нем лучше».

«Ваше положение не было так затруднительно, как вы думаете. Вы тогда уже были осуждены; это до вас не касается».

Она казалась очень удивленной; я взял палку и, более для забавы, слегка коснулся ее.

«Генеральша казалась очень довольной. Она осыпала меня подарками, делала шуточные замечания насчет моего положения и несколько раз повторяла, что я должна беречься. Молодой человек уехал, и тотчас же все изменилось. Я ей сообщила с трепетом, что ее поощрения были приказанием для меня. Я должна была улыбаться на все то, что он говорил; он взял мои ноги, и я не посмела сказать ему – нет, что я не хочу. Она ответила мне жестокостью, держала взаперти около своей спальни и подвергала розгам и даже кнуту по 5 и 6 раз в день. На четвертый день пытки она отправила меня к вам».

«Какую же роль играла здесь мисс Пенелоп?»

Она молчала. Несколько довольно чувствительных пощечин сделали ее сообщительнее.

«Я видела, что была приговорена, и мне опять приходилось соединиться с матерью, которой я очень стыдилась. Бог меня наказал».

«Но, черт возьми, объясните же скорее, что за отношения

были у вас с мисс Пенелоп?»

«Она уже назабавлялась со мною и покинула меня совершенно с тех пор и даже еще прежде того, как молодой человек полюбил меня. Со времени его приезда она обращалась со мною, как с равною, окружала меня заботами и уважением, как будто бы я выходила замуж за молодого человека, но она уже не могла более уделить мне ни одной минуты».

«Вы забываете, что приходитесь родною племянницею генеральше; может быть, вы имеете предъявить право на наследство?»

Частью измученная ужасными страданиями, которые ей пришлось перенести в продолжение 5 дней, частью по нравственным причинам (может быть, надежда быть прощенной не совсем еще угасла в ее сердце), но она молчала, что сильно мне надоело. Я начал хлестать ее по плечам плетью, вроде молота, которая и произвела настоящее действие. Плеть развязала ей язык. Она призналась, что уже год спала с своей хозяйкой. Затем рассказ вдруг оборвался; я видел, что девушка имела сказать вещи более важные, но не осмеливалась их высказать. Я ударил ее несколько раз кнутом, и девушка призналась, что она и мисс Пенелоп обожали друг друга. Но что они поклялись перед евангелием никому не выдавать этой тайны: ни генеральше, ни молодому человеку, никому в свете!

«Ваша связь с молодым человеком началась в конце февраля. А когда кончилась?»

«В начале марта месяца».

«Мне вас очень жаль, бедная молодая девушка, тяжелая доля выпала вам; это урок на всю жизнь».

«Мисс Пенелоп обожает меня и спасет. Я ее люблю так сильно, что с радостью приму страдания за нее!»

Не прошло еще недели, как мисс Пенелоп, без провожа- того, приехала во всю прыть верхом на лошади. Она отдала мне письмо от генеральши, извещавшей о вашем приезде и посылавшей свои приказания относительно вашего приема и 500 руб. ассигнациями. Мисс Пенелоп тотчас же поспешила возвратиться, чтобы поспеть к чаю генеральши. Она послала в контору за нею и, не говоря ни слова, начала бить ее хлы- стом, и каким еще хлыстом – с свинцовым наконечником! Она была им обоими наконечниками. Между тем люди, кото- рым я приказал явиться, пришли. Она была ее до того, что та чуть было не умерла под кнутом; англичанка же, вооружась ручкою плети, представлявшей добрую дубину, била ее по голове и груди. Исполнив свою миссию, мисс Пенелоп, ни с кем не простясь, вскочила на лошадь, которая ждала ее у ка- литки, и поспешно уехала. В 10 верстах от нас была овчарня, где находился охотничий домик. Мисс держала в этом месте свою запасную лошадь, так как от него ей предстояло еще сделать 20 верст. Я, право, не понимаю, какое удовольствие находила она ездить верхом по 60 верст для того только, что- бы избить бедняжку, и так уже едва живую от сухотки.

– Чего вы ждете, – сказала я ему, – скорее уничтожьте

ее, если надо, сожгите или что-нибудь другое выдумайте. Ее мать также следует уничтожить. Вас за это наградят, мой милый. Генеральша и мисс думают об этом, но не знают, как взяться за дело, для вас же это ничего не составит. Несмотря на ваш ум – вы просто дурак и ничего более. Послушайтесь меня, освободитесь поскорее от этих двух женщин. Вы из-за них потеряете свое место, уверяю вас.

Богадельня была перед нами, впереди деревни; ее отделил от нас только овраг; нас всегда провожала горничная. Комната была полна женщинами различного возраста. Одни обрабатывали пеньку, другие сучили толстые веревки из конопли. Это походило на англичан, которые вводят такие же жестокие наказания в своем Рабочем доме. Работа эта очень тяжела для пальцев наказываемых: перебирая пеньку, можно каждую минуту их порезать, что причиняет сильную боль. Средство излечиться от боли, которое кажется сначала ничтожным, – это продолжать работу без перерыва. Генеральша говорила мне, смеясь, что она слишком засматривается на мужчин; если этого не будет сегодня, то случится завтра. «Я не допустила бы вас уехать, не предложив вам средства ознакомиться с этим делом. Если же вы его не желаете принять, то девушка все равно будет наказана; это уже решено». Я не могла отказаться; так или иначе следует, чтобы девушка была наказана. Действительно, она была мила и имела вид девушки, всегда жившей в хорошем доме. Я всегда выходила из себя от ее смелого вида, всегда готового возмутиться.

– Оказалось, что я обращался с нею очень жестоко, и она поступила в исправительный дом совсем измученная. Я ее скоро нашел. Глаза ее всегда дышали злобою и казались готовыми обвинить меня в дурном обращении с нею из-за удовольствия или просто из любопытства. Я приказал ее высечь кнутом, чтобы ускорить ее близкий конец. Милосердие тогда только хорошо, когда коснется самого себя. Ее злые глаза угрожали мне мезтью, если бы только она когда-нибудь встала. Это было весьма возможно, хотя генеральша ни в чем не могла упрекнуть ее. Я позвал мать и приказал высечь ее кнутом. Она будет это помнить до конца своих дней, которых ей остается немного прожить. Я позвал старшую дочь, едва уже двигавшуюся, но не имел мужества наложить на нее руки.

Она умерла от сухотки, как уже мне говорил управляющий. Последний заявил мне, что ввиду дружеских отношений, которые связывали меня с генеральшею, для меня было необходимо оставить воспоминания о посещении тюрьмы. В случае сильной усталости я могу удалиться в соседнюю комнату. Я спросила его, присутствовала ли другая сестра при наказании. Он ответил, что это обязательно.

Мы пошли в соседнюю комнату, и я стала спрашивать о пище, которая давалась заключенным. По правде сказать, я не знала, есть ли у него время отвечать на мои вопросы. Когда я вошла туда, то увидела несчастную совсем умирающей. Ей оставалось жить несколько дней, может быть, несколько часов. (Мои заметки совсем перепутаны и не занумерованы;

после стольких лет очень трудно разобрать их.) Выходя от заключенных, он сказал мне, что на 20 человек, находящихся в комплекте, выдается на день 1½ ф. хлеба, 11 человек сверхштатных кормятся с ними же. Более и нельзя, они зарабатывают только на продовольствие.

– А работницы модных магазинов?

– Это другое дело, сударыня, им каждый день дают говядину и суп; их хорошо кормят. Но они зарабатывают гораздо более. Все, что затрачивают на их продовольствие, они возвращают обильной работой. Содержательницы модных магазинов оказывают еще большую жестокость, с которой мы, управляющие, не знакомы. Видя, что розги причиняют лихорадку и отнимают драгоценное время, палочные удары – мешают работе, они в большинстве случаев вводят моду выбивать зубы железным прутом, т. е. аршином. Это не отнимает времени и долго заставляет помнить о страданиях; их часто не забывают до конца жизни. Это имеет за собою то преимущество, что страдания повторяются время от времени, не оставляя за собою ни малейших следов. Все это гораздо экономичнее. Сначала они выбивают им зуб с одной стороны, через два или три года – на другой, затем, но это очень редко, вышибают передние зубы; впрочем, таких немного. Часто употребляются утюги, что является одним из очень хороших средств к исправлению. Они проводят им 2 или 3 раза по спинам своих работниц и их учениц. Правда, это очень больно, но зато не мешает работе и даже сидеть, и в то же

время есть верное средство, к которому они прибегают в минуту гнева и нетерпения, что случается довольно часто: они берут все, что только попадается им под руку, и немилосердно бьют неумелых работниц, случается даже, что горячей головней. Но, поразмыслив хладнокровно, они предпочитают из всех средств более действительное – это выбивать зубы. Я далек от мысли бросать камнями в наших дам. Сумы, получаемые ими, очень велики, ущерб же, причиняемый неумелой работницей, стоит не одной, а нескольких челюстей. Работницы ничего бы лучшего не желали, как поменяться положением с нашими деревенскими женщинами, но сделать это не в их власти. Они поставляются в наши модные магазины своими хозяевами, по окончании ученья снова возвращаются к своим владельцам или же помещаются в качестве мастериц в модные магазины, которые платят за них владельцам большие оброки.

Я видела крестьян, убирающих на поле свое сено. Всякий раз управляющий, при встрече с крестьянином, бил его палкою; там он встретил четырех несчастных, которых стал бить без счета. Наложив на троих крестьян наказание и сильно избив их, он обратился ко мне с следующей речью:

– Барщина налагается на них безвозмездно вне рабочего дня. Это необходимо.

Поэтому-то наш обязательный соотечественник предложил нам очень любезно трех дрянных лошадей, измученных дневною работою, и кучера, всего избитого своим хозяином.

Он, не выпуская моей руки, бил его палкою. Пропали ли они в то время, как мы блуждали по долине роз? Он ехал за нами верхом на своей кобыле, за которой бежал жеребенок, две другие лошади принадлежали двум крестьянам, которых он только что прибил.

Мы оставили эту станцию в 6 часов вечера и должны были сделать 20 верст до первой деревни, немецкой колонии «Молочная», где рассчитывали провести ночь. Благодаря дурным лошадям и бестолковому кучеру, которых с моего согласия получили от нашего соотечественника, признаюсь, что едва проехали четверть пути, как уже были в совершенной темноте. Кучер, жестоко избитый своим хозяином во время нашей прогулки по деревне, в дополнение или в виде ободрения получил еще шесть пощечин. Едва мы только выехали из деревни, как Антуан начал выходить из терпения. Кучер каждую минуту менял дорогу по своему желанию, не обращая внимания на выговоры, которые делал ему Антуан в виде внушения. Мы увидали, что лошади не могли более двигаться, и во всяком случае положение, в котором находился наш кучер, было вызвано более его упрямством, нежели неловкостью. При каждом новом вопросе, с которым мы к нему обращались, получали короткий ответ – не знаю. Русский употребляет это слово, когда не умеет дать ответа, и ничто в мире не заставит его сказать, что *знает*, – даже палочные удары. В тот вечер мы убедились в этом. Наконец мой муж вышел из себя и дал ему отеческое наказание; он

так его колотил, что разбил вдребезги свой чубук. Это была прекрасная расправа, и я еще ободряла мужа, чтобы он, наконец, показал ему свою власть. Я сама показала пример, приколотив его изо всех сил железным наконечником зонтика, с которым очень удобно ходить по горам. Я думаю, что это изобретение Крыма. Пушкин, хотя и либерал, первый подавал пример: он сек до смерти всех ямщиков, не говорю уже о других. Казак, наконец, устал от бесплодных расспрашиваний злополучного кучера и начал бить его по плечам длинным кнутом, который из предосторожности всегда носил за поясом; наказание это не достигло никаких результатов. Необходимо было на что-нибудь решиться, если мы не хотели провести ночь под открытым небом. Г. де Гелль предложил казаку отпрячь одну лошадь и отправиться на разведку окрестностей в надежде открыть какое-нибудь указание, по которому бы можно было продолжать дорогу. Я была того же мнения, но настаивала на том, что раз уже наказание началось, следует его продолжать до тех пор, пока преступник не станет лучше и не смягчится. Минуту спустя наказание кнутом возобновилось с такою же грубостью и жестокостью, как и вначале. Г. де Гелль очень устал; наказание показалось ему тем более ужасным, что оно не кончалось. Он вышел из терпения и дал заметить казаку, что им овладело смущение. Я же оставалась совершенно спокойной, но это спокойствие смешивалось с припадками бешенства, которые требовали продолжения зрелища. При виде наказания я испы-

тивала неизъяснимое смятение: я чувствовала в сердце какую-то тоску, а между тем я ее не имела. Ласки, расточаемые моим казаком, проникли в мою кровь. Я следила за правильным движением кнута, ударяя в такт своенравную ногу, как высказался Альфред де Мюссе в стихах, мне посвященных. Невольно вспомнила я эти стихи, вызывавшие решительный ответ. Я отбросила в сторону все воспоминания, т<ак> к<ак> мне было не до того в эту минуту: ведь я решила посвятить этот день на основательное изучение вопроса, и мне хотелось покончить этот день так, как я его начала.

Все описано здесь мною без пропуска и ложного стыда, потому что, в конце концов, ведь только любовь к познаниям и моя страсть к путешествию заставляет меня странствовать вдоль и поперек России, в погоне за неожиданностями и чудесами. Удары кнута сыпались подобно граду, я придавала им *tempo allegro vivace*, смешанное с *crescendo* и *forto fortissimo*, и руководила ими опытной рукою. Наказание произвело свое действие; мужик начал реветь, как вол, которого ведут на бойню: «матушка, прости, знаю, знаю». Мы оставили его кричать и реветь, сколько ему угодно. Казак не останавливался, продолжая бить его без устали. Воздух пропитался кровью. Я чувствовала на губах какое-то странное ощущение, как будто бы вкус омертвелою тела. Наконец мне все это надоело, и я дала знак прекратить наказание.

Казачья поистине любезная люди. Будучи постоянно настороже, они повинуются малейшему знаку. Удары прекра-

тились, оставалось только связать ноги этому глупцу. Казак взял тотчас же пучок веревок, который всегда был у него под рукою, накинул на шею негодяя, затянул узлом и, закрутив несколько раз, повалил на землю бестолкового мужика. Затем, с помощью Антуана, он загнул за спину его руки, с силою стянул их и связал его, как связку табаку. Я благодарила в душе провидение, которое бодрствует постоянно над путешественниками и удаляет все препятствия, встречающиеся на их пути. Мы видели, что казак спас нас от большой опасности, которая в самом деле нам угрожала. Откровенно говоря, я ужасно боялась за мои драгоценности и деньги. Мы совсем не предполагали о возможности преступления; конечно, это было бы нелепо. В стране, где народ находится в рабстве, разбойничество является, слава богу, совсем невозможно. Мы питали сильную веру в могущество монархического правления, к тому же нас охранял бравый казак, вооруженный с головы до ног, верный своему долгу и присяге, которому, по правде, мы вполне доверились. Но упорное молчание кучера далеко нас не успокаивало.

Он, очевидно, ждал, когда мы заснем, чтобы подлым образом задушить нас всех четырех, с помощью людей, быть может, бродивших кругом нас. Мои бриллианты были в кармане юбки. К счастью, наш ямщик начал молить о пощаде в тот самый момент, когда беспокойство мое достигло высшей степени, и этот крик совершенно успокоил меня относительно его. Я с облегчением вздохнула; теперь он представлял со-

бою какой-то омертвевший и окровавленный тюк, его нечего было более опасаться. Воздух был насыщен электричеством. Г. де Гелль был мрачен и молчалив и, казалось, не хотел шевелиться. Антуан, испуганный, не спускал глаз с кучера.

Я, с легкостью и успокоенным сердцем, выпрыгнула из брички и, довольная, отправилась отдать распоряжения и с благодарностью пожать руку нашему ангелу-избавителю. Он поднес руку к губам и покрыл ее поцелуями. Казаки созданы для того, чтобы жить в свете, ничем их не удивить, и они отлично умеют пользоваться обстоятельствами. Меня охватило какое-то странное волнение. Я быстро отошла от него и села около мужа. Он оставался мрачным, несмотря на мои заигрывания и ласки.

Казак еще раз вывел нас из затруднительного положения, посоветовав запрячь в повозку жеребенка, который бежал за своею матерью, не подозревая, что ему с этого вечера придется начать свою тяжелую службу. Эта помощь, как она ни была ничтожна, все-таки позволила нам двинуться с места, так как наши лошади совсем стали, выбившись из сил. Я предложила запрячь жеребенка около правой пристяжной. Меня занимали его прыжки и ловкость импровизованного кучера, который мигом справился с ними, как будто бы всю жизнь ездил. Я не могу передать, насколько это меня забавляло. Лошади тронулись с места и даже изредка переходили в рысь. Правда, злосчастного кучера, который задерживал их, не было уже на козлах. Я о нем и забыла, или, вернее,

не хотела и говорить, до того он мне опротивел. Оставить его было бы величайшей глупостью, взять с собою – значило только излишне загрузить экипаж; мне пришла смешная идея запрячь его на вынос, и я сама начала привязывать его к оглобле. Эта выдумка понравилась и казаку; он хотел привести ее в исполнение. Он привязал руки мужика к оглобле, выпустив его немного вперед, и, благодаря своему длинному кнуту, который производил чудеса, он, казалось, превратил избитого мужика в легкого, быстрого древнего центавра.

Мы услышали, как пробило одиннадцать часов. Приятные звуки раздавались в наших ушах, и казалось, что мы, как в волшебной сказке, были перенесены в долину Мурж. Колокол призывал сбившихся с дороги путешественников. Эта неожиданная мелодия быстро изменила настроение моих мыслей. Сладкое томление овладело мною. Казак, всегда вооруженный своим неутомимым кнутом, не забывал хлестать им по плечам сильно страдавшего мужика и по бокам жеребенка, который казался угрюмым и с трудом передвигался. Надо думать, что он так старался для того, чтобы я его не забыла, и приносил к моим ногам дань моей изобретательности. Я это скорее чувствовала, нежели видела, так как ночь была совершенно темна и скрывала от меня все его движения, отрывала меня от мыслей и возвращала к однообразной и скучной действительности, которая, впрочем, не лишена была некоторой прелести в виду продолжительной

дороги. Мы приказали отпустить кучера, велев ему прийти за лошадьми к Шульцу. Г. де Гелль объяснил мне, что мы употребили на этот переезд не более того, сколько следовало, так как невозможно было с измученными лошадьми сделать в 4 часа более двадцати верст; и если прибавить к этому еще час, потерянный казаком на разведку, то – «вы видите, сударыня, что расчет верен».

Он упрекал меня в нетерпении и безрассудстве и утверждал, что наказание было нанесено только ради моего удовольствия. Я с достоинством и спокойно отвечала ему, что казак лучше нас знал, как надо обращаться с русскими, и ему досконально известно, что побои и синяки считались ничем в сравнении с тревогою женщины. Я прибавила, что нехорошо забывать после минувшей опасности такую важную услугу. К тому же казак, как представитель исполнительной власти, назначенный для нашей охраны и имеющий полномочия, никому не должен отдавать отчета в своих действиях, и нам остается только преклониться пред ним в молчании. К тому же мое изучение нравов было пополнено, В остальном же на будущее время я обещалась быть умнее и осторожнее и сдержала слово. Мир был заключен и закреплен.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Позже я возвратилась в Одессу, чтобы получить некоторую сумму денег от принадлежащих мне девушек. Им оста-

валось служить мне два года. Сначала они этого не поняли. Я живо сделалась россиянкой и дала им полдюжины пощечин, которые произвели надлежащий эффект. Это был страшный грабеж со стороны правительства. Я тотчас же приказала взять их в полицию. Мне сопутствовал полицейский офицер, предложивший мне Страсбургский пирог, омары и бутылку французского вина, чем я и воспользовалась с удовольствием. Когда на следующее утро я снова пришла в модный магазин, то хозяйка его, испуганная вмешательством полиции, тотчас же принесла мне главную книгу. Мы просмотрели ее очень внимательно, и я заметила 100 р., которые не были занесены в нее; я должна была получить 500 р., которые составляли сбережение, оставшееся от расходов на девушек. Я взяла скорее эти деньги и заставила подписать квитанцию. Хозяйка, напуганная вниманием ко мне полицейского офицера, предложила мне заплатить 200 р. за два года вперед, чтобы только я подписала бумагу в удостоверение того, что отступилась от своих претензий; она же оставляет девушку (в крепостном состоянии) на собственный счет еще на два года. Я дала ей законную доверенность, и мы отправились к нотариусу. Она уплатила, не поморщившись, и мы расстались добрыми друзьями.

– Мы очень любим оставлять у себя девушек, – сказала она, – которых вверяют нам господа, менее издерживаешься на них и в то же время относишься с большею взыскательностью.

Четыре девушки пришли поклониться мне в ноги и со смирением поблагодарить меня; на их лицах, уже отцветших и лишенных зубов, была постоянная ангельская улыбка, но они уже не походили на красивых девушек 1842 года. Я благополучно выбралась из неприятного дела; конечно, оно было очень ничтожно. Я положила в карман деньги, в которых тогда, увы, очень нуждалась. Хорошенькая мисс Пенелопа Сквейрс сопровождала меня в Одессу, где у нее были различные дела; она была 20 годами старше. Она находилась в очень печальном положении: быть бонной при детях в Яссах, получать тысячу франков жалованья после того, как прежде властвовала над крепостными, которые дрожали при одном ее приближении. Какое печальное положение! Генеральша умерла и ничего ей не оставила. Как я благоразумно поступила, не приняв предложений малороссиянки. Я потеряла бы 700 рублей. Эту сумму я одолжила, уезжая в Ростов, мисс Сквейрс. Она мне выплатила ее очень аккуратно. Я вызвала ее к себе в услужение после второго моего путешествия в Константинополь. После того, как было уже решено, что я не буду сопровождать г. де Гелля к графине Жильбер де Вуазен, она перешла к графине, которая и пользовалась ее услугами до Крымской кампании. Муж графини, граф Жильбер де Вуазен, был так обязателен, что впоследствии поместил эту девушку во французский модный магазин, поручив ее заботливости голландского консула. Через 20 лет я нашла ее в том же доме; но она уже переменяла фирму. Дочь прежней

хозяйки магазина передала ей по контракту всю обстановку магазина. Я обратилась с письмом к голландскому посланнику с просьбой доставить мне более надежное обеспечение моих прав как владельницы. Из дружбы ко мне он заставил поместить в контракт параграф, который давал мне возможность наложить запрещение на 500 р., которые ей были должны. Когда я спросила эту девушку, кто ей выбил зубы, так как у нее недоставало двух передних и одного с левой стороны, она сказала мне, что это граф, который приходил на помощь жене, когда та уставала драться.

– Кто же из них был сильнее? – спросила я.

– Барыня била меня от нетерпения, но от графа мне доставалось более; барин был очень зол.

Графиня долго не решалась принять ее к себе. Я хотела оказать ей дружескую услугу. Раньше чем делать приготовления к путешествию, я посоветовалась с Пизани, директором коммерческой канцелярии, который меня уверил, что мои права на эту девушку имеют одинаковую силу как в Константинополе, как в Одессе, так и в других городах России. Посол, однако же, сумел убедить графиню взять эту девушку к себе в один из вечеров, который мы проводили втроем.

– Вы можете ее бить по щекам, сколько угодно, – сказала я ей, – если она будет вам дурно служить или же просто придет фантазия бить. Вы присутствовали довольно часто в минуты моего гнева и, конечно, заметили, что я не щажу ее. Разве она похожа на тех, которые бы стали жаловаться? Я ее немед-

ленно отправлю в Ростов, где ей придется провести невеселые моменты. Она отлично знает, что ее ждет, но, впрочем, повиноваться своим господам вошло у нее в религию.

– Пощечины – это великолепно, – сказал г. Буркеней, – наши знатные барыни так же били своих горничных. Вы будете поступать точно таким же способом.

Дело было устроено, и я получила сущую безделицу – немного больше 100 франков в год. Взамен ее я оставила у себя прекрасную Марицу, молодую гречанку, которая мне очень нравилась. Она обошлась мне гораздо дешевле. Моим французским привычкам претило заставлять себе служить крепостных; я успела проникнуться воздухом свободы во Франции. Марица была очень мила, ей было шестнадцать лет, и я платила ей, что желала.

№ 119

Пятигорск. Пятница, 14 августа 1840 года

Мы приехали в Пятигорск и остановились у доктора Ко-
нрада, к которому привезли письма. Он нас принял очень
гостеприимно. На другой день, несмотря на его занятия, его
шестьдесят пять лет и очень сильный туман, он взялся нас
проводить в горы. Эта предупредительность тем более была
ценна в моих глазах, что мелкий и непрерывный дождь дол-
жен был у него отбить охоту путешествовать по скользким
тропинкам, которых он уже досыта насмотрелся. Я рада бы-
ла тормозить старика. Наш первый визит был к источнику
«Александра», по имени императрицы. Серные воды этого
источника имеют более 38 градусов по Реомюру. Входишь
по ступеням, высеченным в скале, в обширное помещение.
Много других источников рассеяно повсюду на вершинах,
окружающих Пятигорск, и делают честь заботливости рус-
ского правительства. На неприступных утесах видишь очень
щегольские постройки, тропинки, сто раз перекрещивающи-
еся, террасы с насаженными деревьями. Наверху одной из
высочайших скал поставили осьмиугольный павильон с ко-
лоннами, которые поддерживают голубой купол. Павильон
этот открыт со всех сторон и охраняет эолову арфу. Мело-
дические звуки ее доходят до конца долины и смешиваются
с эхом окружающих гор.

Мы обязаны этой милой поездкой доктору Конраду, нашему хозяину. Страстный музыкант, как все дети Германии, он понял, как эти воздушные звуки благотворно действуют на больных.

Я справлялась о Ребровой. Мне сказали, что она несколько дней как уехала в Кисловодск с большой компанией. Говорят, на ней женится Лермонтов, замечательный русский литератор и поэт. Пари держат, что он на Ребровой не женится. Я вмешалась тут в разговор и сказала, что я отца и дочь знаю. Девчонка довольно взбалмошная и готова за всех выйти замуж; но отец ее, очень богатый помещик, не отдаст ее за литератора, лишившегося всякой карьеры.

Доктор Конрад отвел меня в сторону и подошел к клавикордам. Он играет на кавказских водах роль маленького царя. Баварец по происхождению, он служит здесь при дирекции вод уже двадцать лет. Исполненный рвением и крайне старающийся о своих больных, он неоднократно заслуживал знаки признательности императора. В эпоху, что мы с ним познакомились, ему было около шестидесяти лет. Лицо его сияло добродушием и тонкой проницательностью, он напоминал наших докторов старой школы. В черном фраке, с огромной табакеркой в руках, накрахмаленным жабо, воротники рубашки выше ушей, проницательный взгляд, пергаментное лицо – вот отличительные его черты; вдобавок он немного глуховат. Я поражена была его сходством с дивными портретами старой фламандской школы. Ты можешь себе

вообразить, как я его люблю. Он отличный музыкант и своей страсти предается во все свободные минуты. Он переходил от самых меланхолических адажио к самым животрепещущим варьяциям. Я наслаждалась целые вечера, слушая, как он переходит от фуги Себастьяна Баха к грустным варьяциям Бетховена или торжествующему менюэту Моцарта, сливая все мотивы в один. Он умеет по вдохновению соединять брио итальянцев с меланхолией германцев. Ты себе представить не можешь, сколько отрады приносят подобные вечера после рева верблюдов в степи и криков калмыков и киргизов. Я совсем переродилась, ты не узнала бы меня.

Хотя сезон вод уже почти оканчивался, я у него встретила несколько больных, принимавших участие в наших вечерах. Тут русский офицер, ненадолго приехавший из экспедиции. Две тяжелые раны заставляют его провести зиму в Пятигорске. Трепет нас охватывал, когда он нам рассказывал с постоянной улыбкой об этой кампании и об ужасных сценах, которых он был свидетелем. Русским эта кампания, однако, обошлась дорого: половина людей легла на месте и сто двадцать офицеров было убито. Один из его приятелей спас чудную девочку, по убиении ее матери в пылающем ауле. Он ее схватил на лошадь и привез в русский лагерь. Приехав в Пятигорск, он отдал ребенка на воспитание во французский пансион. Мы ходили ее навестить и обворожены были ее красотой.

Веселая компания, и в особенности Лермонтов, меня тя-

нут в Кисловодск, в котором лучшее общество обыкновенно собирается после Пятигорска. Кисловодск отстоит от Пятигорска на 40 верст; он дальше в горах и подвержен более нападкам черкесов. Я, однако, вполне доверилась военным властям, доставившим возможность больным и туристам посещать этот очаровательный край.

За мной приехала девица Реброва и зовет нас в Кисловодск. Она очень милая девушка, немного взбалмошная, но очень красивая, с черными глазами; ее зрачки очень расширены вследствие ее болезни. Можно утонуть в них. Она мне тотчас созналась, что влюблена в Лермонтова, что Лермонтов ее любит, но не хочет сознаться. Она все очень мила со мной, несмотря на свою любовь: та же, как я ее знала в Владимировке на Куме. Я тебе уже писала в прошлом году, когда мы возвращались из киргизских степей и встретили этот обетованный угол. Я забыла у тебя просить извинения за напечатание этого письма к тебе в «Одесском журнале» 26 апреля (8 мая) 1840 г., № 34, со всевозможными пропусками и твоего имени не упоминая.

Реброва приехала за мной, и я спешу приодеться. Ее туалет был очень шик, и я не хотела сделать дурное впечатление на новых знакомых в Кисловодске. Она была одета в светло-желтое платье с небольшим декольте, в коротких рукавах, в черном кружевном платке, который сходил на крест-накрест на груди, и в ботинках цвета пюс. Я декольтировалась вполне и надела мои бронзовые башмаки. Она мне дала

свой кружевной платок, потому что русские дамы считают неприличным декольтироваться в дороге. Ее дормез стоит у подъезда.

№ 120

Кисловодск. 26 августа 1840 года

Приехав в Кисловодск, я должна была переодеться, – так мой туалет измялся дорогой. Мы едем на бал, который дает общество в честь моего приезда. Мы очень весело провели время. Лермонтов был блистателен, Реброва очень оживлена. Петербургская франтиха старалась афишировать Лермонтова, но это ей не удавалось.

В час мы пошли домой. Лермонтов заявил Ребровой, что он ее не любит и никогда не любил. Я ее бедную уложила спать, и она вскоре заснула. Было около двух часов ночи. Я только что вошла в мою спальню. Вдруг тук-тук в окно, и я вижу моего Лермонтова, который у меня просит позволения скрыться от преследующих его убийц. Я, разумеется, открыла дверь ипустила моего героя. Он у меня всю ночь оставался до утра. Бедная Реброва лежала при смерти. Я около нее ухаживала и принимала все эти дни только одного Лермонтова.

Сплетням не было конца. Он оставил в ту же ночь свою военную фуражку с красным околышком у петербургской дамы. Все говорят вместе с тем, что он имел в ту же ночь свидание с Ребровой. Петербургская франтиха проезжала верхом мимо моих окон в фуражке Лермонтова, и Лермонтов ей сопутствовал. Меня это совершенно взорвало, и я его бо-

лее не принимала под предлогом моих забот о несчастной девушке. На пятый день мой муж приехал из Пятигорска, и я с ним поеду в Одессу, совершенно больная.

30 августа. Из Одессы я еду в Крым, куда меня зовут Нарышкины. Пиши в Ялту до востребования.

Я правды так и не добилась. Лермонтов всегда и со всеми лжет. Такая его система. Все знакомые, имевшие с ним сношения, говоря с его слов, рассказывали все разное. Свидание с Ребровой объясняется смежностью наших домов. Меня приняли за бедную девушку, которая лежала при смерти. Мне остается непонятным, что он делал у петербургской рыжеволосой франтихи. Зачем он оставил у ней свою фуражку и кто были за ним гнавшиеся убийцы? Один Бог ведает! Обо мне он ни полслова не говорил. Я была тронута и ему написала очень любезное письмо, чтобы благодарить его за стихотворение, которое для русского совсем недурно. Я обещала ему доставить в Ялте мои стихи, которые у меня бродят в голове, с условием, однако, что он за ними приедет в Ялту.

№ 121

27 октября 1840 года

Я вполне разделяю мнение, что русское правительство, находясь в открытой войне с горцами, вполне вправе мешать торговым сношениям враждебного народа; это неоспоримое право, признанное всеми, и для меня непонятен весь шум, который подняли из-за Виксена. Но, с другой стороны, претензии России на земли, которые будто бы ей уступила Турция по Адрианопольскому трактату, не имеют никакого законного основания и не подтверждаются никаким историческим документом. Не подлежит никакому сомнению, что Турция никаких прав не имела на земли, носящие имя Черкесии; она воздвигла две крепости, одну в Анапе, другую в Суджук-Кале, с согласия жителей, для обеспечения торговых сношений с Турцией. Сама Россия признала торжественно это положение дел. В этом можно убедиться в главном депо карт. Случайно мне попала карта Кавказа, составленная русскими инженерами задолго до Адрианопольского трактата. Турецкие владения очень хорошо обозначены: они обведены красной чертой; они заключаются, как мы сказали выше, в двух прибрежных крепостях. При виде этой карты граф Воронцов был ошеломлен. Имею честь препроводить ее к вам в полной уверенности, что не нынче, так завтра она пригодится вам. Русские не владеют морем,

несмотря на грозный Севастополь. Вам стоит укрепить два-три пункта, например Геленджик или Суджук-Кале и Пша или Гагры, и вы будете вполне хозяином на Черном море. Я не берусь оценивать стратегические выгоды той или другой местности. Весьма важно восстановить международные права, обеспеченные Венским трактатом.

№ 122

Ялта, Четверг, 29 октября 1840 года

Оставив позади нас Алупку, Мисхор, Кореиз и Ореанду, мы позабыли скоро все волшебные замки, воздвигнутые тщеславием, и вполне предались чарующей нас природе. Я ехала с Лермонтовым, по смерти Пушкина величайшим поэтом России. Я так увлекалась порывами его красноречия, что мы отставали от нашей кавалькады. Проливной дождик настиг нас в прекрасной роще, называемой по-татарски Кучук-Ламбат. Мы приютились в биллиардном павильоне, принадлежащем, по-видимому, генералу Бороздину, к которому мы ехали. Киоск стоял одинок и пуст; дороги к нему заросли травой. Мы нашли биллиард с лузами, отыскивали шары и выбрали кии. Я весьма порядочно играю в русскую партию. Затаившись в павильоне и желая окончить затеянную нами игру, мы спокойно смотрели, как нас искали по роще. Я, подойдя к окну, заметила бегавшего по всем направлениям Тэтбу де Мариньи, под прикрытием своего рифлара. Окончив преспокойно партию, когда люди стали приближаться к павильону, Лермонтов вдруг вскрикнул: «Они нас захватят! Ай, ай, ваш муж! Скройтесь живо под биллиардом!» и, выпрыгнув в окно, в виду собравшихся людей, сел на лошадь и ускакал из лесу. На меня нашел столбняк; я ровно ничего не понимала. Мне и в ум не приходило,

что это была импровизированная сцена из водевиля.

Я очень была рада, что тут вошел столько же встревоженный, сколько промокнувший Тэтбу де Мариньи и увидел меня, держащую кий в руках и ничего не понимающую. Он мне объяснил это взбалмошным характером Лермонтова. Г-н де Гелль спокойно сказал, что г. Лермонтов очевидно школьник, но величайший поэт, каких в России еще не было. Бог знает, что они могли бы подумать! Муж мой имел невозмутимое доверие ко мне.

Я поспешно вернулась к владельцу Кучук-Ламбата, Бороздину, где веселая компания нас ожидала и с громким смехом приветствовала глупую шутку Лермонтова. Графиня В«оронцова», которая ушла с кн«ягиней» Г., чтобы опра­вить свой туалет, спросила меня, застегивая свою амазонку, что случилось у меня с Лермонтовым. «А это другое дело! Но все-таки порядочные женщины не должны его не только принимать, но и вовсе пускать близ себя».

Я потребовала от Тэтбу, чтобы он пригласил Лермонтова ехать с нами на его яхте. Лермонтов ехал в Петербург, но по секрету говорил, что он торопится в Анапу, где снаряжается экспедиция.

– Он не прочь и в Анапу, но только вместе со мной, – сказала я Тэтбу. Тэтбу тут не на шутку рассердился:

– Я ему натру уши, негодяю, – и уехал, не простившись ни с кем, а на другой день снялся с якоря и отправился на Кавказ стреляться с Лермонтовым.

Между тем Лермонтов явился в Ялте как ни в чем не бывало. Он был у меня, пока г. де Гелль ходил уговаривать Тэтбу остаться с нами еще несколько дней. Мы даже дали друг другу слово предпринять на его яхте «Юлия» поездку на кавказский берег к немирным черкесам.

Я на Лермонтова вовсе не сердилась и очень хорошо понимала его характер: он свои фарсы делал без злобы. С ним как-то весело живется. Я всегда любила то, чего не ожидаешь.

Но я была взбешена на г. де Гелля и особенно на Тэтбу, Г. де Гелль слишком вошел в свою роль мужа. Оно просто смешно. Вот уже второй год, как я дурачу Тэтбу и собираюсь его мистифицировать на третий. Уж он у меня засвищет соловьем; уж поплатится он мне, и не за себя одного!

Лермонтов меня уверяет очень серьезно, что только три свидания с обожаемой женщиной ценны: первое для самого себя, второе для удовлетворения любимой женщины, а третье для света.

– Чтобы разгласили, не правда ли, – сказала я и от всей души рассмеялась; но, не желая с ним встретиться в третий раз, я его попросила дать мне свой автограф на прощанье.

– Да я уже с вами вижусь в шестой раз. Фатальный срок уже миновал. Я ваш навсегда.

А Тэтбу, пожалуй, в самом деле отправится на своей яхте в погоню за Лермонтовым. Вот комедия. Мне жаль Лермонтова: он дурно кончит. Он не для России рожден. Его пре-

док вышел из свободной Англии со своей дружиной при деде Петра Великого. А Лермонтов великий поэт. Он описал наше первое свидание очень мелодичными стихами. Я сделала всего одну поправку: «то лист гонимый» – в высшей степени неприлично, особенно в стихах. Хороша картина, нечего сказать. Каково подношение любимой женщине, и вдобавок это совершенная неправда. Он сам на себя клеветает: я редко встречала более влюбленного человека. Впрочем, ты в поэзии не понимаешь, и ты бы, пожалуй, оставила «гонимый лист» и «его ствол сухой и блестящий». Хотя ты мало ценишь стихотворения, я все же тебе его перепишу.

Не правда ли, стихи очень звучны? Они так и льются в душу. Я их ставлю выше стихов, которые мне посвятил Альфред Мюссе.

Лермонтов сидит у меня в комнате в Мисхоре, принадлежащем Ольге Нарышкиной, и поправляет свои стихи. Я ему сказала, что он в них должен непременно упомянуть места, сделавшиеся нам дорогими. Я между тем пишу мое письмо к тебе.

Как я к нему привязалась! Мы так могли быть счастливы вместе! Не подумай чего дурного; у тебя на этот счет большой запас воображения. Между нами все чисто. Мы оба поэты.

Я сговорила идти гулять в горы и застала его спящим непробудным сном под березой. Вот вся канва, по которой он вышивал. Мы полюбили друг друга в Пятигорске. Он ме-

ня очень мучил.

Посылаю тебе мои стихи, надписанные «Лебединая песня»; они помещены в «Одесском журнале» 2 октября 1840. Он сблизился со мною за четыре дня до моего отъезда из Пятигорска и бросил меня из-за старой рыжей франтихи, которая до смерти всем в Петербурге надоела и приехала попробовать счастья на кавказских водах. Они меня измучили, и я выехала из Пятигорска совсем больная. Теперь я счастлива, но ненадолго.

Я ему передала в Мисхоре мое стихотворение «Соловей». Он, как ты видишь, сам подписывает Lermontoff; но это совершенно неправильно. Немое «е» вполне соответствует русскому «ъ». К чему ff, совершенно непонятно. Так же точно неправильно писать Pouchkin, вместо Pouchkine, Schterbinin вместо Schterbinine. Puschkine, Potemkine, Karamsine у нас рифмы для Gaussin, Berquin, Dandin, а следовало бы taquine, соquine, Condamine, Racine.

Вот тебе начало моего стихотворения. Пока и довольно; я переписывать моих стихов терпеть не могу. Когда выйдет, я тебе вышлю «Одесский журнал».

Соловей

Лермонтову

Дыханием любви овеян голос твой,
Певец таинственный дубравы вековой.
Ты у влюбленных душ подслушал их стенанья,
И слезы, и мольбы, и тихий вздох признанья,
Ты в звуках отразил неясный мир услад,
Который их тоске мечтания сулят.
Унылой песнею ты вторишь их томленьям,
Счастливым щокотом – их жарким упоеньям,
Ты разгадал любви пленительный завет,
И молча соловью завидует поэт.

Недаром я его назвала Бюльбюль, – что обозначает по-татарски соловья. Это новое светило, которое возвысится и далеко взойдет на поэтическом горизонте России. Его выслали на Кавказ за дуэль с Эрнестом или Проспером Барантом. (Они оба бывали на моих балах у Тюфякина.) Лермонтов был в близких отношениях с княгиней Щербатовой; а дуэль вышла из-за сплетни, переданной г-жою Бахарах. Я с г-жой Бахарах познакомилась в Вене в 1836 году. Она очень элегантная и пребойкая женщина. Этому будет четыре года. Боже мой, как время идет!

Ты, говорят, разошлась с Деложем. Если твои деньги спа-

сены, то дело не беда. Что ты делаешь? Твое молчание меня терзает. Я получила твое последнее письмо из Флоренции, и с тех пор ни единого слова. Ты, кажется, познакомилась в Баден-Бадене с Евгением Гино? Ты мне писала о нем, называя его пасквильщиком. Передай ему письмо со всеми приложениями.

Он в нем найдет тему для водевиля, и скажи ему, чтобы он сохранил письмо со всеми приложениями до моего приезда.

№ 123. ГРАФИНЕ ЛЕГОНЪ

Шкуна «Юлия». 5 ноября 1840 года

Тэтбу доставил нас на своей яхте «Юлия» в Балаклаву. Вход в Балаклаву изумителен. Ты прямо идешь на скалу, и скала раздвигается, чтобы тебя пропустить, и ты продолжаешь путь между двух раздвинутых скал. Тэтбу показал себя опытным моряком.

Он поместил меня в Мисхоре, на даче Нарышкиной. Но на суше ему не совсем удалось, как ты скоро увидишь. Мисхор несравненно лучше Алупки со всеми ее царскими затеями. Здесь роскошь скрывается под щеголеватой деревенской простотой. Я уже была готова увенчать его пламя; но приехал Лермонтов и, как бурный поток, увлек все венки, которые я готовила бедному Тэтбу. Это выходило немного из моих расчетов; но я была так счастлива! Поездка в Кучук-Ламбат была решительным кризисом.

Я уговорила г. де Гелля, ложась спать, чтобы он сходил на другой день посмотреть на ялтинском рейде, что там происходит. Я приказала моей девушке съездить в ту же ночь в моей коляске, которая тут же стояла у подъезда, в Ялту и проведать Лермонтова. Она вернулась к утру и сказала мне, что он будет около полудня. У меня была задняя мысль, что Лермонтов еще не уехал в Петербург и будет у меня со своими объяснениями, все же, что ни говори, возмутительного

поступка в Кучук-Ламбате; я ожидаю его и готовлюсь простить его шалость.

Де Гелль, приехав в Ялту, заметил что-то неладное на «Юлии». Передвигают на яхте паруса, что тотчас в высшей степени заинтересовало г. де Гелля. Тэтбу, расставшись с нами в Кучук-Ламбате, ничего не сказал нам, что не будет участвовать в прогулке в долину Судака. Мы, кроме этих мелких экскурсий, ему дали слово через восемь дней совершить на его яхте поездку на кавказский берег к его приятелям, непокорным черкесам.

Приготовления к отплытию составляли загадку для г. де Гелля, и он отправился на яхту для разъяснения. Генеральный консул спал непробудным сном или, по крайней мере, казался таковым. (Я уверена, что он всю ночь не закрывал глаз.) Сильно потревоженный восклицаниями г. де Гелля, он поневоле должен был раскрыть глаза и весьма удивился раннему приходу г. де Гелля, вместо которого ожидал меня. Как тебе это нравится?

– Черт бы вас подрал! Какие коварные козни вы предпринимаете? – сказал ему мой муж не то сердито, не то смеясь.

– Что такое? Что за козни?

– Притворяйтесь, что вы тут ни при чем; я вам советую! Ваши матросы возятся около кабестана и готовятся поднять якорь. Что вы на это скажете?

– Это невозможно. Но я слышу какой-то шум. Жьякомо! – крикнул Тэтбу, с его загоревшим лицом и курчавыми воло-

сами, ни дать ни взять, словно негр – Ступайте скорее сюда, Жьякомо, и скажите мне, что у вас наверху творится?

Взошел лейтенант с невозмутимым лицом.

– Объясните мне, пожалуйста, что там происходит на палубе?

– Мы снимаемся с якоря, капитан.

– Вы снимаетесь с якоря, – возразил капитан, – да кто же вам отдал приказание, господин лейтенант?

– Вы день ото дня все откладываете; поневоле надо отсюда вас вытащить, капитан, как Улисса от поющих на берегу птиц с женскими лицами. Ветер подул отличный, совершенный норд-ост.

– Ну, хорошо, увозите же меня поскорее, не говоря худого слова, – сказал, наконец, консул, полусердясь, полушутя, с его добрейшей улыбкой, которая с ним всех примиряет. – Однако, г. Оммер, вы будете свидетелем, что если я снимаюсь с якоря, то это поневоле, и что тут виновник один черт, этот проклятый Жьякомо!

Лермонтов мне объяснил свою вчерашнюю выходку. Ему вдруг сделалось противно видеть меня, сидящую между генералом Бороздиным и Тэтбу де Мариньи. Ему стало невыносимо скучно, что я буду сидеть за обедом вдали от него. Он не мог выносить притворных ласк этого приторного франта времен Реставрации.

Я сильно упрекнула его в раздражительности, в нетерпении.

– Что же мы должны делать при всем гнете, который тяготеет на нас ежеминутно? Разве много один час потерпеть? Вы не великодушны.

У него такое поэтическое воображение, что он все это видел в биллиардном павильоне, когда мы там были вдвоем, и выпрыгнул в окно, увидав своего венецианского мавра. Его объяснение очень мило, сознайся; я его слушала и задыхалась.

Он, вообрази себе, так ревнив, что становится смешно, если бы не было так жаль его.

А Тэтбу в самом деле смешон; он ходит с утра в светло-синем фраке, с жгутом и одним эполетом и золотыми с якорями пуговицами, в белом жилете и предлинных шпорах (хотя он на лошади и без шпор держаться не умеет) и в нанковых, несмотря на осень, панталонах. Костюм его совершенно напоминает портреты Людовика XVIII, блаженной памяти. Он очень смешон, особенно когда вальсирует или галопирует и садится на минуту, весь впопыхах. Он, кажется, лечится от воображаемого жира и танцует более для моциона. Он не прочь и строить куры, но прежде всего моцион ему необходим. Он страдает закрытым геморроем. Он мне это сказал в первый раз, что меня встретил на бале у г-жи П«опандопуль». Такие вещи можно слышать разве от фламандского ловеласа.

Кстати, я позабыла тебе сказать, что он о тебе вспоминает с восторгом; он уверяет, что всю зиму танцевал с тобою в Брюсселе на балах у Моссельманн, кажется, твоего отца. Он

говорит, что ты ему напоминала трех сестер в Гельсингфорсе, которых он называл по имени: Аврора, Эмилия и Алина (их фамилия у меня совсем вышла из памяти). Одну сестру я знаю. Аврора жена близкого мне человека и действительно тебя напоминает, но ты белокура. Он говорит, что у ее сестры Эмилии тот же цвет волос, как у тебя. Алина очень похожа на Аврору, но выражение ее лица резче. Она более смотрит Юноной. Когда он тебя увидел на бале у принца Оранского в Брюсселе, он был сильно поражен этим сходством; он тебе тут же был представлен самой принцессой и тебе рассказал о своем плавании в Финляндию и встрече с тремя красавицами. А ты одна за троих его обворожила. Это было, кажется, в двадцать девятом году. Я тогда была маленькой девчонкой, ходила в длинных панталонах и в коротком платье. Он говорил об этом сходстве с великой княгиней, и она на это ему отвечала, что этих дам вовсе не знает, но тебя подозвала и представила ему. Что, ты помнишь ли это или он все врет?

Лермонтов торопится в Петербург и ужасно боится, чтобы не узнали там, что он заезжал в Ялту. Его карьера может пострадать. Графиня В«оронцова» ему обещала об этом в Петербург не писать ни полслова. Не говори об этом с Пропером Барантом: он сейчас напишет в Петербург, и опять пойдут сплетни. Он, может быть, даже вынужден будет сюда приехать, потому что дуэль еще не кончена. Выстрел остался за Лермонтовым; он это сказал перед судом и здесь повто-

ряет во всеуслышание ту же песнь. Я это тебе все рассказываю, и мне в мысли только теперь пришло, что Лермонтов, его поэтический талант – все это для тебя то же самое, что говорить тебе о белом волке.

Я заходила в Ялте сказать, что мне нынче не нужно лошади. Мы вернулись в половине шестого, и мне г. де Гелль рассказал, как Тэтбу отправился к черкесам.

– Этого не может быть: он мне дал слово ехать с нами вместе!

Это неожиданное известие меня смутило, и я велела сказать Тэтбу, что если через три дня он не придет с своей яхтой, мы с ним наверное навеки рассоримся.

Моя горничная девушка вернулась из Ялты и мне донесла, что г. Тэтбу будет меня ожидать на рейде, как было условлено. На четвертый день я увидела шхуну и простилась с моим поэтом на станции.

Я долго оставалась в раздумьи, пока я слышала звон его колокольчика... и затем поспешила сесть на катер, доставивший меня на яхту.

С пушечной пальбой я встречена была г. Тэтбу де Мариньи, который дожидал меня внизу лестницы. Г. де Гелль уже ожидал меня на «Юлии». На берегу с раннего утра стояли какие-то подозрительные личности. Мое письмо тебе доставит г. Сеймур в Париже.

Тэтбу сидит у меня в каюте и очень торопит, хотя таможня ничего не смеет сказать. Я сейчас заметила, еще будучи на

берегу, что пристав не скрывает своих подозрений, но войти на военное судно не посмеет ни в каком случае. Нас сопровождала военная шкуна «Машенька», конвоировавшая нас в Балаклаву. В ночь перевезли на яхту четырнадцать ящиков с двумястами двуствольных карабинов, разной мелочью для подарков, порохом, моими туалетами и двумя горными пушками; но все это за печатями английского консульства. Я их везу в подарок князю Адигееву, кроме моих парижских туалетов, разумеется, которые должны обворожить моего кавказского принца.

Мне ужасно жаль моего поэта. Ему несдобровать. Он так и просится на истории. А я целых две пушки везу его врагам. Если одна из них убьет его наповал, я тут же сойду с ума.

Ты, наверное, понимаешь, что такого человека любить можно, но не должно, скажешь ты. Ты, может быть, и права. Я, как утка, плаваю в воде, а выйду, отряхнусь, мне и солнца не нужно. Я вижу твое негодование. Ты ужасно добродетельна, но я лицемерить не люблю.

Это мне напоминает басню, которую мне рассказывала моя старая няня. Вообрази себе, что она меня уверила, что у меня утиные ноги, чтобы я их не выставляла напоказ; что люди скоро это заметят и станут бегать от меня, как от чертова отродья. Что за глупые фантазии водятся у этих старух! И я долго верила этим басням, много плакала и часто разувалась посмотреть, не растут ли у меня перепонки.

Ты очень хорошо знаешь, у меня никогда ни между паль-

цами, ни вообще на ногах, никогда отродясь мозолей не было. Я раз показала мои ноги Анатолю. Мне тогда было около двенадцати лет. Я очень хорошо помню; мы тогда праздновали в первый раз июльские дни. Он, наконец, разубедил меня, что я далеко не урод, напротив того. Ты себе представить не можешь, как я была счастлива! Ты сама знаешь, похожи ли мои ноги на утиные. Я бросилась в его братские объятия. Я почувствовала, что я женщина.

№ 124

Ноябрь 1840 года

До сих пор не могу вспомнить без удивления, с какой настойчивостью преследовали вас неудачи в ту достопамятную ночь, в которую драматизм постоянно смешивался со смешным. Благодаря множеству приключений, эта ночь сделалась достойным дополнением всех прежде проведенных нами в Кавказских горах. Впрочем, можете судить сами.

Около десяти часов вечера, приехав к Дону, мы узнали, что мост, по которому мы должны были проезжать, был в очень плохом состоянии и что, вероятно, нам придется ожидать рассвета, чтобы проехать через него. При нашем нетерпении скорее доехать до места такое замедление было очень неприятно, тем более, что мы имели в виду эту самую ночь провести в Ростове, оставившем по себе такое приятное воспоминание, где хороший ужин и мягкая постель вполне вознаградили бы поспешность нашей поездки. К тому же и погода, благоприятствовавшая нам до сих пор, вдруг переменялась: сделалось холодно, что еще более усилило наше желание переехать мост. Все эти причины были слишком важны, чтобы обратить наше внимание на то, что говорили нам; мы продолжали путь. Однако же, подъезжая к реке, множество отпряженных телег не оставили в нас никакого сомнения относительно дурного состояния моста. Крестьяне, лежащие

возле своих повозок и терпеливо ожидающие рассвета, подтвердили своими рассказами прежде сделанные нам предостережения. Все это мало успокаивало; было только 11 часов, и нам предстояло провести около 7 часов в бричке, подвергаясь ночной стуже; между тем, раз уже достигнув другого берега, мы могли бы доехать до Ростова в 2 часа. Право, это соображение было очень заманчиво, чтобы заставить «не» отказаться нас от принятого намерения.

Но, решаясь продолжать путь, благоразумие подсказало нам принять все предосторожности; кучер и казак были отправлены с фонарем сделать разведку, результаты которой должны были решить – можно нам проехать или нет. После получасового расследования они возвратились и сообщили, что проезд по мосту не совсем невозможен; только следует принять большие предосторожности, так как части моста, по их словам, были ненадежны, и малейшая оплошность с нашей стороны могла быть для нас гибельной.

Не рассуждая об опасности, которой подвергались, мы приняли немедленно решение. Выйдя из экипажа, мы последовали за повозкой, которую наш кучер правил очень медленно, между тем как казак, идя впереди с фонарем, указывал ему места, которых должно было избегать по мере возможности.

Мне кажется, что за все время нашего путешествия мы ни разу не находились в таком ужасном положении. Опасность была неизбежна, в чем почти нельзя было сомневаться; треск

моста, темнота, шум воды, проходившей через помост, наполовину сломанный, гнущийся под нашими ногами каждую минуту, тревожные крики казака и кучера – все это приводило нас в ужас. Однако же мысль о смерти не приходила мне, или, скорее, я была слишком взволнована для того, чтобы у меня могла явиться какая-нибудь ясная идея. Несколько раз карета проваливалась между совершенно сломанными досками; это были минуты страшной суматохи, но благодаря настойчивости нам удалось, наконец, достичь противоположного берега без всякого несчастья. Этот переезд продолжался более часу, наконец он окончился; я не могла держаться на ногах. Вода, покрывавшая мост, доходила нам выше щиколотки. Должны были разуть меня и завернуть ноги в одеяло, чтобы возратить им немного чувствительности. Нечего и говорить, с каким удовольствием каждый из нас занял свое место в карете. Опасность, которую мы только что избежали и после уже могли определить ее, заставляла нас сомневаться в действительной безопасности. Долго еще после того нам слышался шум волн, разбивающихся о мост. Но это впечатление, как оно ни было глубоко, прошло и уступило место новым чувствам, потому что наши ночные приключения были далеко еще не окончены.

Не доезжая несколько верст до р. Дона, наша злосчастная судьба наградила нас пьяным кучером. Поистине, эта ночь была печальна. После того, как мы сбивались с дороги, сколько раз, я уже и не знаю, переезжали через рвы и вспа-

ханные поля, не смущаясь тряскою повозки, – злополучный кучер привез нас опять к мосту, о котором мы не можем еще вспоминать без ужаса.

Напрасно старались мы обмануть себя в нашем бедствии. Увы! нельзя было более сомневаться: Дон был пред нами. Деревня Акзай, которую мы проехали после того, как уехали в бричку, снова предстала пред нами с своими крутыми берегами и неровно построенными домами на возвышенностях. Можете судить о нашем гневе! Потерять более 2 часов на странствование по полям, чтобы возвратиться к тому же месту! Не правда ли, что такая неудача собьет с толку ум и более философский?

Одно оставалось: ожидать рассвета в хате. Но, внезапно отрезвленный видом реки, наш скверный кучер, ожидавший, по крайней мере, хорошего наказания палкою, бросился пред нами на колени и так неотступно упрашивал ехать в Ростов, что мы, наконец, уступили. Трудно было выехать на дорогу, и, прежде чем попасть на нее, нам пришлось быть очень осмотрительными; были минуты, которые угрожали сделаться трагическими: карета, проезжая ров, получила такой сильный толчок, что ямщик был сброшен с козел, между тем как Антуан упал на оглоблю и так запутался, что стоило больших трудов освободить его. Изобразить смятение подобной сцены – вещь невозможная. Крики – стой! стой! – издаваемые нашим несчастным переводчиком, были так неистовы, что мы думали, что он переломил себе все

кости. Надо было видеть, когда казак и мой муж освободили и поставили его на землю: он крутился как бешеный, хотя в конце концов он имел только несколько контузий, не представлявших никакой важности. Что касается ямщика, он поднялся с невозмутимым хладнокровием и вновь сел на козлы, как будто бы ничего особенного не случилось. Видевшие его так спокойно взявшим свои вожжи сказали бы, что он только что оставил постель, усыпанную розами. Эти русские крестьяне в своем диком невежестве дают иногда доказательство философии, которая, казалось бы, могла быть только результатом высшей цивилизации.

Было уже 4 часа утра, когда мы подъехали к Ростову, который находился только в 12 верстах от Дона. Итак, часть ночи мы провели, кружась около этого города, как скорбящие души, и наша отважная переправа через реку не послужила ни к чему. Наши предусмотрительность и старания, с риском утонуть, разрушаются по невежеству пьяного кучера!

Но вид Ростова, где нас ожидал гостеприимный кров, утешил нас за все перенесенные неприятности. Между тем в тот самый момент, когда мы радовались, что достигли конца нашей усталости, новое препятствие еще раз подвергло испытанию наше терпение. Соскочив на землю пред почтовой станцией, которая была в 2 верстах от города, мошенник кучер положительно отказался везти нас далее.

Но этот последний поступок так раздражил казака, что он, схватив длинный кнут, который носил за поясом, в ту же ми-

нуту расплатился с упрямцем за прежние провинности. Внезапно пробужденная криками ямщика, сбежалась стационарная прислуга, вышла также жена зрителя и начала бранить его так, что он был принужден везти нас до города. Мы снова пустились в дорогу. Прошло более часу, прежде чем доехали до дома м-ра Джемса. Только с помощью пощечин справа и слева наш кучер решился ехать далее; он опьянел настолько, что ему стоило страшных усилий побороть сон.

Теперь, если бы пожелали припомнить вкратце все приключения этой достопамятной ночи с самого прибытия нашего на Дон до появления первого жилья, о котором мы так горячо мечтали, то согласились бы, что на нашу долю выпало много препятствий и отдых наш был вполне заслужен; но судить окончательно об этой трижды проклятой ночи следует еще по последнему эпизоду, который судьба нам подготовляла, и, можно сказать, самому злобному. В доме, в котором мы рассчитывали поместиться, находился хлебный магазин, принадлежащий м-ру Джемсу, английскому консулу в Таганроге. При нашем отъезде из этого города консул предоставил свой дом в Ростове в наше полное распоряжение, послав заблаговременно свои приказания приказчику, г. Гренье. Прекрасно помещенные во время нашего первого проезда через Ростов, мы увезли об этом кратковременном убежище приятное воспоминание.

При возвращении в Ростов мысль остановиться в другом месте не приходила нам в голову, тем более, что настоятель-

ные просьбы м-ра Джемса были таковы, чтобы мы смотрели на его дом, как на свой собственный. Неисполнение такого желания показалось бы ему пренебрежением к его гостеприимству. К тому же мы имели в виду, главным образом, скорее отдохнуть, что и заставляло нас пренебречь всеми трудностями нашего ночного путешествия.

Теперь я возвращусь к тому моменту, когда карета остановилась перед тою дверью, на которую мы смотрели как на вход в рай. Антуан начал усердно стучаться, между тем, как мы расположились выходить из повозки. Не прошло еще и 2 секунд, как кучер отпряг лошадей и поспешил уехать, не попросив даже на водку. Прошло несколько минут. Г. Оммер, выйдя из терпения, снова стал стучаться; в это время возвратился наш драгоман с совершенно расстроенным лицом и не знал, как объявить, что г. Гренье, приказчик и провансалец по рождению, самовольно отказался принять нас, под предлогом неимения для нас комнат. Не понимая подобного оскорбления и считая это за недоразумение, мой муж тотчас же отправился к этому человеку, который, спрятав нос под одеяло, с наглостью повторил ему, что мы должны искать ночлега в другом месте.

Всякое объяснение бесполезно, чтобы оправдать подобное поведение. Запирать двери ночью перед своими соотечественниками, перед женщиной, чтобы только не беспокоиться, – подобный поступок мог только прийти в голову провансальцу. Калмыки – и те могли бы поучить вежливости

этого болвана, преспокойно уснувшего в то время, как мы, окоченевшие и дрожавшие от холода, ожидали рассвета под окнами на его дворе.

Не трудно понять, в каком состоянии я находилась до самого утра. Промокшая, разбитая ночными приключениями и тряскою кареты, умирающая от голода и сонная, заочеченелая от пронизывающей стужи, которая в это время года предшествует восхождению солнца, право, я более не сознавала, что происходит вокруг меня.

Как только рассвело, казак нашел лошадей, которые нас доставили в лучшую гостиницу Ростова, где теплая комната, прекрасный бульон и широкий диван восстановили немного равновесие сил, потрясенное как физически, так и нравственно.

По приезде нашем в Таганрог вся семья Джемса была так возмущена недостойным поведением провансальца, что если бы мы захотели отплатить ему тою же монетой, случай не замедлил бы представиться. Тотчас же хотели уволить его; французский консул написал ему строгое письмо, чем мы и ограничили наше мщение и достигли своим ходатайством оставления его в прежней должности.

№ 125

Ноябрь 1840 года

Я оставила казака в Мариуполе, чтобы он оправился от усталости, он должен был нагнать меня в Таганроге. Я имела там друзей, которые стали бы тревожиться. У меня был план, как действовать, и я более склонялась к тому, чтобы ждать его и ехать вместе в Ростов, куда я прибыла утром. Прежде чем ехать в Ростов, я отправилась с ним пешком; мы сошли в овраг, который совершенно скрыл нас от взглядов проходящих. Наступила ночь. Я была счастлива от своей шалости. Придя к другой стороне оврага, на повороте дороги, мы услышали шум быстро приближающегося экипажа и голос моего мужа; в то время мы еще были в глубине оврага. Это меня немного удивило. К счастью, цыганский табор вывел меня из затруднения. Подойдя к верхушке холма, крик изумления и ужаса невольно вырвался у меня, и я остановилась неподвижною пред неожиданною сценою, которая представилась моим глазам: предо мною раскинулся весь цыганский табор, представлявший собою одну из поразительных картин, описываемых Вальтер Скоттом. Казак был изумлен, что я приписала очень мелодичным хорам, которые видимо произвели большое впечатление на нашего казака. Г. Гелль сделал мне замечание, что подобная встреча с цыганами ночью с одним только казаком могла иметь серьезные послед-

ствия. Много примеров каждодневно доказывают, что подобные люди не останавливаются ни перед каким преступлением для того, чтобы удовлетворить свою алчность или облегчить нищету, на которую они обречены. Во всех других странах, только не в России, подобная встреча не обещала бы ничего успокоительного. Г. Гелль, всегда добрый и ласковый, во время путешествия часто бывал недоволен. Я часто раздражала ему нервы, и он впадал в молчаливое состояние. Я также подражала его упорному молчанию, но тряска экипажа производила спасительное действие.

№ 126

Ноябрь 1840 года

...Он был раздражен дурным обращением, которое претерпевала от меня моя горничная. Также он был недоволен постоянным передвижением, которое, со времени моего приезда нарушало его сладостный покой. Дошло до того, что он обвинял меня в бегании с разными людьми по ресторанам и меблированным комнатам. Я упоминала об этом в одном из моих путешествий, недавно изданном. Его дерзость доходила до того, что он упоминал даже об английских капотах. Он хотел ухаживать за мною, этот дурак, а между тем не имел средств удовлетворить ни жену свою, ни любовницу. Эта женщина вознаграждала себя с Антуаном, которому высказывала все свои жалобы. Я уступила ей угол комнаты, потому что сама почти весь день оставалась на воздухе, а мой муж по целым дням делал свои исследования. Один раз он отсутствовал даже в продолжение недели. Слава богу, мой муж ничего не знал о его мерзостях и гадостях. В одной маленькой и жалкой марсельской газете говорилось о моих свиданиях: с князем, который приезжал повидаться со мною, с управляющим, приехавшим в то же время переговорить по делу относительно моих бриллиантов, а также упоминалось о храбром казаке, которого называли моим любовником, и о моих оргиях с мисс Сквейрс. Эта последняя от своего и

моего имени велела его арестовать и выслать во Францию, с запрещением вновь возвращаться в Россию. Бесстыдные газеты были заарестованы у него прежде, чем он успел их разослать, и сожжены официально. Одним словом, это был большой скандал, к счастью замятый, благодаря энергии и ловкости англичанки.

№ 127. ПОЛИНЕ ДЕЛОЖ

Январь 1841 года

Напиши мне, что ты знаешь об отеле Кастелан, в улице Сент-Оноре. Говорят, что в нем устроилась дамская академия. Собрались в аванзале, перед театральной залой; завтрак был великолепен. Потребовали деканшу; никто не отозвался. Потребовали самую молодую; явилась дочь графа, вышедшая замуж за маркиза Кондати. Bravo! Запиши меня в члены. Я напишу Тюфякину, чтоб он внес деньги за пожизненный билет. Надеюсь, что не откажут. Вам деньги нужны. Я к тебе пишу, зная вперед, что ты участвуешь в этом бракосочетании Цитеры с Лесбосом. Что, я угадала верно? или только Лесбос один? Тогда сам Кастелан не участвовал бы. Впрочем, бог знает, у него свои денежные расчеты.

№ 128. Г-ЖЕ СВЕЧИНОЙ

Одесса. Январь 184-1 года

I

Все знают, какое мистическое влияние имела г-жа Криденер в продолжение нескольких лет на восторженный ум императора Александра. Эта женщина, которая с такою прелестью описала себя в «Валерии», блистала своей красотой, умом и положением посланницы в аристократических салонах в Париже, была то светской женщиной, то героиней романа, то замечательной писательницей и пророчицей и оставила после себя много воспоминаний о Франции, которые никогда не изгладятся. Те, кто любит мистическую поэзию, прочтут «Валерию», это очаровательное произведение, появление которого наделало столько шума, несмотря на бюллетени великой армии (так как она появилась в самое блестящее время империи). Те, кто ищет грации, соединенной с красотой и умом, будут помнить эту молодую женщину, занявшую такое выдающееся положение во французском обществе; наконец, люди с восторженным воображением, мечтающие о взаимных чувствах, о религиозной экзальтации с истинной верой, не откажут в своем восхищении той, кото-

рая просила у сильных мира сего только средства на дела милосердия, этой евангельской добродетели, которой она была всегда самой ревностной проповедницей.

Из писем г-жи Кошле видно, с каким рвением г-жа Криденер разыскивала несчастных, чтобы им помочь. За свою доброту она заслужила в Петербурге имя «матери бедных». Все деньги, получаемые от императора, сейчас же распределялись между несчастными, равно как и ее имущество. Зато ее дом с утра до вечера был полон толпою мужиков и матерей семейств, которые получали от нее и утешение, и деньги.

При таком стремлении и средствах к благотворительности влияние ее в Петербурге сделалось так велико, что правительство начало его опасаться. Ее стали обвинять в слишком либеральных стремлениях, религию ее считали недостаточно православною, в милосердии видели скрытое честолюбие и, наконец, обвиняли в слишком большой жалости к этим несчастным мужикам, которых она спасла от нищеты. Но главная причина недовольства двора была в ее сообществе с двумя другими женщинами, религия которых по многим данным казалась подозрительною. Эти две женщины были: княгиня Голицына и г-жа Гвашер (мы после назовем ее настоящим именем). Внося в свои действия гласность, явно обращающую на себя внимание толпы, эти женщины могли только повредить чисто христианским делам г-жи Криденер. Первую из них ненавидели при дворе. Слишком умная, чтобы не высказывать своих мыслей, и знаменитая красотой,

она своим едким умом и философскими идеями восстала против себя и возбудила зависть, вследствие чего при всяком удобном случае старались повредить ей во мнении императора.

Что же касается г-жи Гвашер, славной героини нашего рассказа, то ее двусмысленное положение при русском дворе дало против нее оружие, когда она, покинув свое уединение, вдруг сделалась ревностною последовательницею г-жи Криденер. Но, прежде чем идти далее, необходимо привести некоторые подробности ее прибытия в Россию, чтобы понять ту странную роль, которую она будет играть в последующих событиях.

За два года до той эпохи, о которой я говорю, явилась в Петербург знатная дама с многочисленной свитой, назвавшая себя одной из жертв французской революции. Это звание дало ей право на радушный прием русского общества, и император Александр I своей благосклонностью обратил на нее всеобщее внимание. Узнали, что она приехала из Англии, где нашла убежище во время революционных смут, но причина ее появления в России осталась непроницаемой тайной. С самого появления в Петербурге она высказала большое отвращение к французским эмигрантам в столице, а они, с своей стороны, заявили, что имя ее совсем им неизвестно. Вскоре каждый догадался, что это был псевдоним, скрывающий знатное происхождение, но какое было насто-

ящее имя этой женщины – никто не мог этого сказать, даже сам император. Вся пронизательность придворных разбивалась о высокомерие графини, которая всегда упорно молчала, как только речь заходила о Франции. Александр I, всегда готовый быть защитником прекрасного пола, рыцарски уважал инкогнито иностранки. Более того, он объявил, что всякая попытка проникнуть в ее тайну будет ему неприятна. Этого было довольно, чтобы успокоить любопытство придворных относительно г-жи Гвашер. Ее имя стали произносить с осторожностью и вскоре перестали упоминать его при дворе, где она редко появлялась. Один только император, вероятно, заинтересованный таинственностью ее прошлого и, кроме того, пораженный утонченностью ее манер, сохранил к ней отношения, которым, казалось, придавал особенное значение. В его отношениях к ней ничуть не было волокитства; по крайней мере, ничто не указывает на то, что эта связь кончилась вульгарным образом. Романический ум Александра создавал разные предположения об этой женщине, благородное лицо и осанка которой производили некоторое влияние на его воображение.

Когда княгиня Голицына, возвратясь из продолжительного путешествия по Италии, появилась в Петербурге, император, который искренно восхищался ею, постарался сам сблизить этих двух женщин, считая их достойными оценить друг друга. Как он предвидел, так и случилось: тесная дружба восстановилась между ними, но, к великому огорчению импера-

тора, благодаря влиянию г-жи Криденер, присоединившейся к ним, эта дружба сделалась основанием сообщества, стремящегося только к распространению учения Христова.

Сначала смеялись над таким стремлением, потом встретились, наконец, разными интригами заставили императора, находящегося под обаянием этих трех женщин, удалить их от двора и выслать пожизненно в Тавриду.

Это решение, так мало соответствующее снисходительному характеру Александра, как говорят, было вынуждено статьею английского журнала, в котором император и дамское трио было предметом едких насмешек. Возмущенный взводимым на него обвинением, что он находится под опекой трех полусумасшедших женщин, император, к великой радости придворных и завистников, подписал их изгнание. Эти женщины видели в случившемся факте только проявление божественной воли, предназначающей их к распространению истинной веры между последователями Магомета. Они из христианского смирения не захотели иметь другого конвоя, кроме унтер-офицера, служба которого состояла охранять их во время пути. Их отъезд произвел настоящее смятение в Петербурге. Все хотели видеть этих знатных дам в простой, грубой одежде. Двор насмехался, но народ, всегда впечатлительный относительно религии и притом терявший в г-же Криденер преданную покровительницу, с уважением и сожалением сопровождал наших путешественниц до берегов Невы, откуда они отправились 6 сентября 1822 года.

Два месяца спустя после этого странного отъезда, который каждым объяснялся по-своему, в холодное ноябрьское утро пришла в Таганрог одна из больших барок, употребляемых в России на всех судоходных реках для перевозки товаров. Эта лодка, по-видимому, временно была назначена для приема пассажиров, и это не ускользнуло от внимания матросов, работавших на рейде Таганрога; они сейчас же заметили особенное устройство моста и тот порядок, в котором были уложены тюки с товарами вдоль бортов. К тому же большой ковер, покрывавший переднюю часть лодки, подтверждал их догадку. Барка была широкая, плоская, с палубой и четырехугольным парусом. Ее острый нос изображал грубо вырезанное и раскрашенное изображение св. Николая. На корме возвышался деревянный крест, увешанный полинявшими лентами и ветвями ели, указывающими на суеверную набожность судовщиков. Экипаж, состоящий из 5–6 человек, отличался от прочих экипажей, прибывающих обыкновенно в Азовское море. Белый цвет кожи, рыжая борода, плетеная обувь из березовой коры и формой похожая на римские сандалии, в особенности же правильные черты новоприбывших указывали на великорусское происхождение. Это открытие увеличило любопытство обычных посетителей порта, тем более, что в это время года новые путешественники были редки.

Вид унтер-офицера, лежащего на ковре, дал повод к разным предположениям и долго занимал праздное воображе-

ние матросов; но сколько они ни бросали любопытных взглядов на мост и палубу, они не видали никого из таинственных пассажиров, находящихся на барке, и весь день прошел в тщетных ожиданиях. Правда, унтер-офицер сошел на берег и отправился к полицмейстеру и английскому консулу, узнали даже, что эти представители власти были на барке, но этим все и ограничилось, и публика никогда не узнала, откуда прибыла эта барка, куда она отправлялась и кто на ней находился. Вечером того же дня, по прибытии этого судна в таганрогский рейд, английскому консулу дано было знать через унтер-офицера барки, что одна дама-иностранка явится к нему в 8 часов вечера. Он с любопытством ожидал этого свидания и относительно его терялся в догадках. Как имя дамы, так и поводы к ее посещению были покрыты таинственностью, как будто рассчитанной на то, чтобы в высшей степени заинтересовать консула. Наконец пробило 8 часов, и через несколько минут дверь кабинета отворилась и в ней показалась особа, наружность которой, на первый взгляд, не могла оправдать любопытство британского представителя.

В своем длинном сером платье, настолько широком, что оно совершенно скрывало ее фигуру, в белой повязке на голове, она походила на русскую монахиню, собирающую подаяние на монастырь. Такое было мнение о ней г. Джемса, собиравшегося уже выпроводить ее, как вдруг иностранка, заговорив с ним прекрасным английским языком, превратила его дурное расположение в удивление, вскоре сменив-

шеся глубоким интересом. Изящная фигура, благородный вид и обращение посетительницы сразу указывали ему на ее высокое происхождение. Сначала речь зашла об Англии. Незнакомка сообщила ему, что, прожив долго в этой стране, она пожелала видеть ее представителя в Таганроге. Потом, говоря об английском обществе, она осуждала его недостатки, называла самые аристократические имена совершеннейших джентльменов, доказывая этим, что долго была очень близка этому миру. Наконец, она приступила к главному предмету своего посещения, состоявшему в том, чтобы получить от консула подорожную для продолжения путешествия сухим путем. Консул, более занятый ее наружностью, чем разговором, был поражен изяществом ее выражений, видом достоинства, проглядывавшим во всей ее фигуре. Насколько он мог видеть, ей было около 50 лет. Черты ее лица, хорошо сохранившегося, носили следы красоты: профиль Бурбонов, большие голубые глаза, строгие линии, несколько высокомерная непринужденность обращения – все это придавало ее особе такой величественный вид, что г. Джемс не мог не почувствовать к ней симпатии, смешанной с почтением. Разговор сделался более откровенным. Эта странная женщина, наконец, призналась, что, увлеченная и обращенная баронессой Криденер и княгиней Голицыной, она была выслана вместе с ними в Крым, где и думает проповедовать христианскую веру.

Это неожиданное признание увеличило, конечно, удивле-

ние консула, который, естественно, сделал несколько замечаний относительно подобного намерения.

– Вот, сударыня, поистине примерная преданность, и Бог, конечно, благословит такое рвение служить ему! Разве у вас нет ни семьи, ни друзей, никого, кто бы более нуждался в вашей любви, чем эти грубые люди, которые не в состоянии оценить ваших побуждений и между которыми, я полагаю, не много вы найдете приверженцев, несмотря на все ваши обольстительные средства?

Эти последние слова, произнесенные, может быть, с намерением, произвели на иностранку ужасное действие. Она побледнела, смутилась и пролепетала едва слышным голосом, что все узы, связывающие ее с миром, порваны, так как гнев небесный давно обрушился на ее голову. Несколько минут молчания последовало за этим признанием. Консул, пристально смотря на это бледное и гордое лицо, выражающее какой-то страх, не знал, что делать. Смущение его так было сильно, что его светскость разом исчезла. Надо было во что бы то ни стало возобновить разговор, прерванный таким странным образом, но иностранка сама вывела его из затруднения, простившись с ним и возобновив свою просьбу о подорожной на следующее утро.

Понятно, что г. Джемс не стал дожидаться следующего дня, чтобы удовлетворить свое любопытство относительно этих незнакомок, которые приехали к Черному морю с берегов Невы, влекомые непреодолимым чувством проповедни-

чества.

Не прошло еще часа после ухода посетительницы, как он, пораженный только что слышанным и жаждущий увидеть г-жу Криденер, которая заинтересовала всю Россию, направился к порту. Он без труда нашел лодку. Палуба была пуста, но яркий свет привлек его внимание к одному из люков. Каково же было его удивление, когда, заглянув в каюту, он увидел трех женщин, вернее сказать – трех привидений, сидящих за столом, заваленным книгами и бумагами. Их неподвижность, серые платья, белые головные уборы, строгость лиц, наконец, освещение, падающее на них, – все это придавало картине фантастический вид. После молитвы они начали петь духовные гимны мерным и тихим голосом. Эта строгая гармония, нарушающая глубокую тишину, которая царствовала на барке, поразила консула. Долго ему мнилось, что это какой-то сон, и впечатление, им испытанное, было настолько сильно, что через 20 лет после этого он все еще с восторгом вспоминал об этой картине.

Графиня Гвашер стояла к нему спиной, но зато он мог свободно рассмотреть двух других женщин, стоявших против люка. Г-жа Криденер была маленькая, слабая блондинка; ее вдохновенный взгляд и кроткое выражение лица показывали чрезмерную доброту ее души. Лицо княгини Голицыной, напротив, дышало благородством и величием, но с примесью хитрости, аскетизма, строгости и иронии. Долго пели они по-славянски церковные псалмы, таинственный

смысл которых согласовывался с восторженным настроением их ума; прежде чем они кончили, на мосту послышались шаги, прервавшие восторг г. Джемса. Это был не кто иной, как русский унтер-офицер. Консул воспользовался его появлением, чтобы велеть доложить о себе, хотя поздний час и мало давал надежды быть принятым. Против ожидания, его пригласили; путешественницы встретили консула так непринужденно, как будто бы находились в богатом салоне.

И в самом деле, не удивительно ли, что женщины, столь различные по положению и происхождению, как-то: русская, немка и француженка, отреклись от своих убеждений, вкусов, предрассудков и антипатий, соединились, чтобы по примеру первых христиан подвизаться на поприще обращения язычников.

Несмотря на свой религиозный восторг и роль вдохновенных, к которой они считали себя призванными, эти три светские женщины, привыкшие к роскоши, все-таки подчас должны были раздражаться лишениями и утомлением продолжительного путешествия, что и проглядывало иногда в их взаимных отношениях. Поэтому не удивительно, что они пожелали разойтись по приезду в Таганрог. В особенности же графиня Гвашер, менее своих подруг проникнутая святостью, не раз возмущалась против строгих правил, которым должна была подчиняться; впрочем, эти порывы к независимости были непродолжительны, и когда на другой день ее посещения консул вернулся в порт объявить ей, что подорож-

ная готова, барка с тремя путницами исчезла и никто ничего не мог сообщить о ней.

Появление этих женщин в Крыму встревожило весь полуостров. Горячо желая приобрести приверженцев, они всходили на горы в своем монашеском костюме, с крестом и евангелием в руках, пробирались в долины и татарские деревни и, наконец, в своем поучительном экстазе доходили до того, что проповедовали на открытом воздухе перед последователями корана, удивленными присутствием подобных миссионерок. Однако, несмотря на их мистическую ревность, убедительный голос и оригинальность предприятия, наши героини, как и предсказывал английский консул, мало имели успеха. Они достигли только того, что сделались положительно смешными не только в глазах татар, но и всех живущих на южном берегу. Вместо того, чтобы помогать им или хотя бы относиться снисходительно к их побуждениям, они видели в них только сумасбродных мечтательниц, способных поучать малых детей. Полиция, с своей стороны, всегда готовая ударить тревогу и получившая, кроме того, инструкцию относительно пребывания этих женщин, стала препятствовать всем их миссионерским предприятиям. И, в конце концов, добилась того, что не успело пройти двух месяцев со дня их приезда, как они принуждены были бросить проповедничество и все прекрасные мечты, которыми себя убаюкивали во время тяжелого путешествия. Понятно, им очень тяжело было отказаться от желания заставить восторжествовать сло-

во божие в этих горах, обращенных ими в новую Феваиду. Г-жа Криденер, движимая глубоким убеждением и той силой воли, которая делает героев или мучеников, не могла перенести разочарования; ее здоровье, уже подкошенное многими годами аскетической жизни, быстро расстроилось. Не прошло и года после ее прибытия в Тавриду, как уже не было никакой надежды на ее спасение. Она умерла в 1823 году на руках дочери, баронессы Беркгейм, которая жила несколько лет на южном берегу и сделалась хранительницей многих документов, относящихся к последнему периоду ее жизни, столь богатой романтическими событиями; к несчастью, документы эти не могли получить гласности. Так кончила в изгнании свою жизнь эта избранная натура, вкусившая все великосветские удовольствия, по влечению посвятившая себя всем христианским добродетелям и явившая в России редкое зрелище женщины, влияющей на царя не молодостью, не любовью, а истинною верою, умирительною добротой и мистическим вдохновением, долго разделяемыми ее царственным учеником.

Княгиня Голицына, не столь искренняя в своих религиозных верованиях, бросила мысль об обращении, как только переселилась в свою прелестную виллу на южном берегу. Оставив навсегда сермяжное платье, она избрала не менее эксцентричный костюм, который и сохранила до самой смерти. Костюм этот состоял из юбки-амазонки с суконным камзолом, совершенно мужского покроя; польская шапочка,

обшитая мехом, довершала костюм, который как нельзя более согласовался с оригинальным умом княгини. В этом костюме можно видеть ее портреты и в настоящее время, находящиеся в салонах Кореиза.

Едкий ум, поссоривший ее с петербургским двором, величественное обращение, громкое имя, удивительная память и большое богатство – все это привлекло к ней самых знатных людей южной России. Знаменитые иностранцы добивались чести быть ей представленными; вскоре около нее образовался маленький двор, в котором она председательствовала с достоинством настоящей царицы. Но, причудливая и капризная, она иногда на несколько месяцев запиралась в полнейшем уединении; хотя она и была заражена философскими и даже вольтерьянскими идеями, но воспоминание о баронессе Криденер сейчас же возвращало ее к прежней набожности, резко противоречащей с ее обычным обхождением. В один из припадков такой набожности она водрузила высокий крест на возвышенности Кореиза.

Этот вызолоченный крест виден издалека. Среди скал, покрывающих весь этот берег, вид этого символа любви и милосердия, возвышающегося над деревьями, привлекая взоры, свидетельствует даже в пустыне о религиозном настроении княгини.

Эта женщина умерла в 1839 г., надолго оставив пробел в русском обществе. Княгиня Голицина, воспитанная в XVIII столетии, хорошо знавшая нашу литературу, владев-

шая французским языком с остроумною легкостью, которой он некогда так славился, свидетельница многих переворотов, она знала всех выдающихся деятелей империи; кроме того, она, одаренная наблюдательным и критическим умом, придававшим ее разговору столько же разнообразия, сколько и остроты, была мужчиной по уму и разносторонним познаниям; женщиной – по грации и легкомыслию. Вообще по своим блестящим качествам и прелестным недостаткам она принадлежала к типу, в настоящее время все более и более исчезающему.

В настоящее время, когда блестящий разговорный язык окончательно утратил свое значение во Франции и поддерживается лишь в некоторых редких салонах Европы, трудно понять, какое влияние имели некогда женщины с блестящим умом. Современные наши женщины, стремящиеся более к известности в прессе, нежели к господству в салонах, скрывают все сокровища своего воображения и ума под покровом щепетильной сдержанности, которая, без сомнения, не может не повредить обществу. Писать фельетоны, романы, стихи бесспорно прекрасно, но господствовать в салонах, как женщины XVIII столетия, не лишено также своей цены. Однако не будем обвинять исключительно женщин в том, что французское общество потеряло первенство; современные мужчины, более серьезные и думающие о материальных интересах, стали относиться равнодушнее к тому, что прежде считали предметом поклонения и восхищения.

Но мы потеряли совсем из вида графиню Гвашер, не менее интересную из наших героинь. Она, еще до разлуки со своими сообщницами, оставила проповедничество, наняла на берегу моря уединенный домик, где и поселилась с горничной. По примеру княгини Голицыной она сбросила монашеское платье и оделась в мужской костюм. Некоторое время графиня ушла в такое уединение, что никто из соседей не знал о ее существовании. Ее можно было видеть только во время верховых прогулок вдоль берега, для которых она выбирала самое ненастное время.

Несмотря на это, она не спаслась от любопытства, которое естественно возбудила. Некто полковник Иванов, бывший свидетелем приезда наших путешественниц в Крым, их странного поведения и пораженный оригинальностью г-жи Гвашер, шаг за шагом следил за этою последнею и в конце концов нанял домик поблизости убежища, где она скрывалась, в надежде таким образом подстеречь ее тайну. Но, чтобы не испугать ее своим присутствием, он в продолжение нескольких недель довольствовался тем, что издали сопровождал ее в уединенных прогулках, предоставляя случаю – этому покровителю влюбленных и любопытных – сблизить их. Наконец его настойчивость увенчалась успехом.

Однажды вечером, возвратясь ранее домой, полковник, облокотясь на окно, наблюдал за приближающимися предвестниками бури. Морские волны, поднимаемые порывами ветра, издавали глухие стоны, предвещающие сильную бурю.

Это было время равноденствия.

Тяжелые свинцовые тучи, казалось, соединяли небо с землей. Все в такую минуту располагает к меланхолическому созерцанию, к тем неопределенным грезам, которым предаешься, когда видишь море с его бурями и когда в сердце таится романтическая мечта.

Полковник с наслаждением предавался влиянию стихий, как вдруг его созерцание было нарушено неожиданным происшествием. Он увидел вдали всадника, который, в надежде найти у него убежище, направлялся галопом в его сторону. В эту самую минуту буря разразилась с страшною яростью, море выбрасывало груды пены; все это ставило незнакомца в критическое положение, которое сильно тревожило полковника. Но неожиданное открытие еще более усилило его интерес: он узнал в этом всаднике таинственную соседку и вскоре вполне убедился в своем предположении. Обрадованный случаем, который как нельзя более согласовался с его мыслями, он поспешил оставить свой наблюдательный пост, чтобы принять гостью, столь неожиданно посылаемую ему судьбой.

Но я предоставляю ему самому рассказать об этом первом свидании.

«Подстрекаемый любопытством, я пошел навстречу графине, которая переступила через порог, не удостоив меня взглядом. Казалось, она была в дурном расположении духа и все свое внимание сосредоточила на черепахе, которую дер-

жала в левой руке. Не говоря ни слова и не обращая внимания на мокрую одежду, она направилась к дивану и несколько минут сидела в глубокой задумчивости. Я долго ждал, когда она заговорит со мною, и, пользуясь ее задумчивостью, стал рассматривать свою гостью. На ней была длинная амазонка, зеленый суконный камзол, застегнутый на груди, полярковая шляпа с широкими полями, пара пистолетов за поясом и черепаха в руках. Строгое и прекрасное лицо графини привело меня в восторг. Из-под шляпы выбивались на лоб пряди седых волос, которые свидетельствовали не столько о ее летах, сколько о горе, пережитом ею.

Не снимая шляпы, поля которой наполовину скрывали ее лицо, она дыханием старалась согреть черепаху, давая ей несколько раз нежное название «душеньки», что по-французски значит «petite ame». Наконец она подняла глаза и увидела меня. Первым ее движением было сильное удивление. Не обращая до сих пор никакого внимания на окружающую ее обстановку, в полной уверенности, что находится у татар, она вдруг была поражена при виде моей комнаты, библиотеки, фортепиано, наконец, моей собственной персоны.

– Где же это я? – спросила она с некоторым беспокойством, намереваясь встать.

– Сударыня, вы находитесь у человека, давно живущего отшельником, – ответил я совершенно серьезно, – любящего, как и вы, уединение, море, созерцание природы, отказавшегося от общества и живущего привольно в этом уголке.

Эти слова сильно поразили ее.

– И вы также, – сказала она поспешно, – вы также разошлись со светом, отчего? Да, отчего? – повторила она, как бы обращаясь сама к себе и воодушевляясь понемногу. – Зачем схоронили себя здесь без друзей, родных, без близкой вам души? К чему умирать в такой медленной агонии, когда свет так близок, с своими радостями, балами, спектаклями, увлечениями, придворным соблазном, милостью королевы!..

Каково же было мое удивление! Эта женщина, без сомнения, занятая одной только мыслью, неумышленно раскрывала передо мной весь внутренний мир. В этих немногих словах мне представилась вся ее жизнь – жизнь женщины, прекрасной, богатой, привыкшей к лести и блеску двора. Не берусь передать всех предположений, явившихся у меня после этого странного монолога, произнесенного с увлечением. Что за причины, побудившие эту женщину, созданную для света и удовольствий, появиться на берегу Черного моря? Была ли это жертва любви, тщеславия или придворной интриги? Я терялся в догадках. Но, несмотря на желание раскрыть ее тайну, предпринимал все возможное, чтобы немного успокоить и развлечь графиню. Сняв с нее шляпу и оружие, я предложил ей приблизиться к огню, обсушить платье и, видя, с какой благосклонностью она принимала мои заботы, попробовал даже взять у нее черепаху, но она движением руки остановила меня. Поблагодарив за заботы, она, наконец, заговорила со мною, расспрашивая о том, как прово-

жу время, о моих вкусах, о здешнем неудобстве к занятию искусствами и т. п. Мы проболтали более часу, как старые знакомые, и казалось, что она совсем забыла о вырвавшихся у нее странных словах с самого начала. Желая узнать, зачем она берет с собою на прогулку черепаху, я спросил ее об этом. Принимая серьезный вид, показавшийся мне странным, так как вопрос касался только черепахи, она ответила, что дала обещание никогда не расставаться с нею.

– Это подарок императора Александра, – прибавила она, – и пока черепаха со мною, я не буду считать себя совершенно одинокою.

После этого признания я решился заговорить с нею о тех причинах, которые привели ее на полуостров; но она, тотчас же прервав меня, сказала, что, познакомившись поближе с татарами, совершенно отказалась от обращения их в христианство.

Это люди благочестивые, с непорочным сознанием, – сказала она, – зачем же требовать, чтобы они меняли веру, когда они живут в строгих правилах нравственности и своей религии? Если добросовестно исполняешь свой долг, не все ли равно, кому поклоняться: Иисусу Христу, Магомету или великому Ламе?

На это я заметил, смеясь, что ее слова сильно отзывают ересью и что если она проповедует подобное учение, то может случиться в один прекрасный день, что булла его святейшества отлучит ее от церкви.

– Все эти мысли пришли ко мне после, когда я уже перестала проповедовать, – отвечала она наивно. – Живя в уединении, смотришь на вещи совершенно иначе, нежели в свете. Три месяца тому назад я считала католическую веру выше всех других, теперь же мечтаю о новой, еще более совершенной и возвышенной. Хотите быть моим первым последователем? – прибавила она полушутя, полусерьезно, что меня сильно смутило, и я не знал, шутит она или нет.

Когда она собиралась домой, я проводил ее и должен был дать обещание прийти к ней на следующий день».

Второе свидание было не менее оригинально: полковник, которому наконец открыт был доступ в ее святилище, застал свою соседку за выделыванием мелких стеклянных вещиц. С лампой и паяльной трубкой в руках, она работала с усердием настоящего ремесленника. Приход полковника не прервал ее работы. При нем она выделала столько, что можно было составить целое ожерелье. Потом ему показала несколько ящичков, наполненных жемчугом разной величины, ее собственной работы.

– Если я когда-нибудь вернусь в свет, – сказала она совершенно серьезно, – у меня не будет других украшений, как только этот жемчуг. Носить настоящий – глупо. Посмотрите, какой в них блеск, чистота отделки и величина! Кто поверит, что этот жемчуг не добыт со дна Индийского океана? Точно так же и во всем: к чему сущность, когда наружность прекрасна и приятна для глаз?

Эту странную мораль, впрочем, довольно распространенную в XVIII столетии, полковник только что собирался оспаривать, как вдруг графиня с легкостью, свойственной светским людям, сразу переменяла разговор, сняла шпагу, висевшую над кроватью, и положила ее на колени своего соседа.

– Вы видите это оружие, полковник? Оно дано мне вандейским начальником, который был восхищен моею храбростью: хотя я и женщина, но сражалась за правое дело, неоднократно стреляя из засады вересковых кустарников. Не удивляйтесь же моему пристрастию к оружию и мужскому костюму: это воспоминание моей молодости. Вандейка в сердце, я долго сопровождала геройские отряды, которые сопротивлялись республиканским войскам; жизнь партизанов, с ее случайностями, усталостью и волнениями, мне хорошо известна.

– Но, – прервал ее полковник, с жадностью слушая это странное признание, – как же это при такой преданности к царствующему дому вы не возвращаетесь в свое отечество теперь, когда монархия восстановлена?

– Шш, – сказала тихо графиня, – шш! Оставим в покое настоящее и в особенности прошедшее. Спросите у кустарника, сломанного бурей, отчего весенний ветерок не оживляет его? Оставим лучше вещи так, как они есть, и не будем стараться изгладить неизгладимое. Людское правосудие свершилось, отдадимся суду божьему, милосердному и бесконечному, вечно справедливому и благому!

Все попытки полковника разузнать о ее таинственном прошедшем были тщетны; она оставалась безмолвною и уходила в другую комнату, не желая возобновлять разговор.

После этих двух свиданий, во время которых графиня в минуты невыразимой скорби с горечью возвращалась к своему прошлому, полковнику не представлялось более случая подкрепить своего суждения. Находясь под впечатлением тех же предположений, которые некогда имел и император Александр, Иванов виделся с нею почти каждый день в течение 2 месяцев, но, несмотря на это, г-жа Гвашер не давала ни малейшего повода к большему сближению. Часто она рассказывала ему о своем пребывании в Лондоне, о дружеских отношениях к русскому императору, о своих путешествиях, богатстве, но о Франции – ни слова. Ни малейшего сожаления, ни одного имени, ни одного намека, наконец, никакого указания, по которому бы полковник мог догадаться, что его соседка оставила у себя на родине что-либо, достойное внимания.

Общество такой романической женщины почти лишило рассудка нашего офицера. Его оскорбленное самолюбие и желание разрешить такую трудную загадку не давали ему ни минуты покоя. В отчаянье он стал справляться с историей французской революции, надеясь найти в ней какую-нибудь путеводную нить в своих предположениях, – все было напрасно. Как разобраться среди такой массы неудач и несчастий? Много великих имен пронесли в его уме, связан-

ных с такими обстоятельствами, которые совершенно сбивали его с толку, как только он хотел применить которое-нибудь из них к своей таинственной соседке.

Ум более положительный, может быть, и добрался бы до истины, но полковник, как человек увлекающийся, пускался в самые несбыточные предположения. По его мнению, графиня была незаконным отпрыском королевской крови. На основании этого он оставлял в стороне все имена изгнанников революции и надолго привязывался к какому-нибудь мифу. Наконец, утомленный тщетными поисками, он решил предоставить случаю, уже раз услужившему ему, разъяснить его недоумение. Будучи постоянным свидетелем странностей этой женщины, он недоумевал – сожалеть ли ее или восхищаться ею, хотя в глубине души он сознавал себя не совсем равнодушным к ней.

Она проводила целые дни, выделявая жемчуг и выбирая лучшие из них для ожерелья, рисунок которого исключительно занимал ее, или же впадала в ханжество и апатию, из которых ее трудно было вывести. Часто, под впечатлением жажды движения, она делала дальние прогулки верхом, не чувствуя при этом ни малейшей усталости. Это были минуты ее откровенности или, как она шутя говорила, ее возврат к молодости. В подобных случаях она никогда не забывала своей черепахи, несмотря на шутки полковника.

Графиня часто получала письма из Петербурга, и казалось, что, несмотря на изгнание, сохранила некоторое влия-

ние на государя. Однажды она показала своему соседу письмо от придворной дамы, которая приносила благодарность за ее ходатайство перед императором относительно получения полка ее сыном, чего она давно уже добивалась.

Наш офицер, занятый только мыслью о графине, по-видимому, забыл остальной мир. Но вдруг неожиданное событие прервало его романическую жизнь и вернуло к действительности.

В один прекрасный день приехал из Петербурга француз, назвавший себя бароном X. и поселившийся у графини в качестве ее фактотума. С этой минуты тесная связь, существовавшая между нею и полковником, порвалась. Холодное обращение, лукавый вид и постоянное присутствие барона заставили полковника удалиться. Быть может, покажется удивительным, что он так легко уступил свое место незнакомцу? Но военная служба давно призывала его; при том же, что он мог сделать с человеком, отношения которого к графине, казалось, были давние и к тому же ревниво охраняемые? Его отъезд почти не произвел никакого впечатления на г-жу Гвашер, тем более, что с приездом барона ее привычки совершенно изменились. Бессвязность ее рассудка стала более и более заметна. Теперь она редко ездила верхом, подвергая себя всевозможным лишениям.

Барон X. оставался в Крыму до самой смерти графини, последовавшей в 1823 году. Посвященный во все ее дела, он сделался единственным ее наследником; может быть, и

незаконно, но сделался им. Покинув Крым, он отправился в Англию, где была большая часть имущества нашей героини; впоследствии же возвратился в Россию владельцем весьма значительного состояния.

Странное обстоятельство произошло после смерти графини. Государь, как только узнал о ее смерти, тотчас же отправил курьера в Крым с поручением вытребовать шкатулку, наружный вид и величина которой были с точностью определены. Посланный вместе с полицмейстером долгое время производили бесплодные розыски, но наконец, по указанию горничной, нашли эту шкатулку, припечатанную под кроватью покойницы. Через 10 дней шкатулка была уже в Петербурге и передана его величеству.

Государь, несмотря на то, что это было в присутствии придворных, с нетерпением открыл шкатулку, сломав замок. Но увы, какое жестокое разочарованье! В ней лежали только ножницы. Сомнительно, чтобы император посылал одного из своих казаков за 4000 верст, чтобы получить только ножницы... Как бы то ни было, барона Х. обвинили в том, что он утаил очень важные бумаги и присвоил имущество графини Гвашер. Но так как в это время он уже был на пути к Лондону, гнев императора остался без последствий.

Позднее из разоблачений этого человека и открытия любопытной переписки стало известно настоящее имя графини. Но поздний свет, озаривший ее прошлое, не нашел ни в ком сочувствия. Император уже умер. Полковник Иванов

сражался на Кавказе; не было никого, кто бы, узнав о настоящем ее имени, пожалел о ее несчастиях.

Похороненная в саду своего дома, эта таинственная женщина, о которой ходили такие разноречивые слухи, не имела на могиле даже камня, который указывал бы иностранцу или путешественнику, что под ним покоится графиня Ламот, высеченная и заклеянная на Гревской площади, как участница в скандальном деле об ожерелье королевы.

Больше всего мы обязаны m-ле Жакмар, о которой говорится в путешествиях маршала Мармо, теми подробностями, которые мы сообщили о пребывании в Крыму наших трех героинь. У m-ле Жакмар мы видели собственными глазами шпагу, которая, по словам графини, служила ей во время вандейского восстания, а равно и некоторые письма, свидетельствующие о том сильном влиянии, которое она имела на императора Александра.

Все обстоятельства, которые мы сейчас рассказали о г-же Ламот, вполне достоверны и были переданы нам людьми, хорошо знакомыми с этою женщиною и, кроме того, имевшими веские доказательства.

№ 129

17 июня 1841 года

Неподалеку от карантинной бухты взору путешественника открывается Севастополь, расположенный на склоне холма между бухтами Артиллерийскою и Южною; эти два порта первыми представляются взору при входе на главный рейд.

Такое положение города, построенного амфитеатром, позволяет одним взглядом обозреть весь план и издали придает ему величественный вид. Казармы, запасные магазины и обширные здания адмиралтейства, масса церквей, громадная верфь – все это указывает на важность этого города, который был основан с прибытием русских в Тавриду. Хотя внутренность города и не соответствует блестящей панораме, которая представляется издали, тем не менее достойна знаменитой приморской крепости Крыма. Улицы Севастополя широки, дома имеют довольно красивую наружность, население его, благодаря императорскому указу, изгонявшему евреев из этой местности, менее отвратительно, чем в Одессе, Херсоне, Екатеринославе и проч.

Порт Севастополя есть бесспорно один из самых замечательных в Европе. Сама природа сделала в нем для этого все, что необходимо. Она одна, без помощи искусства, прорыла этот прекрасный рейд, разветвления которого образуют столько бассейнов, прекрасно приспособленных для военно-

го флота. С верхней части города можно сразу обнять взором все это прекрасное создание со всеми его подробностями. Прежде всего наше внимание привлекает большой рейд, расположенный от запада к востоку и углубляющийся до 7 километров внутрь земли; средняя ширина его 100 метров, он служит пунктом главной деятельности флота; в нем стоят на якоре корабли, назначенные для рейсов по Черному морю, и служебные пароходы; в нем же происходят маневры многочисленных гребных лодок. Равным образом Севастополь, посредством этого же канала находится в постоянном сношении с самим полуостровом. Покидая рейд, северное побережье которого не представляет ничего интересного, кроме ряда береговых скал, взгляд переносится на Южную бухту и на прекрасные бассейны, устроенные самою природою. К востоку от Севастополя, у подножия того же холма, тянется более чем на 3000 метров длины Южная бухта. В этом порту, окруженном морскими магазинами и совершенно защищенном от дурной погоды высокими известняковыми откосами, производятся вооружения и разоружения кораблей. Он служит также местом убежища для большого числа баркасов и кораблей, негодных для плавания; одни из них превращены в склады, другие служат жилищем нескольким тысячам каторжников, которые работают в арсенале. Между этими многочисленными морскими ветеранами, почти никуда не годными, с удивлением можно заметить колосс, называемый «Париж», некогда вооруженный 200 пушек, который еще в

1829 году был самым красивым кораблем в императорском флоте.

За Южную бухтою и в сообщении с нею находится небольшой залив для кораблей, в котором русское правительство производит самые важные работы порта и уже много, много лет сооружает док, разделенный на 5 самостоятельных бассейнов и предназначенный одновременно на поправку трех линейных кораблей и двух фрегатов. Первоначальные планы этого важного сооружения приписывают французскому инженеру Рокуру, который исчислил около 6 000 000 руб. на все расходы по этой работе. Правительство ужаснулось такой громадной цифре, и граф Воронцов, пользуясь его нерешительностью, принял предложение английского инженера, который спрашивал только 2 500 000 руб. и обещал окончить все работы в течение пяти лет. 17 июня 1832 года рабочие принялись за постройку. Но спустя 9 лет после закладки, когда мы посетили Севастополь, не было исполнено еще и половины работ, а между тем израсходовано уже более 9 000 000 руб. Только что оконченные бассейны показались нам далеко не соответствующими огромным деньгам, затраченным на них, и трудно понять, как могли употребить хрупкий и слабый мел на гидравлические постройки такой важности. Правда, что углы стен были из гранита или порфира, но такое необыкновенное соединение материалов, столь разнородных между собою, вызывает самую едкую критику на подобный способ сооружения.

Порт Севастополя, такой богатый относительно наружного вида и безопасности бухт, имеет, однако же, большое неудобство: вода в нем кишит разными червями, которые точат обшивные доски кораблей и часто делают их негодными к службе через два или три года. Чтобы устранить это неудобство, против которого искусство бессильно, правительство решилось снабдить бассейны дока пресною водою и, ввиду этого, придумало отвести маленькую речку (Черная река), которая и наполнила главный рейд. В 1841 году три водопровода и два тоннеля, сооруженные из мела и принадлежащие этой же канализации, были почти окончены, но в то же время инженеры жестоко разочаровались, так как оказалось, что тинистые воды Черной реки и наносили в Севастопольский порт червей, от которых хотели избавиться.

Что касается до Артиллерийской бухты, которая служит границею города с западной его стороны, и такой же Киленбак, самой восточной из всех, природа и для них была так же щедра, как и для двух первых, но мы не будем более о них упоминать.

Итак, рассказав о различных портах, гидравлические работы в которых были окончены, само собою разумеется, что мы осмотрели военный флот и знаменитые укрепления, которыми русские так гордятся и считают чудом современного искусства. В 1831 году, в то время, когда июльская революция угрожала взволновать судьбы европейских держав, один лондонский журнал в статье о Черном море и южной Рос-

сии рассказывал, что нет ничего легче проникнуть в Севастопольский порт с несколькими хорошо вооруженными кораблями и обратить в пепел весь императорский флот. Известие английского журнала в высшей степени встревожило Государственный совет, и во время заседания его величество отдал приказ по исполнению множества работ относительно защиты входа Крымского военного порта.

Для этого воздвигли четыре новых форта, которые имели до 11 батарей. Форты «Константин» и «Александр», расположенные один с северной, другой с западной стороны Артиллерийской бухты, служат к защите большого порта и двух батарей: Адмиралтейской и Павла, предназначенных для разгромления кораблей, которые попытались бы пробраться в Южную или же в одну из корабельных бухт. Каждая из этих батарей состоит из трех ярусов и включает в себе от 250 до 300 пушек; эти четыре форта, существующие главным образом для защиты крепости, и в самом деле с первого взгляда кажутся грозными. Но внутренний их вид не соответствует наружному, и мы думаем, что все эти батареи, так дорого стоящие, скорее служат удивлением для простого народа в мирное время, чем наводят страх на неприятеля во время войны. Их положение гораздо выше уровня моря, и третий ярус показался нам сперва крайне неправильный. Люди, знающие дело, согласятся с нами, что эскадра, которой бы поручили завладеть портом, не особенно испугалась бы этих трех рядов артиллерийских орудий, ядра которых, направленные

горизонтально, угрожали бы разве только парусам кораблей.

Равным образом и внутреннее расположение показалось нам не соответствующим правилам военной архитектуры. Каждый ярус состоит из ряда комнат, смежных между собою и посредством маленькой двери соединенных с наружною галереєю, которая простирается во всю длину здания. Все эти комнаты, где происходят опыты над пушками, были до такой степени узки, доступ воздуха в них был так мал, в чем мы сами убедились, что дым от нескольких выстрелов из пушек крайне затруднял действия артиллеристов. Но самый главный недостаток, больший всех перечисленных нами, который вредил всем существовавшим работам, заключался в общей системе, принятой для постройки крепостей. Здесь непредусмотрительность правительства была так же велика, как и при постройке бассейнов дока: инженеры, воздвигая батареи в три яруса, вооруженные от 250 до 300 артиллерийских орудий, не побоялись употребить в дело как материал дурной песчаник грубой известковой земли.

Работы были исполнены с такою небрежностью, размеры сводов и стен были до такой степени сокращены, что с первого же взгляда не трудно предвидеть, что в тот момент, когда многочисленная артиллерия начнет свои действия, все эти батареи безвозвратно должны обрушиться. Попытки, сделанные со стороны форта «Константин», должны уже доказать справедливость нашего мнения. Несколько выстрелов из пушек было достаточно, чтобы избороздить стены

большими рывками. Последняя причина слабости, общей всем крепостям, заключается в совершенном отсутствии каких-либо средств для защиты со стороны земли. Правительство, исключительно озабоченное возможностью нападения с моря, никогда и не помышляло о легкости высадки на всем побережье со стороны Херсона.

Итак, кроме батарей, лишенных артиллерии, и рвов, сам город открыт со всех сторон и не имеет ни одного редута, который бы мог противостоять вторжению неприятеля. Мы не знаем ничего о работах, которые предполагались или приводились в исполнение с 1841 года, но во время нашего посещения несколькими тысячам человек, поддерживаемым морскою демонстрациею, не составило бы ни малейшего труда проникнуть вовнутрь крепости и сжечь флот и арсеналы порта.

Наконец, нам остается сделать оценку воинственной части Севастопольского порта, этого страшного и грозного флота, всегда готового плыть к Босфору в Константинополь. В 1841 г. наличные морские силы Черного моря были следующие:

Линейных кораблей 132-120-пушечных
««других 84 «
Фрегатов «6 60 «
Корветов «6 20 «
Бригов «10 от 10 до 20
Шкун «5

Кутгеров «10
Пароходов «5
Транспортов «25

Самые большие транспорты имеют 750 тонн, самые малые – 30 тонн. Что же касается экипажа, состоящего из 14 батальонов, то он должен бы состоять из 14 000 человек войска. Но известно, что в России официальная цифра всегда далека от настоящей. Мы не думаем, что намного ошибемся, если приведем наличные силы от 6 до 8 тысяч человек.

Как все, что делается в России, так и военные корабли с первого раза поражают вас, но с трудом выдерживают серьезное испытание. После подробного описания взяточничества администрации легко можно предвидеть, какое лихоимство должно господствовать особенно в морских арсеналах. Правительство не жалеет своих денег, отдавая приказания покупать все, что есть лучшего из производимого когда-нибудь лесами и заводами; все старания правительства разбиваются о продажность и алчность чиновников. Вообще корабли сооружены также не без воровства материалов.

Мы уже назвали «Париж» как доказательство прочности русской постройки. Одна кампания скомпрометировала его благонадежность и сделала негодным к употреблению. Но мы должны также признать, что морская администрация занята не исключительно этим быстрым разрушением. После расследований, сообщенных нами, оказалось, что в общем обшивные доски кораблей состояли из ели и сосны. Всяко-

му же известно, что этот сорт деревьев пропускает сырость в корабль, которая не соответствует условиям прочности морской постройки, хорошо исполненной.

№ 130

26 октября 1841 года

Утром мы были пробуждены ржанием и топотом лошадей.

Я выглянул в окно: перед крыльцом стояло тридцать казаков; одни из них были верхами, другие держали за поводья оседланных лошадей. Мы догадались, что эти лошади были назначены для нас. В половине одиннадцатого Згуриев явился.

– Извините, господа, что немного опоздал, – говорил он. – Впрочем, нам придется недалеко ехать до назначенного пункта, и вы, как вижу по самовару, можете спокойно допивать чай. Мы отправимся через час. Да! кстати, я послал вам десять оседланных лошадей, они пригодятся для охотников и для зрителей. Эти лошади смирны и хорошие скакуны. Объявляю вам: на охоте ничуть не заботьтесь управлять ими, они совершенно приноровлены к охоте на кабанов. Держитесь только покрепче на седлах, чтобы при внезапных поворотах не упасть, и заботьтесь только о вашем карабине и выстреле. Наконец, вы должны будете следовать примеру казаков, повторяя те же самые маневры.

Через полчаса мы двинулись. В 15 верстах от Килии на чистом поле кое-где выглядывали мелкие кустарники и от мокроты низменного места поднимались узкие полосы камыша.

Один из казаков начал подавать Згуриеву какие-то знаки.

– Чего он хочет? – спросили мы.

– Он хочет сказать, – отвечал нам шепотом Згуриев, – что кабан вблизи, а в подобном случае необходимо молчание.

Мы подвинулись еще на полверсты вперед.

Близ кустарника тот самый казак подал нам знак остановиться, а сам, сойдя с лошади и наклонившись к земле, стал искать будто бы чего-то в траве. Он то удалялся, то приближался к нам; мы с нетерпением ждали, чем все это кончится. После недолгих поисков казак остановился подле кустарника и радостно подбросил фуражку вверх.

– Есть кабан! – шепнул нам Згуриев.

– Ну что? – прибавил он, обращаясь к казаку.

– Ваше благородие! Зверь неподалеку, вот видите ли пятый кустарник вправо? Черт меня возьми, если там окаянного нет. Извольте приказать стать нашим в шеренгу. Я туда помчусь, пройду близ куста и скажу вам положительно.

Все стали в шеренгу, казак сел на лошадь и поскакал к известному кустарнику, миновал его и, шагах в 10-ти, к нашему удивлению, мы его увидели спокойно подходящим к кустарнику, без карабина и всякого оружия в руках.

– Что он делает? – вскричали мы.

– Ничего, – отвечал Згуриев, – обманулась моя гончая. Там кабана нет.

Действительно, казак скрылся в кусты и через несколько минут вышел, почесывая затылок, потом сел на лошадь и поскакал к нам.

– Ну что, – спросил опять Згуриев, – никак соврал?

– Никак нет, ваше благородие! Кабан часа два тому назад там лежал, а теперь нет его. Но если позволите Андрею следовать за мною, то не будь мы дунайские казаки, если его сейчас не найдем.

– Ступай, Андрей! – сказал Згуриев.

И оба казака скоро скрылись из наших глаз. Через несколько минут они возвратились.

– Есть кабан! – говорили они с восторгом, – мы его видели... он... лежит под кустом неподалеку отсюда. Зато уже кабан куда больше того, которого в прошлый раз убили.

Мы снова двинулись вперед и в полуверсте от того места, где лежал кабан, остановились, сошли с лошадей, подтянули подпруги и осмотрели карабины.

Наконец, когда Згуриев скомандовал: «лента», мы образовали собою длинную полосу.

Что за цель была принять эту позицию, я до сих пор не могу понять.

Згуриев стал впереди с карабином в руках, за ним три казака, за казаками один из наших охотников, и в таком порядке наши кавалеристы смешались с казаками. Гринбаум был только зрителем вместе с остальными тремя охотниками.

Згуриев сделал несколько движений для того, чтобы увериться в исправности седла, потом, прищпоря своего скакуна, устремился как стрела. Проскакав мимо куста в десяти шагах, он выстрелил; и вслед за этим сперва послышалось

хрюкание, а потом из-за куста вырвался кабан и бросился в погоню за Згуриевым. Лошадь его кинулась вбок, искусно уклоняясь от смертельных клыков, и этими маневрами Згуриев удерживал кабана все в одном круге.

Через минуту подоспел к Згуриеву первый казак. Он, пронесясь мимо кабана, выстрелил в него. Кабан, оставя Згуриева, бросился на казака, но в то время второй казак последовал за первым, третий за вторым, и когда уже за третьим прискакал Спиридонов, в то самое время Згуриев и первый казак были позади нашей шеренги и преспокойно заряжали свои карабины.

Каждый из нас исполнял те же движения, и каждого из нас по очереди встречала ярость кабана. Это представляло самый страшный турнир, и этот турнир на чистом поле превосходил испанские бои с быками. Здесь наша арена – пространство степи; зрителями – коршуны, чующие добычу. Они, кружась над нами, будто поджидали последнего удара, чтобы войти в права свои и броситься на окровавленную добычу.

Кабан при каждом выстреле становился свирепее, прыжки его были сверхъестественны, и при малейшей ошибке в расчете охотнику можно было легко попасть на клыки разъяренного зверя, кровь клубилась из него, и при поворотах заметны были на спине его и боках широкие раны.

Шеренга прошла один раз, и лошади покрылись пеною; но кабан продолжал бойко защищаться. Згуриев во второй

раз в него выстрелил. К несчастью, пули то пролетали мимо него, то по временам скользили по его шерсти.

Нам уже становилось страшно.

Первый казак опять пустился вслед за Згуриевым, приблизился к зверю более обыкновенного и, чтобы окончить скорей битву, приложил ему чуть что не к самому лбу дуло своего карабина. Мы уже хотели вслед за выстрелом воскликнуть: «Ура! Победа!» – но это «ура» замерло на наших устах.

Картина переменилась, казак спустил курок. О несчастье!.. карабин осекся, кабан успел задеть клыком лошадь, которая в тот же миг упала на землю.

Казак, лошадь и кабан составили одну окровавленную группу.

Ужасное зрелище так смутило всех, что мы с минуту стояли как окаменелые. Но недолго длилось это оцепенение; мы, не щадя собственной жизни, пустили лошадей во всю прыть на помощь к несчастному казаку. Но не успели приблизиться, как позади нас, из-за куста раздался выстрел. Кабан с ужасным хрюканьем прыгнул в сторону, пошатнулся на ногах и с глухим стоном повалился на бок. В ту же минуту тонкая струя крови брызнула из-под левого бока; это доказывало, что пуля попала кабану в сердце.

– Кто этот спаситель? – воскликнули мы с удивлением, обратя взоры к той стороне, откуда раздался выстрел.

Гринбаум к нашему удивлению показался из-за кустов,

как степной гений. Он спешил к нам, из дула его карабина еще выходил дым.

– А что, господа? – говорил он, улыбаясь, – я вам обещал выстрел и, кажется, сдержал слово в пору.

«Ура» раздалось, и сорок голосов и рукоплескания заглушили его слова. Мы подняли казака из-под лошади. Он был без чувств и облит кровью; но мы вскоре уверились, что он не ранен, а только сильно придавлен упавшею на него лошадыю. Что же касается до несчастной лошади, то все внутренности ее вывалились из разорванного брюха. Ярость кабана обрушилась только на одну лошадь, и это спасло казака, который находился под нею.

Вечером, часу в седьмом, мы приехали в Килию, где нас, как и прежде, ожидал отличный ужин и новые тосты.

При тосте Гринбаума наши «ура!!!» повторены были на дворе казаками, которым задан был пир, озаренный великолепным блеском от горящих смоляных бочек.

Мы не удовольствовались этим и, как, кажется, я вам говорил, пригласили их на прощальный обед. Усталость от верховой езды не позволила нам просидеть до поздней ночи. Расположившись часу в десятом спать, мы спросили о пострадавшем казаке; нас уверили, что он, пробудясь из своей летаргии, так хорошо отпраздновал возвращение к жизни, что снова уснул, но уж от упоения дарами Бахуса.

– Железные люди! – проговорил кто-то из нас.

И действительно, я сам не мог верить, чтобы человек с со-

вершенно измятыми членами мог еще кутить и веселиться.

На второй день целое утро мы заботились о приготовлении обеда. Трудность состояла в неимении посуды для тридцати человек, но, наконец, после многих обысков мы нашли нужные нам вещи.

За домом был садик, мы накрыли там длинные столы, сложенные из досок.

Блюда состояли из дичи, убитой на озере и довольно хорошо приготовленной хозяином и поваром. Часу в первом гости сошлись, и мы их приняли с радушием охотников.

В тот же день, простившись с Згуриевым и его командою, часу в третьем пополудни, в сопровождении: казаков, мы выехали из Килии.

Девятнадцатого августа приехали в Кишинев, где на время расстались: каждый из нас спешил домой по своим делам.

Спиридонов двадцать шестого октября назначил нам у себя свидание для предприятия вторичной экспедиции по северной части Бессарабии.

№ 131

12 ноября 1841 года

По дороге в Вознесенск, близ Вормса, немецкой колонии, я купила несколько участков земли, около трехсот десятин. Там было – пародия сада, довольно красивый дом и много земли в залеже; там же было много леса и протекала река Буг. Я перевела туда сорок семейств крепостных. Кроме того, из разных мест накупила сорок девушек, несмотря на императорский указ, запрещающий продажу таковых с публичного торга; правда, что это земля войска донского, имеющая отдельную администрацию. Я слышала сама своими собственными ушами каждый раз по три удара молотком, когда девушка оставалась за тем, кто давал больше. Я поручила это дело одному немцу из Вормса. У него был помощником молодой человек двадцати лет, который управлял моим хутором. Раз в месяц, когда я отправлялась ревизовать свою землю, меня сопровождала м-лле Рон. Мы назначили свидание барону Франку и другим друзьям, которые тотчас же приезжали по моему приглашению. М-лле Рон была гувернанткой маленькой Нарышкиной. Ее мать называлась Ольгой. Она была любовницей Леона Нарышкина, потом графа Кологривова, и была ею еще в то время, как я пишу эти строки. Граф Кологривов выстроил себе в Одессе укрепленный замок, который назывался Бастилией.

№ 132. КНЯЗЮ ТЮФЯКИНУ В КОМПЬЕН

Вилла Нова. Порт-Майо, 12 июля 1842 г.

Я, слава богу, целешенька и совершенно невредима. Герцог О^рлеанский убит: он упал из коляски по дороге в Нельи. Успокойся, мой милый. Нынче вечером подробно о происшествии.

№ 133. КНЯЗЮ ТЮФЯКИНУ В КОМПЬЕН

Вилла Нова. Порт-Майо, 13 июля 1842 года

Я нынче опять никак не могу быть у тебя, а завтра непременно буду. 13 июля герцог Орлеанский заехал ко мне проститься, по пути в Нельи. Он очень спешил, чтобы откланяться королю; я едва его умолила, чтобы убедить его исполнить этот долг приличия. Его ожидали в Париже, в павильоне Марсан, к полудню. Вся его свита и почтовые лошади тоже были готовы. Он уезжал в Сент-Омер для смотра отходящих войск. Ему оставалось едва час времени на прощание с королевскою фамилиею. Он никого не взял с собой, опасаясь сплетен. Накануне и все эти дни, что мы с тобой были поневоле разьединены, он всякий день сидел у меня до поздней ночи. Он много спрашивал о тебе. Я едва встала и была за моим туалетом, когда он ко мне приехал, кажется, в одиннадцатом часу. Он ужасно торопился и очень был азитирован и даже встревожен и ругал министров и самого короля. Ему не хотелось ехать в Пломбьер, где была герцогиня. Подседельная лошадь от самого Тюильри шла вскачь; я его успокаивала, что эта аллюра свойственна першеронам и что я часто езжу в Компьен к моему доброму приятелю с тем же почтальоном и, кажется, теми же лошадьми; все ду-

мала, что это пустые предлоги. Он, однако, видимо успокоился, и мы болтали очень весело около получаса. Он подошел к окошку и спросил почтальона, прогуливающего лошадей, ручается ли он, что сдержит лошадей. «Ваше высочество, будьте покойны, я ими вполне владею». После завтрака я очень расплакалась, прощаясь с ним, как будто какое-то несчастье должно нагрянуть на нас. Мы выпили несколько рюмок Шато-д-икема и велели отнести бутылки почтальону, чтобы ему не так скучно было дожидаться. Когда герцог сел, я осмотрела упряжь, все было исправно; я спросила почтальона, не запряжены ли они слишком близко к ваге. Невольно беспокоясь, я не выдержала и вспрыгнула в экипаж, желая сама видеть, как пойдут лошади. Мне хотелось проводить его немного далее Саблонвиля.

Лошадь под седоком, встревоженная мошками или шелестом моего платья, стала с места бить. Я едва успела, ухватившись за верх коляски, вспрыгнуть и упала на герцога. Почтальон повернул в улицу Восстания – какое ужасное, зловещее название! Обе лошади понесли. Я была, однако, совершенно спокойна и успокаивала герцога. Лошади несли все перпендикулярно к Порт-Майо. Почтальон хотел их направить по старой дороге, где больше было простору. Я всячески старалась успокоить герцога; но герцог встал, нагнулся к почтальону и спросил: «Ты не в силах удержать лошадей?» Получив отрицательный ответ, он тогда открыл дверцы и выпрыгнул из коляски. Я старалась его удержать, но не успела; та-

кая, верно, участь его была. Два толчка сшибли меня с ног, я едва оправилась от сильного удара и вижу – он лежит распростертый на мостовой. Не прошло нескольких минут, как мы возвратились на место катастрофы. Его, однако, успели уже внести в дом какого-то лавочника, насупротив конюшен лорда Сеймура. Я вышла незаметно из фатальной коляски. Ты, надеюсь, тронут моей заботливостью, чтобы ни малейшая тень не падала на твою голову? Уже несколько сержантов суетились перед домом и расставили несколько солдат для сдержания собравшейся толпы. Он лежал без движения в довольно большой комнате.

Какой-то врач прибыл вскоре и пустил кровь, но это было напрасно: он ударился головой о мостовую, и с ним сделалось сотрясение мозга. Вскоре приехал король, королева, принцесса Аделаида, Клементина; затем прискакали герцоги д'Омаль и Монпансье из Курбеуар и Венсена; прибыл хирург герцога Паскье, но, увы, нам не дал никакой надежды. Вскоре прибыли маршал Жерар, барон Паскье, Делессер и вся свита, собравшаяся около дома, который уже был окружен значительною цепью солдат. Все министры, собравшиеся в Тюильри в ожидании короля (которого ожидали в совет), приехали в Саблонвиль. В четыре часа с половиной его уже не было в живых. Все министры ему были противны: маршал Жерар, Гизо, а в особенности Лакав-Лаплан, который хотел уничтожить огромные субсидии, которые платило правительство туземным сахароварам совершенно даром,

и себе, и нам в ущерб. Маршал Жерар подошел ко мне и грубо заметил, что я недостаточно квалифицирована, чтобы здесь оставаться. Король и королева в отчаянии. В семь часов вечера я еду в Нельи на панихиду. Тело отвозят после похорон в Нотр-Дам в Дре, где устроен фамильный склеп. Я должна быть, и ты тоже, на похоронах. Герцогиня в Пломбьере, принцесса Клементина отправляется за ней в эту ночь. Немурскому дали знать по телеграфу, чтоб он туда же ехал. Я предложила мои услуги, но королева отклонила, сказав, что я тебе слишком нужна. Ты порядочный негодяй. Сама королева о тебе заботится. Она мне поручила своих младших сыновей. «Не правда ли, вы будете с ними тоже любезны, и князь Тюфякин посмотрит на это сквозь пальцы?» Не всякому, кто захочет, удастся быть рогоносцем. Я возьмусь тебе ставить рога; оно, говорят, очень приятно. За тобой все ухаживать будут. Королевская фамилия сопровождает его тело пешком до Нельи. Я уклонилась: мои бедные ножки не выдержали бы; я должна их сохранить для тебя одного. Я должна заехать домой, чтобы надеть траур. Не пугайся, когда ты меня увидишь всю в черном; мне черное всегда к лицу, и я рада случаю носить траур, только не по тебе. С ног до головы твоя Адель.

№ 134. ГРАФИНЕ ЛЕГОНЪ

Понедельник, 31 марта 1843 года

Меня пригласили в Шато Де на «Королеву Викторию».

Так и срывается с языка: наплевать мне на них и на вас.

Давали «Замок моей племянницы» г-жи Ансело труппой «Водевиля» и «Юмориста» с Арналем. Арналь всех рассмешил. Я познакомилась с Абердином. Я с ним давно в переписке. Приезжай ко мне в Порт-Майо, № 2, и смотри не ошибись – приезжай прямо во двор.

№ 135. ЛУИ БЛАНУ

27 октября 1843 года

Ожидаю от вашего беспристрастия, что вы восстановите истину в ваших последующих изданиях в том месте, которое относится до меня и до моей приятельницы, герцогини де Брольи. 13 апреля 1834 года я была в сопровождении герцогини де Брольи. Я слушала обедню в Темпль де Биллет, это было в воскресенье; оттуда мы поехали в мастерскую Давида д'Анжер. Мы очень заинтересованы были статуей г-жи Сталь, матери герцогини. Мой экипаж должен был отъехать в сторону, потому что по всем улицам уже воздвигались баррикады. Я подошла к человеку в блузе, которого я тотчас же признала за сержанта. Он был крайне озабочен, но тотчас же вызвался отыскать мой экипаж, который меня ждал за углом улицы Мобюе. Вы говорите о натурщице, которая рассказывала в присутствии г. Араго об участии полиции в возведении баррикад. Это слишком забавно; меня будто в самом деле приняли за натурщицу!

№ 136. Г. ДЕЛЕССЕРУ

3 ноября 1843 года

Я сопровождала герцога Немурского в Лондон 9 ноября. Посещала зачастую Бельграв Скуэр. Журнал моих действий сообщаю вам. Копия с него прямо отправлена к королю тем же путем.

№ 137

В ночь с 3 на 4 марта (1845) Тюфякин скончался. Я была при последних минутах и три дня не отходила от его постели.

№ 138. ЕВГЕНИЮ ГИНО

Август 1845 года

Бетховен своими знаменитыми и чарующими звуками дал известность городу Бонну, в котором он родился. Кроме того, Бонн еще имеет другие права на славу и занимает видное место в истории: в нем находится один из знаменитейших университетов Германии. Его древний собор, называемый Мюнстер, построен на развалинах церкви, сооруженной св. Еленой, матерью императора Константина. В Бонне же король германский Генрих Птицелов, прадед Гуго Капета, заключил знаменитый дружественный договор с французским королем Карлом Простым. Карл IV, составитель известной Золотой грамоты, основных законов Германской империи, получил императорскую корону в Боннском соборе год спустя, как был провозглашен королем Богемии. Много других более или менее знаменательных событий произошло в этом городе, который, как казалось, забыл все, чтобы вспомнить только то, что он – родина великого музыканта. Бетховен родился в Бонне в 1770 году; он был сыном одного из музыкантов курфюрста. Музыкальный гений рано пробудился в нем: ему было едва 12 лет, когда он написал свои первые произведения, изданные в Маннгейме и Спире. Между тем город, который теперь гордится честью, что в его стенах родился Бетховен, и который только что воздвиг ему памятник, во

время его жизни не оказался щедрым на помощь, предоставив ему бороться с нищетой, этим ужасным препятствием на пути артистической карьеры. Как все гениальные люди, которые прилагают новые пути и идут совершенно одинокими дорогой могучей натуры, так и Бетховен не был понят ни публикой, ни знатоками искусства. Сам Гайдн признавал в нем хорошего пианиста, но считал его как композитора много ниже посредственности. Соотечественники Бетховена не могли переносить его странного характера, его дикого нрава и его резкости, постоянно желая в нем видеть предупредительность и изящество современных щеголей; чтобы избежать замечаний и упреков, которые он заслуживал своею несдержанностью, он принужден был скрыться в толпе большого города. Но и в Вене его оценили и отнеслись к нему не лучше, чем в Бонне. В 1801 году, после смерти курфюрста, Бетховен, лишенный всякой материальной помощи, впал в полнейшую нищету, с которой боролся в течение 8 лет. В это время Германия пристрастилась к итальянской музыке, и Сальери совершенно затмевал Бетховена. Он погиб бы бесследно, если бы, вследствие разных просьб, не получил места капельмейстера при дворе Жерома Бонапарта, короля вестфальского. Тогда немногие защитники немецкой школы сразу расположились в пользу этого гениального человека, который один мог нести знамя национальной музыки против вторжения итальянского дилетантизма; нашлись три мецената, которые удержали Бетховена в Вене, обеспечив ему 4000

флоринов в год содержания. Это были эрцгерцог Рудольф и принцы Лодкевич и Кинск.

Таким образом Бетховен освободился от когтей нужды; ему не приходилось уже бороться против жестокой несправедливости, которая упорно продолжала не признавать его произведений. Слава увенчала его только после смерти.

Так все делается на свете! Бетховена не признавали талантом, ему отказывали в куске хлеба, – луч славы просиял, непризнанный гений высоко поднялся над толпой, и ему воздвигли памятник.

Позднее, но блестящее возмездие, в котором принимали участие король, две королевы и восторженная толпа, собравшаяся со всех сторон на это торжество.

В августе 1845 года последовало открытие памятника Бетховену.

В день открытия в соборе последовала торжественная месса. После установленной церемонии все присутствующие собрались на площади у церкви, среди которой возвышался памятник, завешенный покрывалом; вокруг него были расположены места для избранных гостей. На одной стороне площади, занятой роскошным домом графа Фюрстемберга, известного антиквария и камергера берлинского двора, было приготовлено помещение их величествам прусскому королю и королеве, королеве Виктории, принцу Альберту и их свите. Уже с раннего утра толпа любопытных наполняла площадь. Среди этой толпы выделялись депутаты различных герман-

ских университетов; это были молодые удалыцы студенты, одетые в короткие камзолы, стянутые в туники яркими шарфами из тафты, с длинными рапирами в широких ножнах и в перчатках a la Crispin; на голове у них были маленькие бархатные шапочки, украшенные тремя или четырьмя развивающимися перьями, – странный костюм, который заметно выделялся среди однообразной важности черных фраков.

В полдень прибыл двор. Две королевы, король прусский и принц Альберт поместились на балконе отеля Фюрстемберга, и тотчас же покрывало, закрывавшее памятник, спало. Со всех сторон площади раздались восклицания – приветствовали изображение великого человека. Эта статуя действительно отличается поразительным сходством и замечательна как артистическое произведение. Бетховен представлен стоя, завернувшись в плащ, в задумчивой позе. На пьедестале четыре барельефа представляли драматическую музыку, церковную, фантазию и симфонию, с их атрибутами.

После церемонии принц Альберт отправился в университет, где по его приглашению уже собралась вся профессура. Принц хотел повидаться со своим бывшим учителем, так как супруг английской королевы был студентом Боннского университета, курс которого слушал в 1837 и 1838 гг.

№ 139. ГРАФУ ВОРОНЦОВУ В ТИФЛИС

Константинополь. Вторник, 22 мая 1847 года

Атаки оппозиции против адмирала Мако по поводу много варварских поступков плантаторов с рабами. Если бы вы знали, как мы с ними мягко обращаемся! Адмирал Мако только требовал безусловного подчинения и защищал упорно свою политику перед камерой. Лакав-Лаплан мне пишет, что он настойчиво отстаивает свое место. Ошибки принадлежат не ему одному, а всему кабинету, он вовсе не намерен принимать всю ответственность на себя. Королю удалось его успокоить. Напрасно: ему бы следовало поддержать именно вышедших министров. Одна моя надежда на вас. Я предвижу мое разорение, мне невозможно будет оставить кусок хлеба для детей. Король, принц Жуанвильский это хорошо знают и не могли поддержать моих интересов. Мако так энергически управлял колониями. Я предвижу самые губительные последствия. Жалкая бесхарактерность. Король воображает, что он один умный человек. Один Дюшатель порядочный человек. Бог знает, зачем король держит Гизо. Монтебелло совершенно неспособный преемник Мако. Король с этими людьми далеко не уедет. Я получила с последним пароходом очень тревожные известия. Я не говорю о письмах герцогини Орлеан-

ской, принц«а» Жуанвильск«ого». А не то бы я попробовала счастья с персидской границы навестить вас. Мне необходимо ехать в Триест в четверг, 24 июня, и оттуда немедленно в Париж.

№ 140. ГРАФИНЕ ЛЕГОНЪ

Галац, 6 декабря 1861 года

Я приехала в Одессу из Галаца в позднюю осень в 1861 году и встретилась на пароходе с мисс Пенелоп Сквейрс. Ее узнать нельзя было, она была в очень жалком положении – в нянюшках у какого-то чиновника в Яссах. Так кончить, проведя всю жизнь в роскоши и довольстве! Капитал был ею проеден, землю, крестьян – все продали с молотка. Ее заведение в Ростове было закрыто, и совершенно несправедливым образом. Генеральша ей ничего не оставила, и дела самой генеральши были в самом плохом состоянии: у ней всего оставалось полдюжины крепостных в Одессе. Я рекомендовала ее полицейскому офицеру, очень доброму, услужливому человеку. Подполковник Полозов присоединился к нам. Он ей отыскал четырех девок, но, что еще счастливее, он нашел полторы тысячи франков в руках разных мадам. На эти деньги она имела несомненное право. Она сейчас принарядилась и дала нам несколько очень веселых, если не очень хороших обедов. Я ее оставила в Одессе, где у нее были кое-какие весьма сомнительные претензии, на руках обоих полицейских офицеров, которые обещали похлопотать о ней, чтобы она получила, наконец, ей должное. Бедная женщина!